

Библиотека советской фантастики

Борис Зубков, Евгений Муслин
САМОЗВАНЕЦ СТАМПА

Авторы этой книги — инженеры, изобретатели, журналисты. Их перу принадлежит более трехсот научно-популярных статей, опубликованных в молодежных журналах; несколько книг; сценариев научно-популярных фильмов.

ЗУБКОВ Борис Васильевич родился в 1923 году в Москве. Инженер-электрик по образованию, он сейчас заведует отделом техники в журнале «Знание — сила».

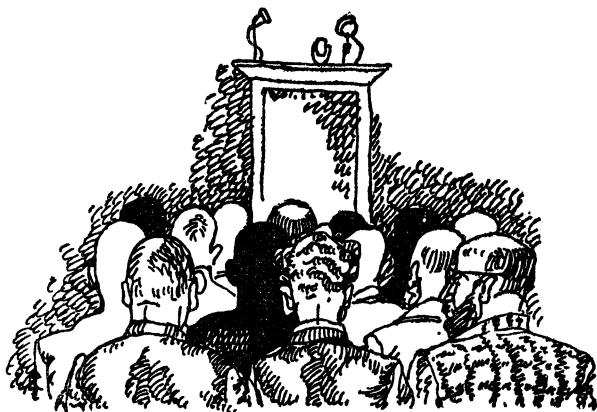

МУСЛИН Евгений Салимович родился в 1930 году в Харькове, инженер-самолетостроитель, заведует отделом в журнале «Изобретатель и рационализатор».

В жанре научной фантастики они работают уже около пяти лет. Внешне темы рассказов очень разнообразны. Но по существу всюду один волнующий вопрос: что несет человеку прогресс техники — великое счастье или великие беды? Едкая ирония фантастических памфлетов, «юмор роботов» и мягкий, очень человечный анализ характеров — все подчинено этой главной мысли сборника.

**БОРИС ЗУБКОВ,
ЕВГЕНИЙ МУСЛИН**

САМОЗВАНЕЦ СТАМП

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». 1968

P2
3-91

I

НЕСУЩИЕ ВЕЧНОСТЬ

НЕСУЩИЕ ВЕЧНОСТЬ

Сейчас все, что рядом со мной, чисто и прозрачно — и моя собственная рука, и шкафчик с термометрами, и стакан с горьковатым лекарством. Вся больница пронизана чистотой и прозрачностью. Кстати, мои врачи не говорят «больница», они любят слово «лечебница». Будто бы меня можно лечить и вылечить! Увы, в свое время я слишком много копался в книгах, посвященных мельчайшим и бездушным тварям, которые, ничего не зная о существовании человека, так жестоко заставляют его страдать. Левенгук называл их «анималькулями» — маленькими животными. О доблестные анималькули, вы и сами погибаете мириадами и идете на дно Мирового океана. Там под тяжестью ваших крошечных трупов прогибается земная кора, и океан выходит из берегов. Ярость вашего размножения неистощима. Горе тому, кто становится на пути этой ярости. Вы можете и его пригнуть к земле, как заставляете прогибаться саму Землю...

До чего додумался — трупы, ярость, пригнуть к земле... Долой такие мысли, долой! И при чем здесь океан? Я никогда не занимался ни микробиологией, ни биогеохимией...

Опять эта боль... Она начинается в одной точке

тела, расширяется, захватывает все его уголки... Все темнеет вокруг.

Я мечтал подарить людям бессмертие всех вещей, которые их окружают... С чего все началось? Забыл. Неужели и память моя заболела? Жаль. Кто-то говорил: «Наше «я» — это синтез памяти». Если я не помню, значит, я не существую...

Вспомнить бы самое начало. Начало... Наверное, там, в холодной мастерской, во время войны. Я работал слесарем по ремонту оборудования на текстильной фабрике. А кой тебе годик? Пятнадцатый миновал... Станки — выходцы из прошлого века, калеки, издыхающие от хронического голода на запчасти. Мы приносили в мастерскую обглоданные, искромсанные детали и в сотый раз пытались вернуть обезображенным кускам металла утерянную форму. Мы строга́ли их, колупали зубилами и плакали от суровой неподатливости металла, от морозов — в мастерской минус пять, от скудной военной пищи — столовая кормила овсяным отваром с пышным названием «суфле» и зелеными котлетами из свекольной ботвы.

Быть может, именно тогда, когда с тупым отчаянием я взирал на изношенные детали, а цеховой мастер, стоя за моей спиной, ждал чуда обновления, тогда и зародилась где-то в крошечном уголке мозга Идея. Потом много лет она дремала, свернувшись тугим пружинистым комочком. Развернулась, когда я уже работал в проектном институте.

...Проектировщики в белых халатах. Окна в два человеческих роста. Где ты, полутемная мастерская? Я тоже в белом халате, но мысленно роюсь в земле городских улиц — проектирую кабельные трассы. Однажды в институт привезли трубу. Удивительную,

ржавую, чудесную, заскорузлую трубу. Она полгода пролежала в земле, храня внутри себя высоковольтный кабель. А на днях понадобилось вытащить его из трубы. Не тут-то было! Вытянули одни медные жилы, оболочка кабеля осталась в трубе. Прилипла! Кусок злополучной трубы привезли в институт. Собрался консилиум, не хуже, чем сейчас собирается возле моей постели. Подошел и я. Внутри труба покрыта слизью. Мазнул пальцем. Так просто, для солидности, будто что-то про себя соображаю. Слизь оказалась вовсе не слизью, а твердым блестящим налетом. Меня это сразу как-то поразило. Почти дурно сделалось. Как будто у меня в руках громадная находка, только ускользает она, и чувствую — сейчас все рассеется, останется лишь грустное ощущение потери. Вот когда проснулась дремавшая столько лет Идея!

Участники консилиума разошлись, я схватил кусок трубы и утащил его на свой стол. Вечером я исцарапал, изрезал, исковеркал серебристый налет перочинным ножом. Нож сломался, но царапины все же получились. Для отвода глаз насыпал в трубу земли из цветочного горшка, воткнул в землю какой-то цветок. Это была моя первая лаборатория. Она умещалась на подоконнике рядом с чертежным столом. Терпение, терпение! Я ждал три месяца. Опять был вечер, когда я трясущимися руками выколотил землю из трубы в корзину для бумаг.

Блестящий слой залечил раны! Царапины исчезли... Какие-то неизвестные доселе микробы наращивали тончайший налет металла, в точности повторяющий форму трубы. Микроорганизмы лечили раны металла. Я нашел их. Случайно или неслучайно? Сколько таких неслучайных случайностей знает нау-

ка. Пенициллин обнаружили в заплесневевшей лабораторной чашке, содержимое которой лишь по недосмотру не выбросили в помойное ведро...

Крохотные богатыри окружают нас. Я прочел где-то слова Пастера, обращенные к пивоварам, виноградарям и кожевникам: «Думаете, вы делаете пиво, обрабатываете кожу, получаете вино? Вы всего лишь управляете слепо, а потому не слишком умело, полчищами невидимых глазом существ, которые и работают в ваших чанах!..» Сколько написал Пастер?.. Два тома, десять, сто? А что застряло в моей памяти? Пара строк. Люди не помнят все. Счастье, если из твоей книги жизни они запомнят одну строчку. Может быть, это даже замечательно, что жизнь не бесконечна? Имея перед собой бесконечную жизнь, многие не торопились бы увековечить себя и не создали бы ничего истинно ценного. Станные мысли лезут в голову, когда болен...

Увы, мое открытие таило в себе злую насмешку. Микромалютки несли вечную жизнь металлу и одновременно стряпали опасную отраву для человека. Первый пострадавший — я. Единственный в своем роде больной. Поздравления принимаются в часы и дни посещения больных родственниками и знакомыми.

Впрочем, на первых порах микробы вели себя вполне мирно. Хоть не прочь были и побезобразничать. Строптивые малютки, плохо поддающиеся дрессировке. Итак, я нашел их в ржавой трубе. Именно там, в заурядной, удивительной, дрянной и драгоценной трубе. Откуда принесли ее к нам в институт? Никто не помнил. Где откопали? В поселке Строителей или у Новых домов? На Проектируемом проезде? Весь город взрыхлен строителями. Для этого уни-

кального куска бурого металла я сделал специальный термостат — теплое, уютное гнездышко. Там, в гараже.

Как раз в это время мой друг продал свой «Москвич». Ему надоело искать «резину» и гоняться за тормозной жидкостью. Да и днище у машины так проржавело, что превратилось в настоящее решето. Осталось автомобильное стойло под названием «кирпичный гараж». Там я оборудовал свою лабораторию. Каждый первооткрыватель первым делом открывает свою лабораторию. Благодаря щедрости друга я получил четыре неоштукатуренных стены и пару длинных полок со следами бензина и машинного масла. Вперед!

Очень скоро я убедился, что в серебристом налете скрывались микроорганизмы десятков различных пород. Из этой живой смеси необходимо было выделить малюток лишь одной породы и приручить их. Я чувствовал себя укротителем на манеже цирка. Алле, гоп! Удар хлыста и... ничего за этим ударом не следует. Пустое сотрясение воздуха. Львы и медведи — нечто весьма осязаемое. Даже слепой смог бы отличить бурого медведя от белого. Даже микроскоп не подсказывал мне, где бактерии одного сорта, где другого. Иногда брала верх порода честных строителей. Тогда опыт удавался. Я ликовал. Крошкостроители восстанавливали металл из окислов, добывали молекулы металла из пыли, носившейся в воздухе, из остатков смазки, из ржавчины... Они строили и строили, наращивая из крупинок тончайшие слои металла, восстанавливая исковерканную деталь, зализывая любые раны, трещины, каверны. С идеальной точностью они возвращали обезображенному куску металла потерянную форму. Таинство обновления

свершалось непрерывно, бесшумно и точно. Я уже видел, как миллионы машин, спрятав в свое нутро колонии бактерий, работают вечно, не боясь износа, царапин, ржавчины. Мир вещей, не знающих тлена и распада. Всегда юные статуи, вечно живые двигатели, навеки незыблемые мосты и башни...

Рядом с малютками-строителями приютилась другая порода — безобразников и хулиганов. Иногда эти маленькие анархисты оттесняли в сторону строителей, и опыты давали дичайшие результаты. Бактерии наращивали на металле безобразные наросты, мохнатые иглы, бесформенные нашлепки. Скульптор-абстракционист сгорел бы от зависти, глядя на их упражнения. Споры бактерий носились в воздухе гаража и, оседая на чем попало, тут же давали всходы. Как они мне досаждали! Однажды они проникли в замок гаража и срастили ключ с замком. Пришлось «разбирать» замок зубилом и кувалдой. В тот же вечер дома я обнаружил, что не могу вылезти из собственной куртки. Застежка-«молния» превратилась в нечто похожее на хребет рыбы, все звенья слились друг с другом. Испорченная куртка — пустяк. Хуже было, когда раздался оглушительный взрыв, зазубренный кусок металла просвистел над головой и вонзился в деревянную полку. Это бактерии разорвали огнетушитель — они разрослись внутри его, раздавили стеклянные баллоны с пенообразующими веществами и одновременно залепили отверстие для выхода пены.

Взрыв... Вероятно, тогда споры бактерий особенно густо заполнили воздух лаборатории. Но и до взрыва все кругом пропиталось ими. Бутерброд, который я ел, воздух, которым я дышал. В человеческом организме найдутся любые металлы. Даже золота полграмма наберется. Мне кажется, что я чувствую, как

бактерии собирают воедино молекулы железа и никеля, устилают металлом вены и артерии. Они путают обмен веществ и, созидая, разрушают. Сколько перед нами незримых врагов... Когда эпидемия чумы косила жителей Афин, один Сократ остался здоров. Может быть, философ уже тогда знал тайну врачующих прививок? Все ли мы знаем про мир мельчайших сегодня? Но вдруг рядом со мной живет современный Сократ? И я надеюсь. Надежды — сны бодрствующих. Утешительно...

Боль... опять все кругом темнеет от боли.

Меня лечит Ростислав Георгиевич. Милый доктор старомодного обличья. Галстук свался трубочкой, очки в «школьной» оправе, то есть в самой уродливой, какую только можно изобрести. Его авторучка подтекает и обернута тряпочкой. Но все равно на пальцах синие пятнышки. Каждый день Ростислав Георгиевич является ко мне с какой-то новой и совершенно оригинальной медицинской идеей. Ободряет? Вероятно. Я узнаю, что где-то доктор Икс рекомендует при гипертонии... поменьше дышать, а доктор Игрек вылечил неизлечимых шизофреников, совершив с ними альпинистское восхождение на Эльбрус, и будто где-то в Австралии некий профессор по цвету глаз распознает сорок четыре болезни. Таким образом он, видимо, вселяет в меня надежду, что и мою болезнь поможет раскусить некий медицинский гений. Надежды — сны бодрствующих...

Несмотря на всяческие странности, Ростислава Георгиевича все уважают, а больные говорят шепотом: «Он творит чудеса». Хорошее, добротное чудо в моем положении оказалось бы очень кстати.

Последние пару дней Ростислав Георгиевич напускает на себя вид таинственный и загадочный. Но ма-

ленькие хитрости его наивны и легко узнаются. Весь секрет заключается в том, что сегодня меня будет смотреть «светило микробиологии». Светило вынесет приговор. Окончательный, обжалованию не подлежит...

Я уже сталкивался с одним таким «светилом». Он давал отзыв на мое открытие. Это тоже был приговор. Суровый и несправедливый...

Полгода я возился в гараже-лаборатории, пока решился официально заявить о своем открытии.

Как я писал тогда в заявке на изобретение? Кажется, так: «Предлагается способ самообновления или самовосстановления любых металлических частей, деталей и узлов машин, механизмов, зданий и сооружений. Способ отличается тем, что с целью постепенного и непрерывного наращивания мономолекулярных слоев металла применяются бактерии, открытые и выделенные в чистом виде автором заявки и названные им *Бацилус Террус*...» Официальное косноязычие. Я вызубрил эту прекрасную формулировку...

Светило микробиологии написал отзыв на мое предложение. Он увильнул от сути дела, его не зацепила идея вечности вещей. Он смотрел со своей колокольни. Он нудно и непререкаемо изложил пункты и подпункты, по которым выходило, что я чуть ли не злонамеренный отравитель. Он доказывал, что было бы преступной неосторожностью поселить рядом с людьми неизвестную доселе расу микробов. Необходимо предварительные массовые эксперименты на животных. Необходимо проследить, не будут ли *Бацилус Террус* оказывать вредное влияние на потомство подопытных обезьян в четвертом поколении! Практическое воплощение в жизнь моей Идеи откладывалось на пятьдесят, сто, может быть, сто пятьде-

сят лет. Страх перед новым, не более того. Но вот ведь я заболел? Глупости. Всякая техника опасна для неумейки. И швейной машинкой можно отрубить себе палец. Моя болезнь — глупая случайность. А светило — трус. Трус! Я так и сказал ему. Пришел уговорить его хотя бы смягчить убийственный отзыв. Но не выдержал, сорвался, наговорил кучу дерзостей. Губы задрожали, покраснел, даже ногами топал... «Светило» тоже покраснел и затопал ногами. Разругались насмерть...

Кто из нас прав? Прогресс техники — всегда риск. Автомобиль пытались запретить, полагая, не без основания, что он распугает лошадей и от этого восседающим в каретах и на извозчиках последует великое членовредительство. На паровоз ополчились врачи, суля пассажирам судороги и расстройство всего тела, как следствие быстрой езды и тряски. Даже невинный телефон — и тот в свое время считали губительным для здоровья.

Ни автомобили, ни паровозы, ни телефоны запретить не удалось. И никакому «светилу» не запретить мое открытие. Мы еще поборемся. Если... если я когда-нибудь еще смогу с кем-то бороться. Бессмертен ли человек? Сколько религий задавали себе этот вопрос. И всякая религия — это лишь гарантийная расписка на вечную жизнь, любой бог — лишь поставщик бессмертия. Боги и бессмертие вместе существуют и вместе гибнут. Они гибнут. Реальность остается. Реальная материя, из которой я сделан, была частью вселенной миллиарды лет назад и будет оставаться ее частью через миллиарды лет. Бесконечное прошлое сфокусировано в моем теле, бесконечное будущее исходит из него.

Ростислав Георгиевич старается все же лечить мое

тело. Добрый доктор Айболит! Я думаю, не так-то легко было ему добиться визита «светила микробиологии». Интересно — кто он? Знаю ли я его фамилию по статьям и книгам?..

...Медсестрички засуетились. На больничном горизонте восходит «светило»... Вот оно приближается. Боже, это мое «светило»! Тот самый, на которого я топал ногами и кричал: «Трус! Консерватор!» Благодарю вас, Ростислав Георгиевич, за приятный сюрприз. Как многое играет в жизни положение человека — горизонтальное или вертикальное. Обезьяна стала человеком, когда приняла вертикальное положение. Я в горизонтальном положении — я повержен, я не прав, уличен в легкомыслии и невежестве. «Светило» возвышается вертикально — он торжествует, он прав и непогрешим. Что он говорит? Нет, не говорит. Произносит!

— Вы доставили нам массу хлопот. От меня потребовали, чтобы я решил, как поступить с вашим гаражом, извиняюсь, с вашей лабораторией.

— Как поступить с моей лабораторией? В каком смысле?

— В единственно возможном. В смысле — уничтожить. Но как? Сжечь? Где гарантия, что бактерии не возродятся из пепла? Протестировать? Но чем? Сулема для них — это все равно, что глоток нарзана. Интересно, что бы вы предложили?..

— Не знаю.

— Обстоятельный ответ. Благодарю вас, коллега. Сколько яда в слове «коллега»!

— Вы, конечно, все же придумали способ уничтожения лаборатории?

— Не сомневайтесь, придумал. Мы обнесли гараж со всех сторон сплошным высоким забором и вылили

сверху пятнадцать самосвалов бетона. Теперь там огромная бетонная глыба, из которой вашим Террус не выбраться. А внутрь лаборатории для страховки брошена ампула с радиоактивным кобальтом. Я предупреждал, что самодеятельная возня с неизученными микроорганизмами чревата последствиями, выходящими из-под контроля...

— Я уже не нуждаюсь в лекциях...

— Учиться никогда не поздно.

Как он банален. Скоро он уйдет?..

— Я не буду проверять ваш пульс. Это обязанность Ростислава Георгиевича. Я займусь этими... Террус. Постараюсь сделать все, что в моих силах. До свидания.

Он сделает все, что в его силах... Какая великолепная, стандартная, обнадеживающая и холодная формулировка. Он сделает все, что в его силах. Ради кого? Ради недоучки, осмелившегося проникнуть в науку, которую он считает своей личной собственностью? Ради чего? Нет, он, разумеется, добропорядочный человек. Разве у меня есть повод сомневаться в этом? Он сделает все, что в его силах. Но с какой душой? Он вызовет к себе свободного лаборанта... А лаборант бывает свободным, если он плохой лаборант. Он попросит к себе свободного сотрудника. А свободным научный сотрудник бывает только в том случае, если его голова свободна от науки. Он поручит им «разобраться» с Бациллус Террус. Заместителю — у него есть заместитель — скажет: «Проследи». И успокоится — он сделал все, что в его силах — поручил, обязал, проследил. Я могу ликовать и лежать спокойно...

Сестричка, сестричка, подойди ко мне! Начинается приступ...

Почему за окнами пламя? Солнце заходит... Отблески желтой звезды светят сейчас не только Земле. Я уже не лежу, я лечу. Я мог бы подлетать сейчас к другой планете... Багровые языки за стеклами иллюминатора. Огненные вихри обжигают стекла. Ключья ядовитых туманов ищут людей, укрывшихся за тонкой металлической обшивкой. Но все спокойны. Нас охраняют полчища Террус. В молекулах их тел атомы кислорода заменены атомами кремния, и малютки могут наслаждаться прохладой тысячеградусных температур. Они живут на обшивке нашего корабля. Сейчас раскаленные вихри слизывают миллиарды огнестойких крошек. И тут же им на смену рождаются миллиарды миллиардов новых. Они размножаются с чудовищной поспешностью. Потоки огня не в силах побороть размножение живых огнеупорных частиц. Впервые испытывается биохимическая защита космических кораблей...

Как далеко ты залетел. Вернись на землю. Туда, где корявая кожа земли изрезана сухими морщинами. Великая сушь, засуха пыльная, заскорузлая. Плуги стремительно режут серую земную корку. Нет, не плуги, два стальных крыла вспарывают землю, режут гигантскую борозду канала. Вглубь — на метры, вширь — на десятки метров. Управляемый по радио каналопроходец обгоняет птицу. Натиск на земные пласты так скор, что вылетающие из-под плуга осколки валунов шипят, падая на влажную землю, — осколки раскалены. А в микронеровностях стальных ножей — колонии Террус. Они жадно выбирают из земли атомы железа и тут же прикрепляют их к металлу, непрерывно восполняя потери. Стальным крыльям не грозит разрушение, это работает вечный плуг...

Мою лабораторию превратили в глыбу бетона. Надгробный камень, воздвигнутый на обломках мечты.

Сегодня Ростислав Георгиевич печален. Не находит слов ободрения. «Светило» возшло на нашем больничном небосклоне и скрылось. Не торопится. Десятые сутки делает все, что в его силах...

Я хотел бы подарить Ростиславу Георгиевичу чужиную собачку. Маленькую, дешевую фигурку. Но она уникум. Единственная в мире и теперь — увы! — неповторимая.

Фигура собачки стояла на столе в гараже. Старенькая статуэтка, одна лапка отломана. И эта лапка выросла за ночь! Я сам видел это! Каким-то неведомым чутьем Бацилус Террус ощущали направление граней обломанных кристалликов чугуна и достраивали их. Когда статуэтка рождалась из огненного расплава, ее пронизывали силовые линии земного магнитного поля, в ней возникали силы натяжения, давления, сдвига микрочастиц, слипавшихся в одно целое. Металл остыл, но запечатлел и сохранил следы этих сил. Теперь микробы-строители шли по незримым следам, двигались вдоль замерзших силовых линий. Они достраивали скульптуру, создавая исчезнувшее, восстанавливая потерянное...

Все прошлое человечества записано в металле. Коринфская бронза, сиракузские монеты, медали хорезмшаха, монисты славян, орудия бронзового века... Картины писали красками с примесью свинца и железа, надписи на мраморе вырубали металлическим клином, книги печатали металлическими литерами... Всюду куски металла, его следы, его оттиски, его пыль и пятна. Все это можно восстановить — изуродованные фанатиками статуи, стертые надписи, истлевшие рукописи, помрачневшие картины. Забытые

цивилизации восстанут из пепла. Малюткам-строителям предстоит большая жизнь... Ничего им не предстоит. Они замурованы в глыбе бетона...

«И опять был день. И опять была ночь».

А когда только что кончился очередной приступ, взойшло «светило». Он подошел ко мне. Какие у него странные глаза! Какие у него воспаленные, безумные глаза...

— Мои глаза? Не обращайтесь внимания. Я не спал одиннадцать суток. Принимал дианол. Сильное возбуждающее. Потребуется полгода пренеприятных процедур, чтобы выгнать его из организма. Никогда бы не решился начинать себя такой дрянью, если бы не спешка. Ростислав Георгиевич сказал, что вы протянете не больше трех недель. Извините, я присяду к вам на постель. От этого дианола сердце работает, как бешеное... Помните, с чего у вас все началось? С ржавой трубы. Я отыскал то место, откуда ее выкопали. Всех поднял на ноги и отыскал. Меня интересовала земля в том месте. Земля хранит многое! И я нашел кое-что... Причина болезни и возможность ее лечения лежали рядом. Почти рядом, не считая шестидесяти трех опытов. Мы нашли антитела, убивающие ваших бурых тварей. Опасность заражения для человека вообще оказалась ничтожно малой. Вам просто не повезло. Во всяком случае, любая домашняя кошка с точки зрения микробиологии представляет более грозную опасность, чем ваши вечные машины...

Все спасено!

— У вас запущенный случай, но считайте, что все уже позади. Выздоровление ваше — теперь только вопрос времени. Я не буду извиняться за тот кусок бетона, в который я превратил вашу лабораторию. Люди важнее лабораторий. А пока они — увы! —

не вечны. Кстати, я хотел поговорить с вами именно об этом. Мне кажется, что микробы, подобные вашим Террус, могут внести нечто принципиально новое в медицину. Представьте себе, что мы заставим их как бы самообновлять некоторые ткани нашего организма. На первых порах это могла быть хотя бы костная ткань...

Может быть, вечными станут не только машины?

ЗА КРАЕМ СОЛНЦА

В подвале пахло запекшейся кровью. Мрак давил на каменные стены подземелья.

Игнат со стоном шевельнулся и разметал руки. Правая рука коснулась шершавого дерева. Почудилось, будто в лесу он. Рука поднялась и ощупала на дереве железные скрепы. Клетка... Неужто замкнули его в деревянную клетку?.. Руку внезапно рвануло, ожгло. И одновременно раздался звериный рык. Зверь по ту сторону деревянной решетки был так близко, что Игнат почувствовал его теплое дыхание. Но боль от свежей раны, от руки, вспоротой когтями хищника, встряхнула сознание. Неожиданно появилась надежда на спасение. Зверя бросили сюда для устрашения узника. Но зверь безрассуден, он страшен и для тюремщика.

Камень!..

...Где-то здесь, на земляном полу валяется плоский, почти острый камень. В ночь после первой пытки, Игнат подложил его под голову, а потом затерял в крошечном мраке. Сейчас каменный осколок может стать орудием спасения. Игнат встал. И тут же ухнула вниз земля — боль от раи вырвала из-под ног опору. Пополз. Перед глазами расплывались, лопались огромные радужные круги. Помогло то, что на-

шел у порога двери деревянную кадку с водой — видно, сжалился кто-то из тюремных холопов.

Прохладная свежая вода взбодрила. Нащупал босой ногой заветный камень, полузатоптанный в мягкую землю.

Пол был насыпной, из свежей влажной земли. Видно, подземелье выкопали сперва почему-то глубже, чем надо, и пол потом снова подняли, подсыпав две-три телеги земли. Все это Игнат сообразил быстро, и картина побега ясно рисовалась перед ним. Каменным острием он подкопает частокол, отделяющий его от зверя... Хотя бы знать, какой там диковинный зверь, какой он породы и масти... Узнает это он лишь тогда, когда от соединенных усилий человека и разъяренного животного рухнет разделяющая их деревянная решетка. Главное, чтобы случилось это к утру, когда стражник откроет дверь подвала. Ринется зверь, почуя волю, в ожесточенном броске повалит расшатанный частокол, сомнет тюремщика, а вслед за зверем ускользнет Игнат. Воля рядом, темный бор начинается почти у стен пыточной избы...

Игнат вонзил острый камень в земляной пол, обнажая концы частокола. И на каждый удар камня зверь — черный барс, что подарил воеводе заморский гость, — отвечал могучим ударом своего мускулистого тела, расшатывая скрипучие колья.

Человек и барс работали вместе...

...Роет Игнат влажную землю, и уже не могильной сыростью веет от нее, а терпким запахом степного разнотравья. Снятое с потного коня седло брошено на землю одной подушкой для двух голов. Сплетаются вместе, втугую, как ременные узоры седла, странствования Игната и Илейки, горячий Илейкин шепот обжигает ухо:

— Зерцало вселенной — Солнце. Оно душа мира и управитель вселенной, от него все планеты и Земля светлость свою приемлют. Светило посередь мира недвижимо, а Земля — несамосветлый шар, коловращающийся вокруг Солнца...

Был когда-то Илейка военным холопом ратной свиты боярина Шакловитого, да в татарский полон попал. В Каффе на невольничьем рынке продали его туркам, на галеры. Среди галерников кого только не сыскать, научился от них Илейка понимать франков и венецианцев, узнал язык турецкий и свейский, говор черного народа Джубы и Ниамей. Повезло ему — на галеру немецкие корабли напали. Отвезли Илейку в немецкие земли. Долго ли, коротко, оказался в Польше у пана Ястржицкого, волынского каштеляна. Пана страсть одолевала — небесная наука, астрономия. Был Илейка у него в чести. Вместе чужезычные манускрипты буква за буквой разбирали, данцигского астронома Гевелия и космографа Блеу на польский перелагали...

Илейка рисовал на песке круги планетных орбит, хитросложные птолемеевы дифференты, лик Солнца с языками пламени вокруг. Под конский топот уносились к звездам мысли Игната, буйное пламя сторожевых костров красило в багровый цвет картину солнечного лика, охотничьи трофеи казаков напоминали о звериных именах далеких созвездий. Все сплеталось воедино.

Быть может, и тот зверь, что рвется сейчас на волю вместе с Игнатом, имеет на небе звездного двойника...

...Слабее и реже удары каменного заступа. Притомился узник, но понимает — задуманное почти сделано. Ночь темна не на век, воевода!

...Недолгим было знакомство Игната с воеводой Тимофеем Струмилиным, недолгим, да памятным.

Послан был Струмилин в Запороги боярами на посольскую разведку, с дарами и грамотами прибирать на государеву службу казаков, а заодно и беглых людейшек высмотреть, кого задобрить, кого и припугнуть.

Не успел воевода к казацким порядкам приглядеться, случилось невиданное чудо. В полдень настала ночь! словно черная птица взмахнула крылом и закрыла Солнце. Настороженно затих казацкий лагерь. Умолкли птицы, вся природа смутилась. Круглая тень скользила по солнечному лику и пожирала куски света.

Не чуя рези в глазах, смотрел Игнат, как Солнце обращалось в полумесяц, потом в тонкую, все еще светящуюся дужку и как вдруг тень, преступив какую-то невидную грань, полностью объяла Солнце. В тот миг по краю круглой черноты вспыхнул нежный золотистый венец. И вот тогда на потемневшем небе Игнат увидел доселе никем невиданное: рядом с померкнувшим светилом сияла незнаемая людьми звезда. Она была ярче самой светлой звезды в рогах небесного Лося¹. О ней никогда не рассказывал Илейка.

Не шелохнувшись, замороженный, стоял Игнат, постигая и укрепляя в памяти доселе неизвестное... И лишь когда круглая тень стала сползать с солнечного диска, когда исчез нежный золотой венец и померкнул свет невиданной звезды, захлебнувшись в потоке солнечного света, услышал Игнат совсем рядом громкие всхлипывающие рыдания. Около него стоял на коленях государев посол, воевода Струмилин. Простоволосый, в исподней рубаше, бородачи заля-

¹ Лось — созвездие Большой Медведицы. (Прим. авт.)

пана глиной, мутные слезы текут по скуластой личине. Не то молится, не то рыдает пополам с икотой от большого страха — в солнечном затмении привиделся воеводе конец света.

Расхохотался Игнат. Боярин поднялся, грозно засопел.

А ночью слуги его подкрались к спящему Игнату, прижали к земле, закатали туго-натуго в войлочную кошму...

За всю свою жизнь не передумал столько Игнат, сколько тогда, запеленатый в пыльную колючую кошму, увозимый на тряской телеге к владениям воеводы. Понял, догадался, что не звезду видел на небе близ Солнца, а планету — несамосветлый шар, коловращающийся вокруг Солнца, подобно Земле, планету, бегающую по той же орбите, что и Земля, но вечно спрятанную от нас солнечной громадой. Это была вторая Земля, открытая им, Игнатом! Быть может, там плескались реки небесной голубизны, солнечно желтели прибрежные пески и жили там неизвестные люди светло и прозрачно...

Горячими угольями набивали Игнату рот, сожгли губы: зачем ржал над воеводой, зачем мерзким хохотом подбивал людишек на неуважение к государеву послу? Пытали по-всякому.

На восьмой день почуял Игнат: не выдержит, умрет под пытками. Но не смерти убоялся, а того, что самое заветное сгинет вместе с ним, никому не переданное. И решил рассказать о своей Земле. Пусть запишут в расспросные пыточные книги, пусть услышит дьяк, что ведет запись, узнают боярские люди. Все легче умирать будет, не унесет в могилу увиденное, найденное.

Дьяк позвал настоятеля ближнего монастыря.

— Заживо небесные тайны созерцать хочешь? — вцепился монах, словно крюком железным за горло взял. — Выше престола божьего замахнулся?

Богопротивными казались настоятелю мысли о второй Земле, гневно увещевал он Игната:

— На семи кругах небесных поставил бог звездное течение! На первом круге — ангелы, на втором — архангелы, на третьем...

Настоятель зудел, уносясь тонким голосом все выше и выше:

— На пятом круге — силы, на шестом — господства, на седьмом — херувимы и серафимы...

Прервал монаха Игнат, из последних сил выговорил:

— А разум человеческий — он, отец настоятель, на восьмом кругу, превыше всего.

...Утром, освободившись из подземелья, Игнат вольным человеком сделал лишь пять шагов. На шестом упал на мягкий лесной мох и не поднялся. Рисунком невиданных созвездий слетели листья орешника на его рваную рубаху.

Я закрываю небольшую книжку в мягком светло-зеленом переплете. Все члены нашего космического экипажа знают эту коротенькую повесть о судьбе Игната. Перед отлетом известный историк профессор Михаил Юльевич Каразин, немного смущенный, боясь показаться навязчивым, преподнес каждому из нас по такой книге. Нас восемь на корабле, и во все книги вложено по листку. Профессор их все написал от руки, желая, вероятно, подчеркнуть значимость своей просьбы. Они и озаглавлены несколько необычно:

ЛИЧНАЯ ПРОСЬБА

«Дорогие друзья! У меня к вам необычная просьба. Свыше трех веков назад, а именно 12 августа 1654 года, в юго-западном крае Руси наблюдалось полное солнечное затмение. Об этом небесном явлении упоминается в «Житии протопопа Аввакума, написанном им самим». Этот факт подтверждается расчетами русского астронома М. А. Вильева, опубликованными в книге Даниила Святского «Астрономические явления в русских летописях», вышедшей в свет в 1915 году. На карте, составленной астрономом, хорошо видно, что полоса затмения от Варшавы пошла на юго-восток через Херсон по направлению к Персии.

Так вот, как сообщается в одной недавно найденной рукописи, казак Игнат, внимательно наблюдавший в этот день за солнечным диском, в момент, когда тот был полностью закрыт Луной, заметил близ него новую звезду, значительно превосходившую по яркости все остальные. Ни до, ни после затмения этой звезды увидеть не удавалось. Будучи знаком понаслышке с учением Коперника, наблюдательный человек высказал еретическую по тем временам мысль, что виденная им звезда — планета, похожая на Землю. Двигаясь по небесной тверди за Солнцем, она всегда загорожена от нас его сверкающим ликом.

За вольные мысли Игнат был нещадно бит, однако продолжал упорствовать. Обо всем этом вы уже знаете из моего рассказа. Но сейчас я обращаюсь к вам с личной просьбой: «заглянуть» за Солнце.

Нет ничего принципиально невозможного в том, что на диаметрально противоположной от Солнца стороне земной орбиты движется какая-то планета. Для того чтобы играть с нами в прятки, Земля-2 дол-

жна перемещаться с той же угловой скоростью, что и Земля, и отстоять на таком же расстоянии от Солнца. Условия жизни на ней могли бы быть близкими к земным! Извините за полет фантазии, но представьте себе, что триста лет назад положение планеты на несколько угловых минут отличалось от теперешнего, и она действительно «выглянула» из-за Солнца. Тут-то во время затмения ее и заметил Игнат — зоркий астроном-самоучка старой Руси.

Как видите, довольно стройная цепь умозаключений. Увы! Когда я обратился к астрономам, вся логика мгновенно порвалась от одного прикосновения математического скальпеля.

Вы лучше меня знаете, что если уж говорить точно, то не Земля вращается вокруг Солнца, а Солнце и Земля вращаются вокруг своего общего центра тяжести, причем общий центр расположен на расстоянии 500 километров от центра Солнца. Так что практически Солнце остается неподвижным, зато на периоде обращения Земли это обстоятельство заметно сказывается. Да, если бы по ту сторону Солнца имелась планета, подобная Земле, то центр тяжести всей системы совпал бы с центром Солнца и продолжительность земного года изменилась бы на 100 секунд. К тому же мы наблюдали бы необъяснимую неправильность в движении других планет. Однако ничего этого нет. Пути планет идеально согласуются с законами небесной механики. Значит, «гипотеза Игната» — любопытный исторический курьез, не больше?

Но почему бы не предположить, что есть еще какие-то другие неизвестные планеты в Солнечной системе, которые как-то компенсируют эту неправильность? Ведь открыл же польский ученый Кордылевский совсем недавно два новых пылевидных естествен-

ных спутника Земли. Так что окажись наблюдения Игната верными, они бы повели к цепной реакции крупнейших астрономических открытий...»

...Мы в пути уже одиннадцатые сутки. Земли Игната пока не видно. Я готовлюсь к очередному сеансу связи с Землей. В радиоотсек входит наш командир и кладет на стол бланк с текстом радиограммы. Почему командир так странно смотрит на меня? Что это? Неужели?

«22 января 198... года. Борт космического корабля «Заря-15». Сегодня в 6 часов 20 минут по московскому времени корабль, продолжая двигаться по направлению, близко совпадающему с линией земной орбиты, достиг расчетной точки, удаленной от Земли на 1 миллион 400 тысяч километров. Произведены астрономические наблюдения Солнца и околосолнечного пространства. Близ видимой границы фотосферы обнаружен объект минус четвертой звездной величины с явно выраженным диском. В спектре атмосферы новой планеты отмечены линии кислорода и водяных паров. Спектрометры обнаружили молекулы белковых соединений. Исследования Земли-2 продолжаются.

*Командир корабля ИГНАТ
ИГНАТОВ».*

ТРИ С МИНУСОМ

До контрольной вышки Росса оставалось два дневных перехода. Два перехода, если спать не больше полутора часов в сутки и почти бежать все оставшееся время. От того, придут ли они к вышке Росса вовремя, зависело все то, что прежде называли «судьбой», «карьерой» или «удачей». Они изучали древние языки планеты и знали множество подобных терминов и понятий, давно исчезнувших из современного языка.

Да, они знали многое с тех пор, как нашли способ наследственной передачи знаний. И теперь, в пору своей зрелости, люди с радостным удивлением ощущали, что весь накопленный их отцами и дедами, прадедами и прапрадедами опыт уже сконцентрирован в уголках их памяти. Не надо было начинать процесс познания с нуля, надо было только его достойно продолжить.

Что и говорить, знаниями они были вооружены на славу. Но Знания не уменьшали Опасность. Даже лихие, по традиции почти безрассудные, старики космозоологи провели на этой сумасшедшей планете только семь минут. Потом космозоологи с безразличным видом объясняли всем, что при современной экспедиционной технике семи минут вполне достаточно для

подробного изучения животного мира небольшой планеты. Недаром какой-то шутник назвал планету древним и тревожным словом «Полундра»! Под этим именем ее и занесли в навигационные таблицы. А неделю тому назад на Полундру сбросили две контрольные вышки конструкции инженера Росса.

Ярко-оранжевый защитный конус первой вышки, сотканный из волокон титансодержащих водорослей, угодил своим основанием в липкое багровое мелководье. Хозяева вышки посетовали на неуклюжую посадку, но уже через несколько минут шлюз конуса раскрылся и выпустил двоих. Их звали Тихон и Нина. Имена, полные аромата древности. Статные фигуры, безупречные для самых придирчивых антропозстетов...

Первый шаг. Вернее, прыжок из люка. Мелководье оказалось предательским. Нина и Тихон с головой погрузились в багровое месиво. Ноги наткнулись на что-то живое. Ступая по клубкам извивающихся тел, увязая в горах студенистой икры, ослепшие от багровой грязи, жгучей, как раствор щелочи, они выбрались на берег. Буйство жизни подкарауливало пришельцев. Огромные пушистые семена плотным слоем облепили еще дымящиеся от сырости комбинезоны. В их тканях семена нашли какие-то питательные для себя вещества и звонко лопались, выпуская корни. Прочные, словно стальная проволока, корешки росли на глазах, растворяя и пожирая голубую ткань комбинезонов.

Прежде чем Нина и Тихон успели опомниться, панцирь корней сдавил грудь. Задышавшись, они пытались сбросить с себя паутину растений. На смену оторванным прилетали новые тысячи семян. Комбинезонов уже почти не было — они превратились в плотный слой шевелящихся корешков. К счастью,

человеческое тело оказалось для растений столь чужеродным, что, прикасаясь к упругой коже пришельцев, они корчились и увядали.

— Милые цветочки, — прохрипел Тихон, сдирая с шеи полужасохшее ожерелье корней.

Что-то со свистом пронзило воздух.

— Беги! — крикнула Нина.

Дождь живых стрел летел над землей. Тихон схватил Нину за руку, бросил ее под укрытие красной скалы и сам упал рядом. Живые стрелы протыкали насквозь неохватные черные стволы деревьев, со свистом вонзались в землю, пронзали даже камни, которые шипели, плавясь и вскипая от ударов. Это были реактивные гадюки. Извергая содержимое своих внутренностей, они развивали поистине космические скорости, и космозоологи не раз встречали клубки этих гадин, выброшенных силой своих мускулов в межзвездное пространство.

Красная скала была слишком ненадежной защитой, но впереди чернел вход в пещеру. Юноша и девушка поползли вдоль скалы, плотно прижимаясь к ней. Ливень змей свистел совсем рядом, угрожая пригвоздить к земле. Одним прыжком они преодолели разрыв между скалой и каменной глыбой, нависшей над лазом в подземелье.

Присели на глинистый пол. Нина коснулась плеча юноши, будто стремясь ободрить его, и тут же заметила, как вход в их убежище прикрыла чья-то тень. Какой-то зверь также искал здесь спасения от реактивных гадюк. Почуя пришельцев, зверь яростно взревел и, словно наливаясь собственной яростью, стал распухать, раздаваться во все стороны.

Это была Распухающая Обезьяна, малоизученный, но грозный представитель животного мира Полундры.

Обезьяна росла, распухала, расширялась. Она уже заполнила почти всю пещеру своим бородавчатым и косматым телом, желая раздавить или замуровать пришельцев.

Нечеловеческим усилием, собрав воедино весь свой запас сил, Тихон уперся руками в каменную стену, принимая на плечи многотонный натиск неудержимо разбухающей туши. Нина проскользнула под руками Тихона, тот еще мгновение сдерживал непосильную тяжесть, потом рухнул на колени, но все же вырвался из-под живого пресса.

Реактивные гадюки исчезли. Надо было двигаться вперед, только вперед.

Прямо от пещеры начинался узкий каменный карниз, нависающий над неглубоким провалом в земле. С каждым шагом провал, над которым они шли, углублялся. Метров через пятьсот он превратился в бездонную пропасть. Нестерпимо пряный, наркотизирующий аромат поднимался со дна бездны. Сладкий дурман притуплял чувство опасности. Захотелось шутки ради попытаться перескочить через пропасть. Или хотя бы сплясать тарантеллу на карнизе шириной в ладонь младенца. Кто знает, чем бы это кончилось, если бы карниз не уперся в отвесную стену. Неожиданное препятствие отрезвило.

— Вниз нельзя, — сказал Тихон. — Видишь свежие осыпи? Полезем вниз — вызовем камнепад. А наверх... Скалы всегда надежнее.

Трещины в отвесной скале попадались не чаще чем через два метра. Надо было сжаться в комок, чтобы пальцы рук и ног оказались в одной трещине. Потом разогнуться, скользя грудью по скале, и нащупать простертыми вверх руками следующую трещину. Вновь подтянуться, вонзив пальцы в расщелину с ост-

рыми как бритва краями. И так тысячу раз. Пальцы вместо металлических штырей скалолазов. Мускулы вместо канатов. Нервы вместо веревочных лестниц.

А когда достигли вершины, не хватило сил отползти от края пропасти, и они долго лежали не двигаясь, наблюдая, как загораются незнакомые звезды на незнакомом небе.

Потом забрались в заросли колючек, торчавших из земли полутораметровыми кинжалами, и уснули, надеясь, что страшный частокол оградит их от ночных хищников.

Утром их разбудил скрежет и хруст ломаемого дерева. Огромная блестящая кишка, диаметром с пятиэтажный дом, ползла по лесу, сокрушая деревья. Нина и Тихон бросились бежать в противоположную сторону, но за рощей черных кактусов вновь наткнулись на извивающуюся преграду. Они метались из стороны в сторону и всюду дорогу преграждал гигантский трепещущий цилиндр. Первой остановилась Нина.

— Кольцо... — сказала она. — Мы внутри кольца. Животное не имеет ни конца, ни начала. Оно замкнутое.

— Исполинская Баранка, — уточнил Тихон. — Относится к классу Мебиусовых, подклассу Полнозамкнутых...

Они многое знали.

Полдня мастерили из кусков дерева и лент коры нечто вроде доисторической штурмовой или осадной лестницы. Еще полдня пытались забросить конец лестницы на гребни, торчащие из спины чудовища. Баранка то уползала от них, то стремительно надвигалась, грозя раздавить. Впрочем, люди были для нее не больше муравьев, и она просто не замечала, как

Тихон и Нина, цепляясь за костяные гребни, подтаскивали и опускали лестницу, штурмуя живую крепость. Одно страшило их — вдруг эта Баранка окажется ползающей внутри другой, еще большей? Иногда Исполинские Баранки собирались в стада по двадцать и тридцать все увеличивающихся колец, вложенных друг в друга. Сколько времени уйдет на то, чтобы вырваться из лабиринта гигантских бубликов! Они не доберутся вовремя до контрольной вышки. И дорогой ценой заплатят за свое опоздание!

Им повезло — Баранка оказалась одиночкой, отбившейся от стада. Но путь вновь преградила ночь.

...Еще вечером они чувствовали, как почва припекает босые ноги. Теперь с каждым шагом приближалось шипение гейзеров, рев водопадов, запах поджаренных камней. Все говорило о том, что впереди Плавающая Река.

Воздух, насыщенный сухой влагой, царапал грудь. Тяжелые тучи струями кипятка перемешивали горячий туман. Естественный атомный котел, скрытый в глубинах Полундры, превратил каменное русло реки в раскаленный желоб. Водопад, невидимый в жарком тумане, изливал на огнедышащие камни океан ледяной воды. Вода вскипала, испарялась, клубилась в воздухе, охлаждалась и вновь бросалась вниз. Дорогу ей преграждали упругие клубы пара. Кипящая река скользила на паровой подушке, как скользят водяные капли по раскаленной сковородке. Казалось — река плывет по воздуху.

Плавающую Реку надлежало пересечь. Так требовала инструкция.

— Здесь нужны жаростойкие скафандры. Без них не обойдешься, — угрюмо сказал Тихон.

— Скафандры? — спросила Нина. — А эта синяя

глина тебе не нравится? Конечно, видик у нас будет... брр... Но если ты обещаешь не смотреть на меня, я, так и быть, обмажусь этой мерзостью...

Две синие фигуры, похожие на скульптурную группу, только что вылепленную из глины неряшливым мастером, двинулись к Плавающей Реке.

Шли под рекой. Над головами струился кипяток. Раскаленное дно шипело и бурлило. Пар обжигал даже сквозь толстый слой глины. Ничего не видя под плотной глиняной маской, полузадохшиеся, они бежали, пробивая упругий водоворот.

А когда достигли берега, увидели всего в полукилометре контрольную вышку № 2 — конец пути, финиш, цель и смысл путешествия. Стремглав помчались к ней и, как были — в комьях синей глины, еще клубящейся паром, — влетели под защитный конус.

Здесь их ждали двое.

— Ну что же вы, молодые люди? — укоризненно спросил старший из двоих. — Такой легкий маршрут, а вы опаздываете на два часа! Больше чем три с минусом я вам поставить не могу. Придется еще раз сдавать физкультуру.

— Да, мельчает народ, мельчает, — покачал головой младший, двухсотлетний седовласый гигант. — Изнеженная молодежь...

Тихон и Нина пристыженно молчали. Экзамен не сдан.

ХЛЕБ

Дерево для мотыги упало с неба. Буря взъерошила хворост на крыше бревенчатой хижины, погнала вспять воду в речке, так что мутная от паводка струя встала меж берегов хрустальной запрудой и вырвала с корнем молодой ясень, росший на высоком, подточенном водой и ветром берегу. Ясень, держа между обнаженными корнями ком земли, упал к ногам человека, когда тот искал, из чего смастерить рукоять для мотыги. А на колышках, вбитых в трещины бревен его жилища, уже висели мотыжные лезвия: узкие и широкие, раздвоенные как рыбий хвост, вытянутые наподобие птичьего клюва, с тремя и четырьмя зубцами и такие затейливые, что напоминали лист орешника после того, как над ним поработал жук-листогрыз. Каждая мотыга имела имя: Разрезатель Корней, Высекатель Искр, Землеруб, Тяжелый Удар...

Сняв с ясеня серую кору и обнажив радостно свежую желтоватую древесину, человек мастерил надежную рукоять, а тем временем весенняя земля поспевала и ждала. Человек знал, что на много дней пути вокруг, а быть может, и на всей земле, он один готовится к трудной и сложной работе. Он долго перебирал мотыжные лезвия, пока не выбрал самое тяжелое и широкое, прозванное Делателем Мозолей. Ни один

мужчина из его рода не решился бы приступить к земле с такой тяжелой и широкой мотыгой.

А когда наладил землеруб, вышел на поляну и бросил мотыгу круто вверх, так, что она завертелась, засвистела, превратилась в мерцающий диск. Диск летел под облака, падал вниз, тут встречала его широкая ладонь, да так ловко, что диск разом превращался обратно в мотыгу и влипал самым концом рукояти в приготовленные для встречи пальцы. Вверх-вниз летал мерцающий диск, а человек, забыв про одиночество, громко смеялся, его забавляла нехитрая игра, он называл ее Праздником Мотыги.

Потом наступил праздник Первого Удара, была упрямо упругая земля и камни. Главное, камни. Они высекали искры. Запах земли смешивался с запахом гари. Стальное лезвие быстро иззубривалось, и человек сокрушенно качал головой. Железо ковал и острил он сам, никто не помогал ему, и каждая искра, уносящая кусочек металла, больно колола в самое сердце.

Вечером, сидя у костра, он долго рассматривал израненное лезвие. Размышлял. И наконец, надумал закруглить края стальной пластины, чтобы при ударе о камень скользила она вбок и не наносила раны сама себе. Довольный своим открытием, человек уснул.

Ночью к потухшему костру подходил медведь, нюхал теплую золу и обиженно ворчал, когда угли, разгоревшись от его дыхания, красными пчелами жалили в нос. Медведь надулся от обиды и мохнатым шаром укатил восвояси.

Во сне человек улетал прочь от бревенчатого домика в совсем иной мир. Тяжело ворочался, подминая упругие ветки, служившие ему постелью.

Поутру, увидев медвежьи следы, нахмурился и тут

же заулыбался, вспомнив, что сегодня в руках у него побывают тяжелые горстки семян. Знал, что припорошенные тонкой серой пылью желтые зерна ждут не дождутся, когда из темной кладовой их пустят на волю и в рост.

Он сеял из лукошка-севницы двумя руками сразу. Так тоже умел не всякий, издавна привыкли сеять одной правой.

Сеял и зорко смотрел, куда падают крайние зерна. Примечал, чтобы, когда пойдет обратно, засеянные полосы ложились точно край в край. Наблюдал за полетом россыпи зерен и в который раз жалел, что совсем одинок. Вот сейчас бы пришелся к делу шустрый паренек, сын. Он бы шагал поодаль и отмечал границы засеянного, втыкая в землю маленькие пучечки прошлогодней соломы. А так, как ни следи, поднимется хлеб где с проплешинами, где с низкорослой гущиной.

Но никто ему не помогал, и он старался не думать о своем одиночестве. Когда ни о чем не думаешь, руки работают ловчее.

А потом пришло, застыло и укрепилось знойное, бездождное лето. Солнце с бессмысленной яростью вонзалось в землю, так что соки земли кипели и испарялись. Воздух пожелтел и зазвенел от сухости, а из реки, затопляя прибрежные кусты, поднимался белый пар.

Человек шел к реке и загребал руками этот пар, словно хотел захватить его огромной охапкой и разбросать по полю мелкими каплями, как недавно разбрасывал желтые зерна. Но пар ускользал, не оставляя на растопыренных пальцах ни малейшего влажного пятнышка.

Изнывая от жажды, земля потрескалась, и былин-

ки, из последних сил сохраняющие зеленую свежесть, стояли возле трещин, как на краю пропасти. Пытаясь спасти умирающую ниву, человек решил провести к ней речную воду, прорыть глубокую канаву. Несколько дней иступленно крошил берег реки в том месте, где он ближе всего подходил к полю, но потом опомнился, сообразил, что здесь нужна не пара, а сотни и тысячи рук, вооруженных кирками и заступами. Опомнился и сбежал в лес, испугался, показалось ему, что забыл он, как чувствуют кожей освежающее прикосновение ветра, почудилось, что зной стоял всегда и будет стоять вечно. Тревога стеснила грудь, но тут закачались, забормотали деревья, переговариваясь шелестом друг с другом, все потемнело, и он понял причину тревоги. Птицы и деревья стали черными, мятые клубы черных туч показались из-за верхушек деревьев, мир замер и раскрылся навстречу грозовому ливню.

Но ливень обманул, жестоко обманул. Редкий перестук первых капель так и не слился в сплошной рокот настоящего дождя. Тучи лениво обошли стороной клочок земли, на который возлагалось столько надежд. Человека обуяло негодование, и он двумя кулаками погрозил небу и солнцу.

Лишь к концу лета разрешилось небо по-весеннему теплыми дождями, и хлеб налил колос. Пришла пора жатвы.

Жал дотемна. Серп в свете луны сам как лунный полумесяц, а колосья и в темноте хранили золотистый солнечный отблеск. И когда отсекал от земли колосья, сверкал в одной руке лунный серп, в другой — пригоршня солнца.

Летнее время он тоже не потерял даром. За Ольховым озером нашел камень-жерновик, обтесал два

маленьких жернова для ручной мельницы: нижний камень — лог, что лежит прочно на земле, и верхний камень — ходун, что вертится под рукой, ходит ходуном.

Муку пересыпал в мучницу — кадку для держания муки под рукой: хлеб печь. Мука получилась отличная, по муке он особый знаток. Опустить в нее руку — холодит, но не очень, внутреннее тепло все же ощущаешь, словно дотрагиваешься до живого тела. На зубах не хрустит, а стиснешь в горсти — сожмется в комок и тут же рассыпается, тоже словно живая.

Взял в руки первую лепешку, свежую, душистую, понюхал, переломил и... Со стороны реки раздался рокошующий гул. Из-за излучины крутого берега показался плывущий по воздуху новенький двухместный аэробус.

Человек вздохнул, положил лепешку в тонкий прозрачный пластмассовый мешочек и шагнул за порог хижины. Навстречу ему бежал пилот аэробуса.

— Здравствуй, Главный Химик! — сказал пилот. — Извини — нарушил твоё отшельничество. Прилетел сказать: отпуск кончился, все в Институте ждут тебя. Думал послезавтра прилететь, да не утерпел — твоё новая книга вышла, хотел обрадовать. Вот, держи!..

Каждый рисунок в книге был объемным и, кроме того, излучал тонкий аромат свежее испеченного хлеба. Почти вся книга состояла из таких рисунков — здесь были пышки и сдобы, калачи и роголики, бублики для школьников и крендели для старушек, печенье для музыкантов и пряники для влюбленных, ватрушки для дальних рейсов и кексы подводного питания. Называлась книга «Новый синтетический хлеб». Когда пи-

щу стали ткать из солнечных лучей и струй воды в прозрачных шарах-реакторах, все забыли о том, что такое недород, засуха, неурожай. И только автор книги, Главный Химик Всемирного Института Синтетического Хлеба, каждый год прилетал за Ольховое озеро сеять и жать. Как и многие другие в XXI веке, он по-прежнему любил Природу и Простой Труд.

ГРИБЫ

Он сел на обломок скалы, чтобы отдохнуть и собраться с мыслями.

Да, он прилетел вовремя. В самый раз: двухнедельный день тогда только начинался, еле брезжил медлительный лунный рассвет, и, хотя далеко-далеко за линией горизонта солнце уже осветило зазубренные горные пики, золотистые искорки у его ног быстро тускнели и гасли, превращаясь в размытые серые пятна. С тех пор за все прошедшие одиннадцать дней он не терял ни секунды. Ему не в чем упрекнуть себя...

Он выпрямил натруженные ноги и потянулся. За тонкой оболочкой скафандра притаилась пустота, первозданное Ничто, ледяной космический вакуум. Чуть слышно потрескивало в наушниках, воздух, шурша, как осенние листья, струился по трубкам регенератора. Тук-тук, тук-тук — стрекотали кузнечики. Это счетчики Гейгера вторили космическим ливням. Красное солнышко — совсем не красное, а нестерпимо ярко-голубое — висело над многоярусным валом, отгородившим кратер Коперника от Моря Дождей. Искать приходилось именно здесь, внутри огромного круга девяноста с лишним километров в поперечнике.

Человек в пластиковом скафандре поднялся, при-

вычным движением поправил защитный свинцово-цинковый зонтик, пронзенный серебристым стержнем антенны, и зашагал вперед. Он двигался не торопясь, осторожно переставляя ноги в тяжелых ботинках, время от времени касаясь холмиков мелких камней чутким трезубцем-искателем, который держал в руке. Но каждый раз разочарованно поджимал губы и шел дальше. На первый взгляд он двигался бессистемно, все время забирая влево. Но если посмотреть сверху и смотреть достаточно долго, то можно было убедиться, что сверкающая в солнечных лучах точка упорно ползет против часовой стрелки, описывает круг за кругом разворачивающуюся спираль.

Так прошло еще несколько долгих часов. Внутри скафандра зазвенел колокольчик. В который раз вспомнилось: «Пока недремлющий берегет не прозвонит ему обед». Он оглянулся вокруг и удобно примостился на плоском камне, опустив ноги в расщелину. Горячее какао ласково щекотало горло. Питательная паста приятно отдавала ванилью...

Несмотря на тревожное нетерпение, он ни на йоту не отступил от заранее намеченной программы. Этим можно гордиться: малейшее отступление от скрупулезно разработанного учеными ритуала грозит его миссии неудачей. Он вспоминал прошедшие дни: едва ракета огненным шлейфом коснулась Луны и легкий толчок возвестил о конце пути, он послал радиogramму на Землю и согласно инструкции лег отдыхать. Через шесть часов поднялся, облачился в скафандр, собрал необходимое снаряжение, включил стерилизаторы. Лишь после того как синие язычки пламени тщательно облизали скафандр, открыл люк и выпрыгнул на серую ноздреватую и жесткую пену. По угольно-черному небосводу переливался извилистый Млеч-

ный Путь. А чуть в стороне висел огромный земной диск, похожий на блюдо из зеленоватого фарфора. Тихий океан пересекала золотистая солнечная дорожка. При тусклом свете Земли собрал гелиостанцию с длинным изогнутым зеркалом и воткнул в пену металлический шест для антенны...

Обед окончен. Пора опять приниматься за поиски. Как в детстве, когда он мечтал о кладах. В теплые лунные ночи мальчишки часто убегали за город на озера. Там бродили они среди древних развалин, копаясь возле старых замшелых плит. То же самое и теперь. Только вместо цветка папоротника у него в руке трезубец искателя, а вместо старого ялика, пахнущего дубовой корой и плесенью, стоит под скалой ракета из дымчато-желтого титана. Нет ни потайного фонаря с оплившей свечой, ни узловатой веревки, пропахшей озерной тиной, ни ржавого заступа, похищенного у соседа на огороде. Есть рентгеновский спектрометр для анализа горных пород, газовый хроматограф, певучие счетчики радиоактивных частиц...

А клад... он найдет его.

Он встал, отряхнул со скафандра серебристую пыль и снова зашагал по воображаемой спирали, вдоль незримой силовой линии, расчертившей пространство.

Сколько раз хотелось поддаться соблазну, броситься в сторону от расчетного маршрута, попытаться счастья! Сердце билось сильнее, дыхание учащалось, на лбу выступали капельки пота. А за полмиллиона километров, там, на Земле, тревожно вздрагивали самописцы, фосфоресцирующие змейки на безмолвно-зеленоватых экранах щетинились тревожными пиками. Через черные бездны пространства ему передавалось беспокойство людей с уставшими серыми лицами, следивших, не мигая, за осциллографами. Он брал себя

в руки, кляня за мальчишество, и с размеренностью метронома продолжал путь...

Яростно голубевший солнечный диск подползал к горизонту, но все еще пылал прежним жаром. Ноздреватые камни, налитые огненным зноем, беззвучно шелестели...

На тринадцатые сутки, когда он описывал тридцать второй гигантский виток, его охватило радостное предчувствие. Нет, реально ничто не изменилось. Все так же разбивались о камни лиловые капли метеоритов, все так же металл скафандра приносил под шлем неумолчный хруст рассыпающейся под ногами каменной пены.

И хотя трезубец молчал и ровно тикали радиоактивные счетчики, он уже знал — цель близка.

Он взобрался на пологую скалу, змеившуюся паутиной иссиня-черных трещин, огляделся вокруг и увидел... Ошибки быть не могло, пурпурный сверкающий круг, как яркое пламя, алел на фоне бесцветных лунных камней. Он смотрел и смотрел, наслаждаясь сочными переливами красок, что радужными чешуйками облепили мертвенно-серую пену. И вместе с ним глядели земляне. Пять миллиардов людей, прильнувших к жемчужно-светлым экранам. Он слышал их голоса, чувствовал их дыхание, видел, как малиновый лазерный луч, вырываясь из опалового яйца иконоскопа, укрепленного на его голове, уходит к Земле, чтобы разбиться на миллиарды осколков, зажечь на каждом телевизионном экране алый пылающий мак...

Он подбежал к пятну и опустил на колени. Сантиметр за сантиметром ощупывая почву, нашел, наконец, что искал: маленькое углубление, крошечную оспинку в каменном кружеве. Снял притороченный к ранцу небольшой ломик и стал долбить твердую пену.

Ага, вот и капсулки — стальные цилиндрики с решетчатым дном. Блестящей никелированной ложечкой аккуратно наскреб из углубления горсточку серых крупинок. У него дрожали руки... Нехорошо... «Как ныне собирается вещий Олег...» Стихи помогли успокоиться. Он открыл ранец и достал из него микроскоп в прозрачном пластиковом мешочке. Поставил на уступ, загородил камнем от прямых лучей солнца, повернул зеркальце, чтобы установить нужное освещение. Теперь руки двигались спокойно, уверенно. Вот они взяли крохотную золотую ступку, не больше наперстка, растерли серую каменную крупинку в тончайшую пудру. Белой молнией вспыхнула и погасла платиновая петелька, прожженная очищающим электрическим током. Хрустальные покровные стеклышки прижаты зажимами к предметному столику. Как янтарь, сверкает, переливается капелька кедрового масла на линзе конденсора. Медленно-медленно ползет тубус. Сейчас он узнает... Узнают и пять миллиардов землян, следящих за его руками...

Что-то мало воздуха. Не заело ли клапан? Он дышал так, что весь взмок, запотели незапотеваящие очки... На серебрящемся фоне предметного стеклышка показалось крохотное темное пятно. Теперь осторожнее! Он стал уточнять фокус микрометрическим винтом. Пятнышко становилось четче. Показались иголки, обломки каменных снежинок. Мертвая кристаллографическая структура. И все. Все, черт побери! И для этого он прилетел сюда. Двенадцать дней шагал по коварно однообразному бездорожью, где каждый шаг непредсказуемо опасен. Тысячи раз, затаив дыхание, погружал в каменистые осыпи трезубец искателя. А сколько трудов, уговоров и просьб стоила эта маленькая экспедиция! От обиды хотелось пла-

кать. Опустив голову, он прилег на хрустящий ковер обсидиановых обломков. Статуя Печали, облаченная в космический скафандр...

Быть может, еще не все потеряно? Он встрепнулся, бросился к своим крупинкам, растер еще одну, снова настроил микроскоп... Неистово колотилось сердце. Опять показались иголки, кристаллики... Ничего... Нет, что-то есть... Вот здесь, на краешке кристаллика. Наконец-то! Струной натянулся розовый лазерный луч, спешащий к Земле с доброй вестью. Он поморгал слезящимися глазами и снова прильнул к микроскопу. Крохотные кристаллики опутывала тончайшая желтоватая паутинка. Вот он — долгожданный мицелий, ветвящаяся по лунному субстрату коричневая сеточка микроскопических грибов. Десятки раз биологи забрасывали стальные пробирки со спорами на Луну. Но ни один штамм микробов, ни одна бактерия или водоросль так и не прижились здесь, не выдержали метеоритных ливней, космических лучей, яростной смены жары и холода. Он с нежностью глядел на первого посланника земной жизни, на слабенькие ростки, сумевшие без скафандра и кислорода, без всякой помощи укрепиться на инопланетном плацдарме. Название этой анаэробной разновидности грибов, входящей в класс фикомицетов, подкласс зигомицетов, скоро будет у всех на устах. Он видел, как от мицелия уже поднимаются плодоносящие гифы, на их концах появляются шарики спорангий, набитые спорами, которые дадут жизнь следующему поколению, а те — в свою очередь — следующему, и жизнь, как пожар, охватывает мертвое небесное тело...

Голод возвратил его к действительности. Чувствуя страшную усталость, медленно побрел к ракете. Измученное тело предвкушало отдых. Он приготовит себе

обед. Терпкий запах укропа, свежего ржаного хлеба, антоновских яблок будет щекотать ноздри. Белоснежный нейлоновый гамак раскроет свои объятия... Тревожная мысль заставила его остановиться. Солнце стояло совсем низко, почти касаясь пилообразной стены цирка. Еще несколько часов, и чернильный ночной мрак зальет кратер. А он улетит, так и не зная, прочна ли победа. Только одна проба оказалась удачной. Только одна...

Он бегом возвратился к месту находки. Снова поставлен на камень микроскоп, расколота новая каменная крупинка. На этот раз неудачно. Желанной сетки мицелия нет. Еще пробу, еще... Опять неудача...

Раз за разом вспыхивал электрический стерилизатор, не зная отдыха, звенела золотая ступка, тревожно дрожали на линзе янтарные капельки масла. Деревенели руки, свинцовой тяжестью наливалось скорченное тело, слезились глаза. А жестокое солнце ускоряло свой бег...

Бессильный, стоял он в наступившем мраке. Погасло зеркальце микроскопа. Иней посеребрил линзы.

Он ощупью пробрался к ракете, освещая свой путь электрическим фонариком. Искорка жизни вспыхнула лишь один раз. И кто знает, сколько нужно труда и упорства, чтобы раздуть ее в неугасимое пламя.

Он шел по стынущей каменной пене, унося в кармане скафандра драгоценный росток, желтенькую паутину, которая бросила вызов космосу.

ПАМЯТНИК СИЛИБОРЖЦАМ

...Кофе он варит по старинке, на термоядерной плитке. Ровно пятьдесят пять кофейных зернышек на небольшую кастрюльку. И хорошенько подкрутить фокусировку магнитного поля в термоядерной плитке, а то кофе закипает слишком быстро и аромат его не успевает распространиться по всему кабинету. Увы, в его пятьсот сорок лет ему уже почти недоступны другие радости.

Потом он, как всегда, включает электронного сверчка и под его приятное стрекотание занимается делом. Собственно, это громко сказано — дело! Какие у него дела? Так, маленькие утешения на старости лет. Он неторопливо просматривает ворох бумажных лент, который успевает выдать за день Универсальный Анализатор. Тоже старичок, старая бессловесная машина, лазерная черепаха, неторопливая, как реактивный самолет.

Ее соорудили в те годы, когда приток инопланетных и инозвездных пришельцев оказался особенно обильным. Тогда почти каждый день кто-нибудь прилетал.словно где-то во Вселенной прорвался огромный мешок и высыпал на Землю пестрые ватаги жителей далеких миров.

Некоторые пришельцы имели сходство с большими

кенгуру, другие походили на связку бубликов, букет кактусов, спущенный аэростат, исполинскую медузу. Прилетали слепые невидимки и существа легче воздуха. Последним приходилось обувать свои четырнадцать или шестнадцать ног в свинцовые водолазные ботинки...

Случалось, из кораблей выпархивали представительницы прекрасного пола. Как сейчас он помнит Пею из созвездия Водолея. Правда, у прекрасной водолейки было три глаза. Но какие это были глаза! Эх-хе-хе! И он был тогда молод!..

Разумеется, гости Земли изъяснялись каждый на свой манер. Они хрипели, свистели, вякали, звенели, булькали, шелестели, ухали и подвывали. Дешифровщики сбивались с ног. Космолингвисты, искавшие общий язык с инозвездными, неожиданно оказались самыми популярными людьми. Дети играли в космолингвистов, как некогда играли в космонавтов. На детских площадках тоже все ухало, улюлюкало, булькало и свиристело.

В помощь космолингвистам и создали Универсальный Анализатор. Он разбирался в любых иероглифах, дешифровал любые звуки, анализировал формулы, знаки и даже жесты пришельцев.

Потом эпидемия визитов истощилась. Теперь инопланетные прилетали раза два в год, не чаще. Но Универсальный Анализатор все еще трудился, шелестя километрами бумажных лент. Слишком много притащили с собой пришельцы полезных и бесполезных записей, памятников, магнитофильмов, стереочертежей, живых картин и поющих кристаллов... Все это скопие информации не успели изучить и по сей день.

...Кажется, все в порядке: кофе вскипел, сверчок включен, климатизеры усердно нагнетают в кабинет

запах кожаных переплетов и старой бумаги. Не каждый день можно побаловать себя ароматом настоящей старинной библиотеки. Современные кристаллические книги, к сожалению, ничем не пахнут...

Итак, сегодня Универсальный Анализатор занимался расшифровкой звуков Поющих Кристаллов. По каталогу Фундаментального Хранения они значились под индексом БОЕ-17 № 1863578315-бис XII. Очень старый индекс... Посмотрим, что он означает... «Дело силиборжцев». Значит, Поющие Кристаллы извлекли из корабля силиборжцев. Он был тогда шустрым малым в свои триста девяносто лет. Работал в бригаде Встреч. Они встречали инопланетных, вылетали на все экстренные вызовы. Мчались сломя голову в любую точку планеты. Как славно неслись они тогда в своих индивидуальных сферолетах, весело обгоняя друг друга. А сзади мчались грузовые аэробусы, тащили все необходимое для Встречи снаряжение. Нет, нынешняя молодежь уже не понимает прелести полетов с досветовой скоростью. Они летают на этих чудовищных фонопуках, обгоняя свет. Сомнительное удовольствие! Ведь когда летишь, обгоняя световые волны, то все время видишь только собственный затылок. Куда ни повернись — всюду затылок. Известный затылочный эффект Жидкоблинова — Пуассье, предсказанный ими еще в 2371 году. Но молодежь согласна лицеизреть даже собственные затылки, лишь бы мчаться все быстрее и быстрее...

Значит, силиборжцы. Бедные силиборжцы! Он видит все, как будто это случилось вчера. А ведь прошло сто пятьдесят лет! Силиборжцы вышли из своего корабля и уже через несколько минут погибли. Погибли все до единого! Сгорели! Авария в скафандрах — так решили специалисты. Их бригаде тогда здорово

попало от Службы Безопасности: почему не уберегли силиборжцев? Почему не потушили их горящие скафандры? Почему, почему, почему... Бригаду Встреч разогнали. Его самого послали в наказание на урановые рудники Меркурия. Пришлось по два часа в день просиживать у пульта управления рудником. Где-то внизу чернели рудничные эстакады, а капсула с пультом управления плавала в меркурианском небе. Самые тоскливые дни в его жизни. От скуки он выучил древнегреческий язык. А все из-за этих силиборжцев. Бедняги, конечно. Бессмысленно и бесславно погибнуть, сгореть, когда цель уже достигнута. Вот уж действительно, как говорили в древние времена, сгорели на работе. Люди воздвигли им памятник, дар скорби и уважения. Огромный эллипсоид силиборжского корабля, похожий на старинный дирижабль, замуровали внутри гигантского конуса из силогласа. Замуровали навечно, ибо силоглас поистине уникальный материал. После затвердевания он не поддается даже плазменным мониторам...

...Что же еще он помнит о силиборжцах? Ах, да! Самое главное! Внутри их корабля почти ничего не нашли. Печально пустая скорлупа. Лишь кое-где в гулкой замкнутой пустоте стояли треножки с кусками Поющих Кристаллов. Кристаллы пели и звенели так жалобно, будто горевали о своих погибших хозяевах. Словно слезы, падали и разбивались хрустальные капли звуков... Печальные воспоминания... Как он разволновался! Надо немедленно успокоиться!..

Он включился в линию медицинского обслуживания и пятнадцать минут слушал неудержимый хохот лучшего клоуна Солнечной системы. Это его немножко приободрило.

Итак, сегодня у него вновь в гостях силиборжцы!

Наконец через сто пятьдесят лет пришел и их черед. Сегодня Универсальный Анализатор расшифровал запись звуков Поющих Кристаллов. Скажем маленькое «ура!» и посмотрим, посмотрим.

...Так... Расшифрованы протоколы каких-то заседаний. Погонные километры протоколов. Вот уж не подумал бы, что они любили заседать. Такие на первый взгляд разумные существа... Учебник суперматричной алгебры... Удивительно, неужели среди них были дети? Учебник явно для старшей группы детского сада... А на этой ленте стихи... Хотя скорее похоже на инструкцию по смазке какого-то механизма. Стихи с привкусом смазочного масла. Быть может, силиборжцы рифмовали именно инструкции? Стихи как низшая форма выражения мыслей, пригодная только для инструкций.. Хе-хе! Сказать бы этакое нашим поэтам!..

Ехидно подмигнув себе, он отпил из перламутровой чашечки глоток кофе и вновь зашуршал нескончаемой бумажной лентой.

...Опять инструкция. На сей раз в прозе. Видимо, более важная. «Общее руководство по установлению контактов». Часть первая: «Генеральная памятка «Ознакомление». Параграф первый...

Где-то вдали пророкотал вечерний аэробус. Снова все стихло. И в этой тишине он прикоснулся к Тайне. Уже на следующее утро Тайна стала всеобщим достоянием. Кристаллические газеты, телевизоры, вделанные в тротуары, и вмонтированные в слуховые нервы радиоприемники передали полный текст силиборжского руководства по установлению контактов с жителями иных планет. А сейчас он читал его первым:

«§ 1. Для установления контактов с инопланетными не следует прибегать к звуковым попыткам взаимной связи. Даже при наличии у планеты плотной ат-

мосферы, способной проводить звуки, скорость прохождения звука (речевого сигнала) остается меньше скорости света в миллион раз. Таким образом, при расстоянии между собеседниками в 10 метров (явно заниженная цифра для первых осторожных контактов) в одну секунду можно послать и получить обратно всего 16 единиц информации (слов, звуков, сигналов). Совершенно очевидно, что столь медлительный способ абсолютно непригоден для связи между разумными существами...»

...Они считают, что слова, произнесенные вслух, не годятся для связи между разумными. Хе-хе! Боюсь, что болтуны не одобряют этот параграф...

«§ 2. Не имеет смысла показывать инопланетным математические формулы и геометрические фигуры, так как математическая абстракция не является единственно возможным инструментом познания. Более вероятны другие методы абстрагирования — при помощи гаммы звуков, запахов и светового спектра, что более приятно для организма и более ему присуще. Вспомним пение птиц, аромат цветов, яркие краски живой природы! А где мы найдем в естественном мире математические знаки? Нигде!»

...Замечательно! Их инструкции и в самом деле похожи на поэмы!..

«§ 3. Также не следует пытаться прибегать к телепатической или внушаемой связи. Это сугубо примитивная форма связи, так как при ней вся информация ото всех живых особей воспринимается каждым и всеми сразу, отчего получается информационный хаос. Телепатически можно передавать лишь примерные сигналы тревоги, голода, ярости, бегства. Это хорошо для животных, объединенных в табун, и совершенно непригодно для высших существ. Разумные в процессе

эволюции сумели отстроиться от телепатических волн и лишь изредка, в качестве атавизма, могут воспринимать их как чувство смутной тревоги...»

...Здесь еще по меньшей мере семьсот метров лент... Еще девяносто три параграфа... Но они отвергают все мыслимые и немыслимые способы связи. Невероятно! Как же они додумались объясняться с землянами?.. Наконец-то! Параграф девяносто седьмой...

«Для того чтобы инопланетные жители могли четко осознать, что перед ними органические (а следовательно, воспламеняемые) существа, способные к самопроизвольным (самостоятельным, разумным) действиям, следует сжечь самих себя на глазах инопланетных жителей...»

...Сжечь!

«Самосжигание не должно угрожать огнеопасностью инопланетчикам, их постройкам и экипажам...»

...Какая предусмотрительность!

«Поэтому операцию самосжигания следует проводить на ровной, открытой площадке, но желательно в присутствии наибольшего количества инопланетных. Все астронавты, подвергшиеся сожжению, должны восстановить себя в синтезирующих биокамерах корабля не позднее чем через семьдесят часов силиборжского времени, если только не помешает аварийная ситуация...»

...Они сожгли себя! Вернее, не себя, а свои копии. Да, биокопии! А мы ничего не поняли, думали — авария в скафандрах. А сами силиборжцы... Где же они теперь?.. Чудовишно!.. А-а-а!.. Какая мысль! Чудовищное происшествие!.. Мы их замуровали! Замуровали в памятнике... Они восстановили себя после сожжения через семьдесят часов силиборжского времени. А кто знает, чему равен их час? Может быть,

это десять или пятнадцать наших лет? Мы замуровали их корабль в глыбе силогласа, а внутри живые силиборжцы!

Конечно, я помню, там были биокамеры для восстановления. Черные полушария! Мы приняли их просто за пустые баки из-под горючего... Или что-то в таком же роде. Какое недоразумение! Величайшее недоразумение! Как трудно иногда понять друг друга... Невыразимо трудно!

...Плазменные скребки трудились день и ночь, отдирая миллиметр за миллиметром чешуйки силогласа, освобождая из плена силиборжцев, как некогда освобождали себя люди от пут Взаимного Непонимания.

ЗЕРКАЛО ДЛЯ АНТОНА

— У меня украли дрессированного попугая, — пропихивал толстый карлик, еле видимый из-за высокого деревянного барьера.

Дежурный по тринадцатому отделению милиции старшина Жидкоблинов перегнулся через барьер и с недоумением посмотрел на карлика.

-- Вы откуда, гражданин?

— Из цирка, — заявил карлик и подбоченился, да так лихо.

Руки в бока, нос кверху и победоносный взгляд на дежурного Жидкоблинова. Тот сразу оценил обстановку: два часа ночи, наружная дверь на запоре, за дверью комнаты для дежурных на деревянном диване сидит, вытянув длинные ноги поперек коридора, милиционер Лапин (неужели заснул?), дверь в дежурку также заперта. Находились в комнате только он сам, Жидкоблинов, и задержанный гражданин, подозреваемый в покушении на ограбление промтоварного магазина № 22. Откуда же появился... карлик?

Жидкоблинов, стараясь не скрипеть сапогами и половицами, вышел из-за барьера, осторожно открыл дверь дежурки и выглянул в коридор. Милиционер Лапин тут же вскочил с деревянного дивана. Не спит, молодец!

— Вы откуда, гражданин? — уже строже переспросил старшина и запнулся.

Карлик исчез! У барьера стоял тот самый задержанный гражданин и, хмуρο насупив брови, колупал пальцем дерево. Старшина одернул мундир, строго откашлялся и хотел было проследовать обратно на свое место, как вдруг странная, необыкновенная и удивительная мысль пришла ему в голову. В тот момент, когда он разговаривал с карликом, задержанного гражданина в комнате не было! А теперь нет карлика! Комната почти пуста — здесь в прятки не поиграешь. Железный шкаф, стол и стул. Чернильница. Не в чернильницу же он спрятался. Впрочем, почему «он»? Прятаться-то должны были «они»! То один, то другой, по очереди. Чуть какая-то! Карлик ему просто помешался. Есть только хмурый гражданин, задержанный возле промтоварного магазина. Вот так, старшина, теперь ты рассуждаешь спокойно.

— Так что же, гражданин, вы делали возле двери магазина? Или ночью покупать чего собрались?

— Светло там. Витрины горят. А вы что подумали? — не сказал, прошипел гражданин, и крупно вырезанные ноздри его хищного носа гневно раздулись. — Самого себя увидеть хотел...

«Вроде знакомое лицо... Похож, очень уж похож... на кого? — думал старшина. — Нет, в картотеке разыскиваемых лиц гражданин не значится».

— Вы где проживаете? — Жидкоблинов макнул перо в чернила и поднял голову, ожидая ответа. Гражданин пропал, исчез, растворился. Жидкоблинов судорожно зевнул и первый раз в жизни испугался. В дежурке медленно скапливалась тишина. Даже шорохи автомашин доносились все глуше и глуше. В этой тишине старшина опять-таки первый раз в жизни

услыхал громкое биение собственного сердца. Он аккуратно и осторожно положил ручку пером на чернильницу, зачем-то погладил руками край стола, привычно ощутил шеей тугой воротник, что несколько ободрило его, и приподнялся со стула. За барьером он увидел толстого карлика в странном, очень мешковатом костюме. Карлик, не мигая, смотрел на Жидкоблинова. Старшина перегнулся через стол и тщательно оглядел все пространство за барьером. Хмурого гражданина не было, он превратился в самодовольного карлика, пялившего глаза на старшину.

— Как это вы... этак? — хрипло произнес старшина и неопределенно повертел в воздухе руками. — Цирк? Да?

— Цирк, — охотно согласился карлик.

Но старшина понял — никакой это не цирк. Фокусов Жидкоблинов видел предостаточно. Все видел по долгу службы: пачки денег, оказывающиеся связками цветных бумажек, рулоны «габардина», начиненные грязными тряпками, игральные карты с исчезающим тузом, сберкнижки, выданные мифическими сберкассами. И в переделках-передрягах старшина побывал предостаточно... Всякое бывало... Чуть ли не в первую неделю, как поступил в милицию, попросил у задержанного документы, а тот вместо документов выхватил из-за пазухи пистолет и прямо к лицу Жидкоблинова. Опытный был бандюга... а не ушел...

Жидкоблинов смотрел на толстого карлика, сообщая, как поступить, но ничего сообразить не мог. Ощущение растерянности и напряженной нервной пустоты овладело им. Вместо обычных действий — позвонить начальству или в адресный стол, составить опись изъятого при обыске — старшина думал о чем-то даже вовсе постороннем. А как же... Карлик болтает

невесть что и тут же исчезает, проваливается сквозь землю или... или превращается в гражданина, задержанного возле магазина № 22. Потом прямо на глазах исчезает задержанный гражданин и появляется этот карлик... Болен ты, старшина, вот что. Теперь, говорят, по городу коловый грипп ходит, без температуры, но с большими осложнениями. Вот и у тебя, старшина, осложнение, бред...

Жидкоблинов растерялся, ощущение необычного и слишком удивительного сразило его. В первый раз за все время службы он поступил тоже необычно и удивительно, вопреки всем инструкциям. Он распахнул дверь дежурки и, подбадривая сам себя, нарочно громко крикнул:

— Лапин! Пропусти гражданина!

И тут же поперхнулся, подумал, может, следовало крикнуть: «Лапин! Пропусти этих двоихх?!»

Дежурка опустела.

Когда Жидкоблинова сменили, он не пошел на стадион, где сегодня тренировались самбисты, а отправился в санчасть.

— Переутомился, доктор, — горестно пожаловался Жидкоблинов. — Ослабел...

Доктор осторожно вынул из пальцев старшины металлический прут от спирометра, который Жидкоблинов уже успел согнуть в кольцо, посмотрел на обнаженное по пояс тело старшины, что играло налитыми мускулами, вздохнул, вспомнив свои собственные дряблые мышцы, и, еще раз вздохнув, прописал Жидкоблинову капли Зеленина по пятнадцать капель на прием.

Жидкоблинов, получив рецепт, воспрянул духом, но по дороге домой снова погрузился в мрачные мысли и вместо аптеки зашел в «Гастроном». Пьянчужки,

соображающие на двоих, на троих, вежливо посторо-
нились, увидев невиданное — непьющий старшина по-
купает «Столичную».

Той же ночью на Поперечной улице в однокомнат-
ной квартире на втором этаже крупноблочного дома
спал Иван Грозный. Одна рука великого князя судорожно
сжимала складки пухового чешского одеяла, будто
впивалась окостеневшими пальцами в скипетр, который
могли вырвать из рук мятежные бояре. Спал Иван тревожно,
метался во сне, и горестные заботы дня оставили следы
печали и томления на его грозном челе. Рядом с кроватью
на полу лежало круглое зеркало для бритья. Вообще в
комнате было много зеркал: трехстворчатое трюмо и
зеркальце в оправе из ракушек с надписью «Привет из
Ялты», еще зеркало, которое укрепляют на пол в
магазине обуви, и второе зеркало для бритья —
квадратное. На подоконнике валялись отломанная от
пудреницы зеркальная крышка и массажная щетка с
зеркалом на обороте. Большое зеркало без оправы
стояло на столе, прислоненное к стопке толстых книг...

Утреннее рыжее солнце заглянуло в комнату, и
зеркала заиграли. Они сбросили с себя ночную се-
рость, украсили грани радугами и засветились словно
бы от радости, что могут вновь целый день отражать
друг друга. Вся комната наполнилась утром, и сам
Грозный проснулся. Еще в полусне он нашарил рукой
зеркало, лежащее подле кровати, и поднес его к лицу.

— Кошмар! Все тот же кошмар! — простонал
Иван Васильевич и как был в одних трусах из синего
саatina побежал в ванную. Схватил зубную щетку,
увидел свое отражение в зеркале над умывальником

и застыл, в тысячный раз рассматривая хищный свой нос, жадный и брезгливый рот, набухшие веки над глазами с красными прожилками. Грозный обхватил пятерней лицо, сжал его как маску. Маска не снялась, только белая кожа, истомившаяся в темных хоромах по красну солнышку, стала еще белей под натиском царственной пятерни. Монарх бросил зубную щетку и побрел на кухню. Восседая на красной табуретке польского кухонного гарнитура, царственная особа размышляла. И так как в этот утренний час особа привыкла собираться на работу, то мысли ее невольно обращались к проектной конторе «Стройтоп».

...В проектной конторе «Стройтоп» работал поэт. По штатному расписанию он значился старшим сметчиком и каждый день с девяти утра до пяти вечера прилежно и без ошибок составлял сметы на разные сантехнические работы: «пробивка дыр шлямбуром — сто дыр один рубль ноль две копейки», «установка унитазов фаянсовых с бачком типа «Компакт» — два рубля ноль одна копейка за комплект». И так далее. Но круглые сутки, днем и вечером, ночью и утром Антон Никонович был поэтом. И хотя не то что ямба от хорея, но даже Окуджаву от Гомера он отличал с трудом, все равно ночью ему снились русалочки хоропроводы и стада круторогих газелей, будильник по утрам звенел фанфарами, и гусары на белых конях собирались вместе с ним в поход на «Стройтоп», а там арифмометр вызывал позывные радиста, выходящего на связь с Аэлитой. В тайниках его души, словно за плотно закрытым занавесом, разыгрывалась вереница пестрых спектаклей. Постановщиком, автором и единственным, но многоликим исполнителем был он один. Первое время он только мысленно преображался в того, кем хотел быть сегодня. А потом случилось

необыкновенное и вместе с тем как будто давно ожидаемое.

...Необыкновенное началось в трамвае № 19. Рядом с собой он заметил старого и, судя по тысячам мелких деталей, очень одинокого человека. Тот листал ветхую записную книжку. Листочки ее отделились от корешка, засалились и закруглились на углах, старик не перелистывал эти бумажные клочки, а бережно перекладывал, внимательно читая адреса, записанные угловатыми и дрожащими буквами. Он, видимо, просто искал случайного знакомого, чтобы отправиться к нему и отогреть одиночество, поделиться обидами, вспомнить, приободриться, пошутить.

Антон пересел в троллейбус (ехать с работы приходилось двумя видами транспорта) и вдруг как-то особенно ярко увидел перед собой старика... Нет, не увидел, а ощутил всем своим телом, словно надел на себя плотную маску. Он почувствовал на своем лице дряблые щеки старика — они тяжело повисли на скулах и смяли в складки кожу его щек. Внезапно набухшие веки сузили его глаза и потушили в них блеск молодости. Затем руки его съежились, на них обозначилась сеть морщин и вспухлых вен. Плечи опустились и сузились, костюм обвис мешком. Никогда такого он не знал, не ощущал...

До него осторожно дотронулась чья-то рука. Антон обернулся, светловолосая девушка участливо посторожилась и показала на свободное место.

— Садитесь! Вам, наверное, трудно стоять.

Еще ничего не понимая, Антон сел. Троллейбусное кресло неожиданно оказалось неудобно-корявым, он долго примащивался половчее, не зная, как поставить негнувшиеся ноги, и уже заранее думая, что вставать с кресла тоже будет неудобно и хлопотно, придется

опереться руками о колени, медленно распрямить потерявшие гибкость суставы.

Сходя с троллейбуса, он увидел свое изображение в темном стекле, отделяющем кабину водителя от пассажиров. На него удивленно и одновременно безразлично смотрел совсем дряхлый старик.

Антон Никонович вместо поручней судорожно схватил воздух, ноги его задрожали, сладко и тошно закружилась голова, он почти упал.

Кое-как Антон добрел до ближайшего магазина. Долго топтался возле витрины, отводя и приближая голову, поворачиваясь, стараясь найти такую точку, с которой его изображение в стекле виделось наиболее отчетливо. Именно с того момента у него появилась привычка часто и подолгу рассматривать себя в зеркале, в стекле витрины, в полированном дереве, в чем придется.

А тогда... тогда происходило чудо. В двух шагах от стоянки маршрутного такси, рядом с маленькой чебуречной, происходило огромное чудо. Никто его не замечал. Автомашина новой марки привлекла бы десятки любителей, оставленный у магазина щенок вызвал бы сочувствие и внимание половины прохожих. Чудо не привлекло никого. Антон вспомнил чьи-то слова о том, что самое полное одиночество — в толпе. Вместе с первым появлением чуда возникло и первое ощущение одиночества. Почему? В тот момент он и сам еще не понимал почему. Может, всего лишь потому, что стоял он спиной ко всем и видел в стекле витрины только самого себя. А еще потому, что крепко запал ему в память одинокий старик. Так крепко, что... сам он превратился в старика!

Вместо страха и удивления в голову пришла все несерьезная мысль, что теперь он не похож на фо-

тографию в своем паспорте и превратился в преступного самозванца. Завтра он придет на работу, а на него посмотрят с удивлением и предложат пенсию... Пенсию в тридцать два года? Чушь! Его просто не узнают. Не узнают...

Что делать?

Надо вернуться к прежнему виду. Если так легко, за несколько минут он превратился в старика, может быть, и обратное превращение совсем не трудное дело. Надо только вспомнить самого себя. Очень заинтересоваться самим собой. Какой ты? Верхняя губа как будто бы немного вздернута. Глаза черные... какие-то такие... не продолговатые, а совсем круглые... Вот, пожалуй, и все. Никогда не подозревал, что плохо знаешь самого себя... А других? Ты хорошо знаешь тех, с кем встречаешься каждый день? Наверное, еще хуже, чем себя. Что важнее — знать себя или других? Стоять всю жизнь перед зеркалом и рассматривать себя или рассматривать и узнавать других? В конце концов ты меняешься, глядя на тех, кто окружает тебя, а не на собственное изображение. Так происходит и сейчас...

Надо хладнокровно разобраться во всем. Неужели он первый и единственный, обладающий такой странной способностью? Уже сейчас неловко из-за того, сколько шума вызовет его странный дар. С другой стороны, быть может, подобные случаи науке давно известны? Он просто болен тяжелым и неизлечимым недугом — вот и все. Умрет месяца через два. Или через пару недель. Может, умрет сейчас, сию минуту?..

Антону стало так жалко себя, что он всхлипнул и тут же встревоженно оглянулся — не услышал ли кто его всхлипывание. Совсем глупо и ни к чему...

Взрослый человек рассматривает сам себя в стекле витрины и чувствительно хлюпает носом.

Следует разобраться в собственном состоянии с точки зрения медицины. Ну, гипноз там, скажем, холестерин, вирусы...

Познания в медицине у Антона Никоновича не шли дальше журнала «Здоровье» и брошюры «Гигиена брака». К сожалению, советы не вступать в ранний брак или похудеть при помощи молочной диеты в данном случае не играли решающей роли.

Антон вспомнил, что он записан в солидную библиотеку.

До сих пор он ходил туда, чтобы покопаться в справочниках цен на черные металлы и в каталогах сантехнических изделий. Но есть ли там книги по медицине?

В вестибюле библиотеки сидел вахтер. Антон похолодел. Сейчас он предъявит читательский билет, а там фотокарточка. Начинается! Первая неприятность! Он сейчас совсем не похож на собственную фотографию. Теперь каждый шаг грозит осложнениями. К счастью, вахтер ничего не заметил, как раз в этот момент он нагнулся, почти уполз под стол, чтобы извлечь из-под него электрический чайник. Теперь вся твоя жизнь, Антон, будет зависеть от таких мелочей — нагнулся вахтер за чайником или нет, заметил ли кто-нибудь, что ты — это вовсе не ты, или не заметил.

Влип в историю!

...Книги сулили события удивительные. Антон читал, не замечая ничего вокруг... Доктор со смешной фамилией Помм сообщает, что одна слишком нервная пациентка самовольно изменяла удельный вес своего тела и плавала в ванной как пробка. Антон к своему стыду не умел плавать, но возможность оказаться

легче воды ему понравилась. А если легче воздуха? Человек — воздушный шар. Черт побери, забавная штука! Собирайся в поход, Антон. Звучат фанфары, рюкзак набит приключениями...

«...Язвенные процессы пищеварительного тракта могут быть поставлены в прямую связь с нарушениями процессов нервной системы...» А вот это совсем ни к чему. Нечаянно внушить себе язву? Благодарю... «Ложные опухоли и псевдоаппендициты, вызванные неврогенными причинами...» Небольшое усилие воли — и приобрел что-то вроде аппендицита. Можно получить больничный лист и пару денечков поваляться на диване, хорошенько обдумать все происходящее. Да здравствует самовнушение! А вдруг захотят вырезать этот самый псевдоаппендицит?

Еще одно солидное исследование. Самовнушение изменяет форму рук и ног... Силой воли больной уменьшает в три раза частоту пульса... Самовнушением увеличивают температуру тела... После нервных припадков пациентка М. вызвала у себя мнимую беременность со всеми признаками. Окружающие были уверены, что она действительно готовится стать матерью...

Антон глуповато хихикнул и представил себе, что он превращается в женщину и отправляется в отдел кадров оформлять долгосрочный отпуск по чисто женским обстоятельствам... В конце концов почему бы ему действительно не превратиться в женщину? А зачем? Ну, предположим, он захочет стать писателем. Многие писатели хотели превратиться в кого-нибудь. Он недавно читал Куприна и хорошо помнит, как тот сказал: «Я хотел бы быть облаком, лошадыю, женщиной, деревом и ребенком». Лошадыю — это, пожалуй, уж слишком. А женщиной... Кто-то еще хотел быть

женщиной... Флобер!.. Не насовсем, а так, хоть чуть-чуть. Он говорил, что мадам Бовари — это он, что списал он ее с себя. Кто знает, может быть, побывав женщиной хотя бы месяц, неделю, один час, он написал бы Бовари в десять раз гениальнее. Но Флобер не мог этого сделать, а он, Антон, может. Решено, он будет великим писателем!

...Иван Грозный, восседающий на кухонной табуретке, застонал и сжал царственную голову могучими руками, привыкшими к мечу и царской булаве. Он вспоминал до мелочей тот вечер в библиотеке, когда мысли его скакали с безумной поспешностью, а тревожные сомнения отступали перед радостью открытий. Тогда ему казалось, что внешность человека — почти самое главное в нем. Но разве внешность человека — это сам человек? Вот сейчас он — Иван Грозный. Но разве ему хочется карабкаться на трон и казнить кого-нибудь? Нет. И все же... Почему он стал как-то резче, суше? Зачем, например, он вчера в милиции обидел старшину, зло посмеялся над ним? Почему теперь так часто закипает в нем ярость и гнев? Чепуха! Просто он болен. Не болен. Не надо ему лекарств. Ему нужно другое: дружеское участие, внимание...

После безумного вечера в библиотеке Антон жил как во сне.

Чудесный дар перевоплощения требовал практического применения. С работы Антон уволился. Громадным напряжением воли ему удалось на два часа вернуть себе прежний облик старшего сметчика «Стройтопа». Двух часов еле-еле хватило на то, чтобы подать заявление об уходе и подписать обходной листок. Да и то к библиотекарше Лизе он пришел, уже

закрывая лицо носовым платком, словно в приступе зубной боли. А все из-за того, что, спускаясь в библиотеку, встретил на лестнице знакомого механика из СУ-16. Добродушное и на редкость румяное лицо механика привычно удивило Антона, и он тут же почувствовал, как его собственное лицо туго наливается жизненными соками и жарко багровеет.

Через неделю деньги кончились, и Антон Никонович ограбил сберкаассу.

Лет шесть подряд перед отпуском Антон выписывал в этой сберкаассе аккредитив и хорошо запомнил, что заведующий здесь — человек пожилой, привычно задыхающийся от астмы и, следовательно, часто болеющий. Антон выследил, где живет заведующий, и каждое утро дежурил около его дома. На вторую пятницу повезло — заведующий из дома не вышел. Подождав еще час для верности, Антон отправился в сберкаассу.

Тяжело, с хрипотцой дыша, дотрагиваясь до стен руками, Антон, приняв облик старика-зава, прошел в его кабинет. Полдня подписывал какие-то бумаги, а когда спрашивали у него советы, болезненно морщился и прижимал руку к груди. Служивцы зава смущенно исчезали. Никто не разглядел, что перед ними — самозванец. В обеденный перерыв Антон Никонович набил старенький портфель пачками трехрублевки и ушел.

Дома он взобрался с ногами на диван, открыл портфель с трехрублевками, и волна душевного страха охватила его. Ошеломил не страх возможного позора и наказания, а совсем другое — испуг перед наступающим глубоким и страшным одиночеством — одиночеством преступника.

Антон отпихнул от себя портфель, а на следующий день, с трудом приняв почти нормальный, почти преж-

ний свой облик, пошел в сберкасса, сделал вид, что проверяет лотерейный билет по замызганной таблице тиража, и оставил портфель на полу в тени деревянного дивана, вернул уворованное...

К чему применил ты свой чудесный дар? Стыдись! А может быть, дар этот вовсе не нужен людям? Любый человек хорош и удивителен именно тем, что он — это он. Зачем надевать на себя чужую маску? Разве только ради любопытства?.. А уроды? Подумай о них!

Есть у него подходящее к случаю знакомство в «Стройтопе» — горбатенький переплетчик.

Своего недостатка переплетчик не стыдился, имел сына, взрослого и ладного парня, а в свободное время солидно подрабатывал — переплетал на стороне бухгалтерские документы. Антона тянуло с делом и без дела заходить в закуток переплетчика в подвальном этаже «Стройтопа». Влекла неосознанная тоска по ручодельному труду, заставляющая в былые времена даже королей становиться к токарному станку. И еще тянула жалость, что переплетчик все же не такой, как все.

Антон разыскал переплетчика где-то за городом, сбивчиво и смутно объяснил ему, что хочет попробовать заняться врачеванием и вдруг сумеет и его вылечить. Переплетчик ничего не понял, но нашелся, что ответить: среди своих дружков есть у него лекарь без диплома, который от всех болезней лечит сивушным маслом и липовым цветом, живет не плохо, даже магнитофон купил...

Первых пациентов доставил тот же переплетчик.

Пришли дюжий малый с перекошенной от неизвестной причины физиономией, старушка, прочно согнутая в дугу, и дама с горящими глазами. Когда Антон Никонович, как мог, стал толковать им о внушении и

самовнушении, осторожно ссылаясь на собственный пример, парень выдавил сквозь зевок, что, мол, сверхурочные «давят», не высыпается он, и скоро ушел. Старушка вовсе забоялась Антона, сникла вся как-то, зато дама горящими глазами искала глаза Антона и тянулась целовать его руки.

Переpletчик оказался человеком хитрым, себе на уме, да еще связанным с какой-то сектой. Его знакомые по секте стали звать Антона «братом», устраивать ночные сборища, началось и вовсе что-то дикое...

Он был лекарем, грабителем, фокусником, клоуном, академиком... и каждый раз просыпался, отрываясь от своих видений. Одно сумел он сделать наяву — получить расчет в «Стройтопе». А дальше Антон, взбравшись с ногами на диван, мечтал. И никак не мог додуматься, что ж все-таки сотворить ему особенное и выдающееся. Все чаще решал, что ничего путного и значительного сделать в одиночку он не сумеет. На этой простой и важной мысли мечты его обрывались.

От душевной сумятицы все чаще думалось: болен! Но в какой аптеке приготовлена для него микстура? Впрочем, зачем его лечить? Разве его болезнь неприятна или опасна? Ею можно заразить других? Вряд ли. Нет, если он болен, то болезнь его даже приятна. Зачем ему понадобилось напяливать на себя личину Ивана Грозного? Мог бы подобрать себе вполне интересный вид любого киноактера. Сколько их цветных фотографий в газетном киоске! Подходи и выбирай любую...

Мы все пытаемся подражать кумирам. Но что будет, если на экраны выйдут тысячи Жанов Маре, а миллионы женщин станут похожи на Татьяну Самойлову? Действительно, не сотвори кумира себе!

После первого же превращения — в одинокого старика, там, возле чебуречной, — его болезнь или волшебные способности быстро прогрессировали. Все труднее становилось возвращаться к обычному виду. Вдруг однажды совсем не вернешься? Исчезнет тогда Антон Никонович, растворится бесследно. Это пугало, и он старался думать о вещах безразличных, о погоде, о сметах на сантехнические работы, будто бы все еще работает в «Стройтопе», только бы не обращать внимания на людей, чем-либо выдающихся.

Именно такой порыв тревожного смятения понес его однажды в картинную галерею. Думал: там прохладно и спокойно, можно не обращать внимания на посетителей, а смотреть только на картины. Пейзажи, натюрморты... Хорошо, безопасно. И попался. Погиб самым нелепейшим образом! Остановился перед картиной, где Иван Грозный, стал рассматривать. Кое-как рассматривал, бродил по картине отсутствующим взглядом, потом увлекся и замер. Увидел две морщины-трещины под глазами, впалости щек, Красные в углах, почти вывороченные веки. Впалые виски с черными пятнами. А глаза белесые и лоб с огромной залысиной. Крупные уши, настороженно открытые для всех звуков мира. На руках синие жилы. Толстые грубые запястья... Антон дотронулся до своей руки. Провел ладонью по щекам. Почему у него такие впалые щеки? А морщины-трещины под глазами? Началось! Он превращался в живую копию поразившей его картины.

Потом он покупал зеркала, искал свое изображение в стекле витрин, скрывал от прохожих лицо, гулял ночами...

...Вчера его привели в милицию. Как зло подшутил он над старшиной. Нехорошо, противно... Надо бы из-

виниться... Нелепое положение, нелепое извинение. А если действительно пойти в милицию и там все рассказать? Вот уж никчемная мысль. Нет, совсем даже дельная! С одной стороны, в милиции можно всей истории придать облик обыденного пустяка, вроде пропажи белья с чердака. А с другой стороны, это даже их как бы прямо касается — паспорт-то с фотокарточкой... и тому подобное. Перед старшиной извиниться...

Подбадривая себя разными солидными и пустяковыми соображениями, великий князь Иван побрился электробритвой «Харьков» и отправился к старшине Жидкоблинову.

На Продольной улице, почти за городом, есть теперь новое здание с большим козырьком над входом и вывеской «Институт Нейротрансформации и Эстетического самовнушения». Сокращенно — ИНТИЭС. Шофер, который по утрам привозит в институт директора, каждый раз вздрагивает, когда в машину уверенно садится незнакомый человек, каждое утро — другой. Хотя всегда это Антон Никонович.

В ИНТИЭСе есть отдел юридической нормализации и проблем опознания. Заведует отделом кандидат юридических наук М. Е. Жидкоблинов.

А за директором все знают особенность и слабость — он, несмотря на изменчивый облик свой, а может быть, и благодаря ему не любит рассматривать себя в зеркале. Видимо, вспоминая прошедшее, считает, что даже тысячекратно отраженная и умноженная собственная личность не заменит всех тех, кто тебя окружает. С которыми ты вместе.

САМОЗВАНЕЦ СТАМН

Ночью раздался звук, подобный пушечному выстрелу. Бревенчатая хижина Флот Сноутса подскочила и рывком сдвинулась на новое место. Утром Флот обнаружил, что с одной стороны из-под стены его домика на два дюйма показалась утрамбованная глина — земляной пол хижины. Все остальное было в порядке. Только очаг, сложенный из валунов, чертовски дымил, что-то в нем сместилось. Флот любил все делать обстоятельно и влез на крышу, чтобы обследовать очаг, начиная с трубы. Здесь, на крыше, он нашел жемчужное ожерелье.

Правда, если бы Клинтон Вей, судья из Пальмирауза, заставил его поклясться, что это действительно жемчужное ожерелье, то Флот крепко задумался бы, прежде чем взять в руки библию и произнести формулу присяги. Старый охотник за всю свою жизнь не держал в руках предмета стоимостью больше, чем двадцать семь долларов семнадцать центов. Именно такую сумму отдал он за ружье фирмы «Хиквайстер» четырнадцать лет назад. Это было отличное ружье, в охотничьей снасти Флот знал толк, а в жемчугах...

И все же перед ним, зацепившись за жердь крыши, покачивалось жемчужное ожерелье, словно только что снятое с шеи самой роскошной принцессы из иллюст-

рированного журнала. Блеск старой перламутровой пуговицы и розовая теплота щек смуглянки из Пальмирхауза, слившиеся в крупных горошинах, — что это могло быть, кроме жемчуга?

Флот смотрел на ожерелье с весьма понятным смущением. Во-первых, драгоценная безделушка вовсе не принадлежала ему, а брать в руки чужое Флот отучился еще тогда, когда покойный дедушка Ангус огрел его что есть силы костылем за попытку полакомиться дедушкиным грогом с особым «колониальным» ромом: бледный рубчик на переносице сохранился и по сей день. Во-вторых, Флот не любил ничего таинственного, и, хотя в лесу, по его твердому мнению, действительно водились древесные духи и травяные леди-щекотухи, он не верил ни одной истории, повествующей о том, что эти духи и леди кому-то являлись наяву.

Впрочем, когда Флот протянул руку к ожерелью, губы его что-то шептали. Вероятно, некое заклятие на избавление охотника от вмешательства Духа Гор, которому его научил Си-ук-суок-ти, последний из индейских охотников на бобров, якобы знавших язык этих речных зверюшек.

Флот взял ожерелье и сразу подумал, что этого, пожалуй, не стоило делать. Ожерелье было очень тяжелым. Слишком тяжелым! Изящная на вид безделушка казалась нанизанными на железный прут свинцовыми пулями. В ней было по крайней мере тридцать фунтов! Это в бусах-то, самая крупная бусинка которых не крупнее маисового зерна!

Флот от растерянности не удержал жемчуг в руке, ожерелье скользнуло между пальцами, а затем внизу раздался булькающий звук, видимо, оно угодило в бочку с дождевой водой. Проявив недюжинную выдержку, Флот не скатился кубарем вслед за упавшей

драгоценностью, а остался на крыше и починил треснувшую трубу. Дымящий очаг подобен болтливому гостю — не опасен для жизни, но вьедлив как мясная муха. Только когда с очагом все наладилось, Флот обтер руки о кожаные штаны и заглянул в бочку...

Ожерелье спокойно плавало на поверхности воды. Нет, оно даже не касалось воды. Между ним и водой оставался промежуток, в который протиснулось бы лезвие охотничьего ножа.

Флот, сам того не сознавая, был философом. Правда, Аристотелю было бы столь же трудно причислить его к своему лагерю перипатетиков, как и Зенону Китийскому занести в свои списки стоиков. Философом сделала Флота жизнь в лесу. Природа — учитель человека — свершила свое таинство бескорыстного воспитания. И Флот постарался не удивиться, увидев плавающим ожерелье, тяжелое, как брусок свинца. Даже перед несомненной опасностью не имеет смысла терять разум. Этому его научила красная рысь, хитрая и мужественная даже в последние мгновения, когда охотник настигает ее.

Вынув кольцо бусинок из бочки, Флот просто миномходом заметил, что оно даже не мокрое, ни одна капелька воды не пристала к нему. Войдя в хижину и осторожно положив ожерелье на ящик из-под муки, Флот занялся тем, что заботит любого охотника, вернувшегося домой. Он решил обзреть добычу, подсчитать трофеи и поразмыслить над их стоимостью. Бусинок оказалось сто одиннадцать. Они были нанизаны на... Они ни на что не были нанизаны. Их ничто не скрепляло! Бусинки не имели дырочек или петель, однако, ухватившись за одну из них, можно было поднимать все ожерелье. Они будто липли друг к другу и тут же легко отделялись одна от другой. Флот без

труда смешал все бусинки в одну мерцающую матовым переливом кучку и вышел за хворостом.

Когда он вернулся, бусинки вновь лежали на ящике аккуратным сверкающим кольцом.

Флот припомнил все затруднительные обстоятельства, в которые когда-либо попадал. Затем стал соображать, что бы сделал в таком случае Си-ук-суок-ти, знаток лесной жизни. В результате размышлений он обругал себя старым дурнем, который не мог сообразить, что все это ему показалось и что он вовсе не смешивал бусинки в кучу, перед тем как пойти за хворостом. Старый охотник не знал, что такое «чувственный опыт» или «гносеологический эксперимент», но, будучи стихийным материалистом, сделал единственно правильный шаг — выкинул с ожерельем хитрый трюк, долженствующий развеять все его сомнения. Он растащил бусины по всей хижине, тщательно пересчитывая их. Сорок бусин он засунул в вещевой мешок из плотной парусины, висевший над изголовьем его постели, пятьдесят шесть круглых зернышек положил на дно банки из-под патоки, а оставшиеся пятнадцать завернул в старую бобровую шкурку, служившую ему чем-то вроде чехла на подушку.

Хворост лежал перед очагом, дымоход не дымил, и следовало покончить с утренними треволнениями, занявшись приготовлением завтрака. Пока кипела вода для кофе, Флот настругал ножом от медвежьего окорока сала на сковородку и бросил туда пригоршню оставшихся с вечера вареных бобов. Ароматный запах кофе и поджаренного сала распространился по хижине.

Все время, пока готовился завтрак, Флот поглядывал в сторону ящика из-под муки. Разумеется, на шероховатых досках ничего не появлялось.

Поставив сковородку на стол и засыпав кофе, Флот вышел из хижины. Его оловянная кружка проветривалась на солнышке, так как за время пятидневной охоты у Синего каньона в ней заплесневели остатки кофейной гущи.

Взяв кружку и задумчиво понюхав ее оловянное нутро, Флот переступил порог хижины, нацелившись взором на ящик из-под муки. Вдруг все начнется сначала? Но на ящике ничего не было. Облегченно вздохнув, он подошел к столу... Рядом со сковородкой лежал правильный круг блестящих бусин. Непостижимым образом они сумели ускользнуть из завязанного мешка, из плотно закупоренной банки и спокойно расположиться на столе, будто здесь было их постоянное место со дня сотворения мира.

Флот содрогнулся. Его затошнило, голову сжал плотный обруч. Подняв руки, он уставился на свои растопыренные пальцы. Руки чуть заметно дрожали, но Флот силился разглядеть не эту знобкую дрожь, он искал следы ран, язв, ожогов — всего, что могли оставить прикосновения к холодным, сверкающим шарикам. Руки были в порядке...

Со вздохом, похожим на стон, Флот опустил на постель, стараясь собраться с мыслями. Сбежать из хижины он не мог. Никто еще не пересекал зимой Синий каньон. И даже если бы ценой отмороженных легких, бросив на произвол судьбы и медведей расставленные капканы, собрав в кулак все духовные и физические силы, он добрался бы до Пальмирхауза, к чему это привело бы? О чем рассказал бы он горожанам? О том, что пригоршня белых горошин согнала его с насиженного места и заставила проделать путь, превосходящий по тяжести все ранее хоженные им пути? За такие рассказы здравомыслящие джентль-

мены упрячут его в федеральный приют для безумных. Проще выбросить ожерелье в прорубь. Но Флот не только чувствовал, он знал, что из этого ничего не выйдет. Теперь он не отвяжется так просто от ожерелья, или, вернее, теперь оно не отвяжется от него.

Ему пришла в голову мысль, что неплохо устроить что-то вроде засады. От такой мысли белые горошины стали казаться ему хитрыми маленькими зверюшками, белыми жуками, образующими во что бы то ни стало некий магический круг, необходимый для их существования так же, как весенние драки оленых самцов необходимы для продления их рода. Сравнение с жуками и оленями успокоило душу Флота, и он занялся бобами и кофе, но завтракал все же на постели, полужив на колени крышку от мучного ящика. Расположиться рядом с жемчугом, возле стола он не решился...

Так они прожили этот день: Флот — старательно обходя стол с бусами, бусы — хозяйски заняв этот стол. Весь день мысль о засаде обрастала деталями, приобретая цепкость настоящей охотничьей западни.

Вечером Флот зарядил «Хиквайстер», удобно положил его стволы на спинку стула, примерился, не разрушит ли чего ценного пуля в случае промаха. Затем поставил новую целую свечу на стол, концом стволов перемешал бусинки и решил, что, если хоть одна из этих проклятых зверюшек стронется с места, он выстрелит в нее и будь что будет...

Прошел час, два, кучка бело-розовых шариков не шевелилась. На каждом шарике сверкала яркая точка и жалила своим сверканием немигающие глаза Флота. Потом точки превратились в маленькие огненные звездочки с лучистыми концами. Звездочки шевелили концами, образуя паутину сверкающих нитей.

Паутина обволакивала сознание, дурманила голову, все поплыло куда-то... Флот крепко спал, бессильно уронив руки, «Хиквайстер» валялся на полу...

Проснулся он лишь тогда, когда в окно ударило по-зимнему холодное солнце. Свеча на столе догорела до конца, вокруг нее расплылась лужица стеарина. Рядом лежало ровное, точеное кольцо из гладких розовых жемчужин. Флот почувствовал, как что-то раздрает его смятенную душу. Ему захотелось завывать дико и протяжно, как воеет койот, сунувшийся с зимней голодухи в медвежий капкан. Флот однажды пристрелил такого беднягу — мощные клыки капкана отрубили койоту передние лапы. Собрав остатки самообладания, Флот ударился головой о косяк двери, и боль удара отрезвила его.

Связался с жемчугами! Ты что, собираешься обратить эти горошины в звонкую монету и приобрести кабак в Пальмирхаузе? Тебе, видно, захотелось до конца дней своих обтирать тряпкой латунный прилавок, разукрашенный липкими кружками от винных стаканов, и вместо лесных запахов вдыхать аромат сальных лохмотьев городских пьянчуг? Нет, Флот, у тебя другая тропинка, и, будь добр, тащись по ней, пока не свалишься под обрыв с твоим «Хиквайстером» в руке. Да и судя по всему — это не жемчуг, а какое-то таинственное семя...

Одинокому охотнику всегда было приятно поговорить с самим собой. И на этот раз философский монолог внес успокоение в его смятенную душу, а с бусинками он решил расправиться на свой манер. Флот достал из-под койки жестяной сундучок с яркой картинкой на крышке, изображающей индейца с трубкой в зубах, — приз табачной фирмы, у которой он регулярно покупал табак небольшими партиями по два-

дцать фунтов за раз. В сундучке хранились патроны, отличный порох и кожаные пыжи. Вытряхнув свинцовые дробинки из дюжины уже снаряженных патронов, Флот, злорадно усмехнувшись, сгреб пригоршню бусинок, высыпал их на место дробинок в первый патрон, второй, третий и, довольный своей хитростью, расправился таким образом со всем ожерельем. Теперь каждый патрон весил раз в десять больше обычного, снаряженного свинцом. Выпалить бусинками прямо в чистое небо — это замечательная идея! И Флот шагнул за порог хижины...

Первый выстрел сошел с рук вполне благополучно. Просто ничего не произошло. Ровным счетом ничего! Никогда он еще не стрелял с таким наслаждением!

Каждый выстрел снимал часть тяжелой ноши с его души точно так, как очередной привал уменьшает груз провианта, захваченного в долгий путь. Выстрелы звучали ни громче, ни тише обычных, хотя вместо дробин лежали эти странные горошины...

Лишь девятый выстрел принес неожиданное. Из какого-то непонятого озорства Флот нацелился в ствол лиственницы, стоящей на опушке леса. После выстрела весь заряд бусинок остановился на полпути между концом ружейного дула и стволом дерева.

Белые горошины танцевали в воздухе!

Сперва медленно, будто приноравливаясь и находя друг друга, затем быстрее, еще быстрее, еще... Они кружились, сливаясь в прерывистые и сплошные круги. Круги увеличивались, от них отделялись и тяжело падали вниз огромные белые, зеленые, серые капли. Капли, упав на землю, росли вверх округлыми рогами, соединялись с помутневшими кольцами. Все это уплотнялось, росло, извивалось, рушилось совершенно бесшумно. Ни шороха, ни всплеска. Зловещая тиши-

на... В лесу всякий громкий звук предвещает опасность. Беззвучная опасность — опасность высшего порядка. Таков закон леса.

Переплетение мутных колец, зеленых отростков, грибов, извивающихся обрубков вздрагивало, уплотнялось, приобретало более точные, осязаемые формы. Судороги рождения сотрясали мутно-зеленую массу, пытавшуюся надеть на свои запутанные формы сплошную серую оболочку. Оболочка рваными языками со всех сторон наползала на трепещущий хаос. В тот момент, когда языки сомкнутся, чудище завершит акт своего рождения.

Теряя последние крохи рассудка, Флот швырнул ружье в зеленое месиво и, дико вытаращив глаза, бросился в лес. Он бежал, стучаясь плечами о толстые ветки. Какой-то разлапистый сук выхватил клочок волос с его непокрытой головы. Затем что-то лягнуло, схватило за ногу и бросило лицом вниз на твердые узлы корневищ...

Когда Флот очнулся, на нем лежал довольно толстый пушистый слой свежавывавшего снега. Значит, не меньше пяти часов прошло с того момента, как он потерял сознание.

Нестерпимая боль... Его собственный капкан, настороженный на койота, размозжил мякоть ноги. Но кость была цела — спасла выдубленная кожа охотничьих полусапог.

...Полуодет, ранен. Где-то за спиной — чудовище, рожденное из пригоршни белых шариков. Что ты будешь делать, Флот? Ныть и подышать в десяти шагах от хижины? Вспомни, что твой домик до самой крыши набит мукой, патокой, бобами, пулями, порохом, мягкими шкурками, теплом очага и безопасностью человеческого жилья. Так вставай же, старый Флот,

разожми пружину капкана, как это ты делал тысячи раз, и посмотри в глаза зеленому пугалу. Можешь держать пари сам с собой, что оно ничуть не страшнее исполинского черного медведя, с которым ты встретился пару лет назад...

Охотник освободил ногу из железной пасти и, хромая, цепляясь за свисающие ветки, отдыхая после каждого шага, побрел обратно.

...Они прожили вместе десять недель — Флот и «пень». Что поделаешь, Флот не отличался богатством воображения и, рассказывая впоследствии о зеленом Нечто, называл его только так, не очень почтительно: «Пень». Нечто, выросшее из горсти буя, действительно напоминало пень, выдранный из земли и перевернутый корневищами вверх. Неподвижный, затаившийся, словно в засаде, с распыленными обрубками и выростами на приземистом округлом стволе. Его очертания менялись, иногда выросты пропадали, иногда удлинялись обрубки. Но никогда эти превращения не происходили на глазах у Флота. Никогда! Можно было пялиться до ломоты в глазах — Пень не шевелился. Но стоило только повернуться к нему спиной, а потом взглянуть, словно невзначай, и готово — Пень чуть заметно изменился. Зоркий глаз охотника не мог ошибиться.

Игра в прятки продолжалась десять недель. Липкое чувство страха парализовало Флота, он почти не выходил из хижины, лишь вечерами, вспомнив о своих давным-давно расставленных капканах, прокрадывался мимо Пня, бесцельно бродил по лесу и возвращался, чтобы снова броситься на смятую постель и забыться в тяжелом сне. Днем Пень будто подходил ближе к дверям хижины и стоял в ожидании чего-то безмолвным и мрачным стражем.

И все же однажды Пень взбунтовался! В то утро Флот, жмурясь от яркого света, выполз из хижины пополнить запас дров. Он не посмел обернуться спиной к зеленому обрубку и рассыпал охапку наколотых дров между собой и Пнем. С первыми же взмахами топора Пень ожил. Он задрожал так, словно топор вонзился в его живое тело, а не в деревянную чурку. Он вздевал вверх лапы-обрубки, подражая взмаху рук Флота, тянулся к охотнику, вздрагивал, съеживался и вновь распухал, сиюсь рывком оторваться от земли...

Жители Пальмирхауза не узнали Флота Сноутса, когда он, поседевший как лунь, без ружья и припасов, в лохмотьях вместо обычно аккуратной одежды, появился на окраине города. Старый охотник бесвязно лепетал, чертил пальцами в воздухе круги и плакал, не в силах объяснить людям все происшедшее. Его поместили в городскую богадельню, но жить старику оставалось немного. Перед смертью он собрался с силами, к нему ненадолго вернулась прежняя ясность ума, и он, как мог, рассказал про жемчужное ожерелье, роковой выстрел и появление Пня. Флоту, разумеется, не поверили...

...Сухой щелчок. Портативный магнитофон, стоящий возле меня на низком треугольном столике, включился. Я увидел руку, протянутую к рычажку магнитофона, а затем и самого Элиота Стампа.

— У меня особый дар всегда приходит вовремя, — похвастался Стамп, усаживаясь в крохотное кресло, похожее на подставку для утюга. — Вас позабавил мой скромный рассказ?

— Надеюсь, мистер Стамп, что ваше появление

немедленно вложит ключ разгадки в таинственную шкатулку вашей повести?

— Какая пышность фраз! Но я понимаю, юмор — броня для вашего любопытства...

Мы сидели в холле на шестнадцатом этаже гостиницы. В конце полутемного коридора мелькали розоватые огоньки лифта.

— Мое любопытство хочет идти в ногу с нашим космическим веком, и я пытаюсь вынуть козырную карту из колоды возможных догадок. Пень Флота было нечто или некто, залетевшее к нам из пространств других звездных систем?

— Нет, категорически нет! Сбросить ожерелье с летающего блюдца или с другой принадлежности марсианского сервиза... Неужели вы думаете, что я способен на такую нестерпимую банальность?..

— Извините. И все же что-то в облике Пня наталкивает на мысль о существах, населяющих иные звездные миры.

— Ищите разгадку на Земле! Уверяю вас, в ножках этого кресла не меньше тайн, чем на Альфе Эридана. Вам не кажется, что ожерелье могло быть осколком древней цивилизации? Более древней, чем вся наша история. Быть может, разум возникал на Земле не один раз, а дважды, трижды... Некоторые историки пытаются уверить нас, что Землю когда-то постигла катастрофа... Двенадцать, одиннадцать тысяч лет назад. Комета или что-то в этом роде. Может быть, резкое, очень резкое и неожиданное изменение природных условий и неумение той цивилизации приспособиться к ним... Многие народы якобы погибли, рассеялись. Вдруг они обладали большими знаниями, а Индия и Египет сохранили для нас лишь обрывки этих знаний? Обозримая история существ,

нам подобных, насчитывает около двух миллионов лет, история планеты — миллиарды. Кто знает, какие изменения претерпел Разум за пять или шесть миллиардов — подумайте только — миллиардов! — лет.

— Итак, осколок исчезнувшей, но весьма высокой цивилизации? Но почему никаких следов? Никаких, за исключением находки Флота?..

— Таинственных находок хватало и в эпоху пещер и в эру небоскребов. Находили, но... не понимали. И следы эти могут быть особенные, сами себя изолирующие от всего окружающего. Глубокий инстинкт самосохранения, рожденный страхом былых катастроф. Тысячелетний анабиоз! Помните, что особенно поражало Флота? Полное безразличие Пня. Отрешенность, оторванность от окружающих — никаких звуков, никакого соприкосновения с другими предметами. Помните, бусы — механические или биологические зародыши Пня — плавали, даже не касаясь воды. А почему Пень менял свои формы лишь тогда, когда на него никто не смотрел?.. Мы в детстве более проницательны, чем в пору зрелого, но самоуверенного всезнайства. Ребенком мне всегда казалось, что игрушки и мебель живут своей жизнью. Надо только тихонечко подсмотреть, взглянуть через неплотно сжатые веки, и обязательно увидишь, как живут вещи. Может быть, это своеобразный инстинкт, внушенный вечным и неосязаемым общением со следами другой цивилизации?..

— Вы расскажете об этом на завтрашнем заседании?

— Неужели вам будет приятно, если меня сочтут чудаком? Нет, не о том хочется говорить...

— О чем же?

— О том, что видел Флот, но не понял. Вы помните, когда взбунтовался Пень? Полное безразличие, пока Сноутс бесцельно бродит вокруг него, и бурная реакция на весьма простое действие охотника. Именно действие! Флот колот дрова... Сознательное человеческое действие. Это же работа, труд! Если хотите — акт созидания дров из бревна. Уверяю вас — для постороннего наблюдателя, для иного разума это не менее важное событие, чем созидание статуи из глыбы мрамора. Вам понравится мое завтрашнее сообщение. Мы найдем с вами общий язык. Уверен — это легче, чем найти общий язык с обитателями Альфы Эридана.

Стамп засмеялся.

Назавтра программа заключительного заседания съезда космолингвистов заканчивалась докладом Стампа и кратким резюме председателя съезда. Нелепо высоко вознесенная кафедра подчеркивала изящную и суховатую фигуру Стампа. Черный костюм его не просто блестел, а словно струился, будто уважаемый докладчик только что принимал ванну, не снимая своего облачения. Впрочем, вероятно, только я один подмечал эти легкие странности в облике моего знакомого. Что же касается содержания речи...

— Не сегодня-завтра нас ожидает встреча с другим Разумом, существами другой цивилизации. Я не стараюсь предвосхитить место встречи. Будет ли это Магелланово облако, Марс или пустыня Гоби (протестующий шум в зале) — это вопрос, я бы сказал, чисто технический. Но в момент такой встречи возникнет проблема связи. Я говорю про связь языков и знаков. Как найдем мы важнейшие смысловые точки соприкосновений? Может быть, попытаемся втол-

ковать нашим новым знакомым наипростейшие понятия, глаголы, так сказать, потребительского смысла — есть, дышать, одеваться, пить, глотать? Увы, все они могут оказаться недействительными и непонятными для организмов с другой системой обмена веществ. Или начнем с личных имен? Боюсь, что все эти клички — Вилфред, Карлос, Хатаяма, Ян, Платон — излишни для существ, которые замечают индивидуальные отличия каким-либо девятым чувством. Самодовольные математики предлагают завязать непринужденный разговор с марсианами при помощи алгебраических теорем и геометрических фигур. Но я не думаю, что «пифагоровы штаны» придутся впору всем жителям Вселенной.

Я беру на себя смелость предположить, что математика, как система численных абстракций, вовсе не обязательна для познания (негодующий шум в зале). Весьма вероятна другая система познания, основанная на других способах абстрагирования. Мы не знаем всех возможностей Разума.

Так где же найти нам звено, способное соединить любые разумные существа любых населенных миров? Я утверждаю, что есть такое звено, есть такой ключ к единению братьев по Разуму. Это Труд, Созидание, Творчество! Процессы, единые для всех разумных структур! Бездеятельная плесень или беспомощный сгусток протоплазмы не может мыслить. Зачем плесени разум, если она никогда не сможет превратить свою мысль в нечто осязаемое? Разум как самоцель — несуществующая бессмыслица. Разум рождается в труде и для труда. Элементы творчества, знаки созидания, действия, труда — вот средство общения во Вселенной, звенья, соединяющие все ступени разума...

Элиот Стамп шел по залу, направляясь на свое место. Заметив меня, он остановился, наклонился и сказал шепотом:

— Моя фамилия Стамп!

После столь многозначительного, но малосодержательного заявления он удалился. В дверях зала мелькнул струящийся черный костюм.

Лишь в гостинице, отдыхая, я понял его полушутливую фразу. Стамп — это по-английски «обрубок», «пень».

Пень старого Флота!

Я никогда больше не встречал Элиота Стампа. Кстати, в официальных списках делегатов съезда космолингвистов фамилия Стамп не значилась, и многие респектабельные делегаты возмущались, что председатель предоставил слово самозванцу. Или, что, по их мнению, и вовсе граничило со скандалом, — писателю-фантасту.

II

**НЕПРОЧНЫЙ,
НЕПРОЧНЫЙ,
НЕПРОЧНЫЙ МИР...**

НЕПРОЧНЫЙ, НЕПРОЧНЫЙ, НЕПРОЧНЫЙ МИР...

...Путешествие началось в подвале. Опасное путешествие через весь Большой Город. Ему вручили огромный неуклюжий сверток, и, когда он взял его в руки, он стал преступником. Его наспех обучили мерам предосторожности: каких улиц избегать, как вести себя при встрече с агентами Службы Безопасности, что отвечать на возможном допросе... Хотели дать провожатого, но он отказался. Зачем? Двое подозрительнее. Опасность, поделенная на две части, остается опасностью. Это все равно, что прыгать с моста... вдвоем. Вместо одного утопленника будет два. И только. Пусть уж лучше он потащит через весь город страшный груз, останется наедине с неуклюжим ящиком, где лежит ЭТО.

...Какой же все-таки неудобный сверток! Дьявольски неудобный! Будто он весь состоит из углов. Когда держишь его на коленях, острые углы вонзаются под мышки, твердое ребро раздавливает грудь, а руки, охватившие сверток сверху, деревенеют. Да, руки совсем занемели...

Но пошевелиться нельзя, обратишь на себя внимание. И без того всем мешает твой ящик. В вагоне подземки тесно, как в банке с маринованными сливами. Он любил маринованные сливы. В детстве.

Теперь нет *настоящих* слив. Теперь главная пища — галеты «Пупс». В вагоне все жуют эти галеты. Их жуют всегда. С утра до ночи. Знаменитые ненасыщающие галеты «Пупс». Заводы, синтезирующие галеты, работают круглые сутки. «Галеты «Пупс» обновляют мускулы, разжижают желчь и расширяют атомы во всем организме...» Как бы не так! Здесь простой расчет — выгоднее продать железнодорожный состав дряни, чем автофургон настоящей еды... Во рту галеты тихо пищат «пупс... пупс...» и тут же... испаряются.словно раскусываешь зубами маленькие резиновые шарики, надутые стопроцентным воздухом...

Проклятый сверток сползает с коленей. Руки онемели и словно чужие...

У его отца были камни в почках. Старинный благородный недуг. Сейчас редко кто им страдает. С какой гордостью мать готовила горячую ванну, когда отца одолевал очередной приступ. Пусть все знают, что ее муж болен исключительной, благородной болезнью! Про галеты «Пупс» не скажешь, что они ложатся камнем на желудок или другие органы. Можешь сожрать пятифунтовую пачку галет и тут же вновь почувствовать зверский аппетит. И жажду. Кругом все жуют пищание галеты и облизывают сухие губы. Он знает, о чем мечтают пассажиры под земки — на ближайшей станции броситься к автоматам, продающим напиток «Пей-За-Цент». Напиток не утоляет жажды, его пьют в огромных количествах, автоматы торгуют порциями по два галлона каждая, жаждущие подставляют под коричневую струю бумажные ведра...

Сверток все же сполз с коленей... Ужасная неосмотрительность!.. Уперся острым углом в чей-то

живот, обтянутый зеленым плащом... Только этого не хватало!

Кен Прайс почувствовал, что владелец зеленого плаща пристально разглядывает его. Он ощущал этот взгляд кожей лба и кончиками ушей. Взгляд, тяжелый, как свинцовая плита, и пронзительный, как фары полицейской машины. Прайс втянул живот, стараясь запихнуть ящик куда-то себе под ребра, прижался к спинке дивана, страстно желая уменьшиться в размерах, сплющиться в лепешку... О ужас!.. Обшивка свертка! Она лопнула!.. Сейчас все увидят ЭТО — его позор, его преступление!.. Скандал! Шум! Негодующие лица... Тип в зеленом остановит поезд прямо в туннеле. Холодная сталь наручников вопьется в кожу... В Службе Безопасности его ждет шар — изолятор для особо опасных... Он видел их в кино: стеклянные шары-клетки, висящие на здоровенных кронштейнах вокруг высокой железобетонной башни... Прайс отважился взглянуть на владельца зеленого плаща. Тот, сняв очки и близоруко шурясь, протирал стекла бумажным платком. Прайсу повезло! Тип в зеленом носил дешевые быстротускнеющие очки — через неделю после покупки в них не увидишь и собственного носа. Все тот же Универсальный Торговый Принцип — непрочные вещи покупают чаще. Пусть даже покупают по дешевке, но все чаще и чаще. Ежемесячно, потом еженедельно, ежедневно, ежечасно... В кармане у Прайса громко и протяжно зазвенело, затем так же протяжно заскрипело и глухо хрюкнуло. Взорвались часы с одно-разовым заводом. «Когда кончается завод, часы взрываются удивительно мелодично». Рекламные побасенки! Ничего себе — мелодично! Скрип гвоздя по стеклопластику — вот она, ваша мелодия! Пусть его

перепилят быстрозатупливающейся пилой, если он еще хоть раз купит такие часы. Конечно, если ему вообще придется когда-нибудь что-нибудь покупать. Если он и ЭТО не попадут в лапы агентов безопасности. Прайс сунул руку в карман. Пальцы нащупали нечто вроде комка слизистой глины... Брр... Это все, что осталось от часов. Новейший блицметалл, теперь из него делают массу вещей, даже автомобили. Кажется, его зять имел отношение к этому патенту. Специальный блицметалл с особой структурой, ровно за две недели размягчается в слизистую пакость...

Тот, в плаще, все еще протирает очки, ему теперь не до подозрительных свертков. Зря перепугался! Ясно, что этот, в зеленом, не имеет касательства к Службе Безопасности. Не такие же они дурни, чтобы напяливать на своих агентов быстротускнеющие очки.

Обшивка свертка!.. Прайс похолодел. Как он мог забыть про нее! Обшивка треснула сверху и сбоку и расплзается на глазах у всех! Еще секунда — и конец!.. Нет, нет! Все в порядке! Все идет хорошо! Ведь он завернул ЭТО в кусок старой брезентовой накидки, которой его дед прикрывал свой грузовичок. Только снаружи ЭТО обернуто в быстрорасползающийся однодневный мешок, а внутри — надежный брезент. Отличный кусок брезента, теперь ему цены нет, достался по наследству, другой кусок дед завещал Мэди. Старый брезент надежно скрывает содержимое свертка.

И все же надо сделать еще одну пересадку. Замести следы. С безразличным видом стоять возле двери и выскочить в последний момент, когда поезд уже трогается. Потом повторить эту процедуру в обрат-

ном порядке: дожждаться, пока все не войдут в вагон, и прошмыгнуть между створками закрывающейся двери. Если никто не устремится за тобой, значит слежки нет. Так его учили там, в подвале.

Прайс сошел у Сентер-ринга и пересек платформу. Прозевал первый поезд, дождался второго, услышал сигнал к отправлению, помедлил еще секунду и, когда створки дверей начали сближаться, ринулся в вагон. Неожиданно навстречу ему выскочил замешкавшийся толстяк. Прайс попятился, пошатнулся и, желая удержать сверток от падения, инстинктивно выставил его вперед на вытянутых руках. Створки двери зажали ящик и выдернули его из рук Прайса. Состав тронулся рывком. В какое-то мгновение Прайс успел заметить, что сверток больше чем наполовину свисает снаружи вагона. Мелькнул красный огонек в хвосте состава, и мрак туннеля проглотил вагоны. Прайс бросился бежать по перрону вслед поезду. Его толкали. Он разбивал толпу. Перрон кончился. Поезд уносил сверток. Уже ничего не соображая, Прайс соскочил на рельсы. Сзади кричали. Завыла сирена, раскалывая пронзительным звуком плотный и жаркий воздух. Прайс бежал между рельсами. Они казались ему толстыми блестящими змеями, и он боялся, что они ухватят его за ноги. Поэтому он бежал, неестественно высоко подпрыгивая. Сирена продолжала завывать. Прайс заткнул уши, упал, сильно ушибся. Вскочил на ноги и помчался вперед. Сбоку, сверху, снизу мелькали световые сигналы, перемигивались светофоры, ярко желтели надписи. Огни сливались и чертили вдоль тьмы сверкающие линии. Он падал еще три или четыре раза. Элегантные ботинки с быстропротирающейся подошвой расползлись, как кожура гнилого банана. Пластмассовым градом сы-

пались саморасстегивающиеся запонки и самоотрывающиеся пуговицы. Воротник однодневной рубашки растаял и жирными каплями стекал по спине. Из кармана выскочил быстротеряющийся кошелек. Пояс из быстрогниющей кожи лопнул. Он бежал, спотыкаясь, придерживая одной рукой брюки. Мир непрочных вещей издевался над ним. А рядом бежал страх. Пожирающий пространство грохот обрушился сзади. Его настигал поезд. Но своды туннеля обманули Прайса — грохот возвещал о приближении встречного. Ослепительный свет одноглазой фары парализовал Прайса, ноги прилипли к рельсам, он почувствовал дыхание металла — поезд надвигался и рос. Шквал горячего воздуха отбросил в сторону и спас его. Раскаленная пыль вонзилась в лицо, и грохот умчался.

С трудом переступая босыми ногами, он добрался до следующей станции. Его втащили на платформу. Разгоряченные лица. Как их много! Где его сверток? Подошел полицейский. Штраф? Он согласен, получите деньги... Где сверток? Он сумасшедший? Нет, вот карточка его психиатра, можете узнать... Где сверток?.. Вызвать санитаров? Спасибо, ему уже лучше... Где сверток?..

Сверток принесли. Изрядно помятый, но целый. Старый брезент выдержал испытание. Никто не увидел, ЧТО скрывается внутри. Никто... О боже. Все обошлось!

Волоча ногу и гихо постанывая, Прайс выбрался на свежий воздух. Он был полураздет и тащился к ближайшим торговым автоматам. Он опускал монеты и всовывал руки, ноги и шею в полукруглые дыры. Автоматы напялили на него однодневные ботинки, приклеили к рубашке одноразовый воротник,

пристегнули теряющиеся запонки, залепили дыры быстроотклеивающимся пластырем и всучили модную шляпу «Носи-Бросай». Когда автомат с веселым скрежетом проглатывал монету, мощный динамик выкрикивал: «Все-Для-Вас-На-Один-Раз, Все-Для-Вас-На-Один-Раз». Железные молодчики торговали непрочной дешевкой... Вещи-однодневки. Надежные, как веревка из теста. Долговечные, как кусок льда на раскаленной жаровне. Горсть праха, пригоршня дыма, не больше. Здесь были книги с исчезающим текстом — через неделю перед тобой белые страницы. Чернеющие газеты, которые не успеваешь прочесть и вынужден приобретать следующий ежечасный выпуск. Быстрохолодеющие уюги и легкоплавкие сковородки. Микродырявые канистры. Твердеющие подушки. Засоряющиеся краны. Духи «Коко», начинающие через неделю мерзко вонять. Гвозди из блиц-металла. Бумажные телевизоры... Их дешевизна не компенсировала их недолговечность. Напротив, дешевизна разоряла покупателя. Карусель вынужденных покупок вертелась все быстрее и быстрее, выматывая душу, опустошая карманы...

Последнюю монету Прайс опустил в щель на желтом столбике. В тротуаре откинулся люк, и из него поднялась одноместная скамейка для кратковременного отдыха. После всех передрыг он мог позволить себе такую роскошь. Возле желтого столбика остановилась собачонка. Прайс нагнулся, чтобы придвинуть сверток ближе к скамейке. Собачонка злобно оскалила зубы, и Прайс отпрянул от нее. Бродячие собаки опасны! Крайне опасны! Следуя общему Торговому Принципу, компания «Шпиц-Такса лимитед» снабжает старых леди комнатными собачками, которые через три недели становятся бешеными. Есте-

ственно, что владелицы собачек выбрасывают их на улицу, не дожидаясь истечения гарантийного срока. Получить в ногу порцию ядовитой слюны — кошмар! Прайс схватил сверток, вскочил на скамейку и угрожающе замахнулся на собаку. Собачонка поджала хвост и метнулась в сторону, но тяжелый сверток вырвался из рук Прайса и плюхнулся на асфальт. Тут же прохожие затолкали его ногами, отшвырнули на край тротуара. Болван! Дырявые руки! Испугался жалкой собаки!.. Подними сверток!.. Нет! Не доверяйся первым порывам! Будь осторожен, как верхолаз на телевизионной мачте. Если за тобой следят, то выгоднее сделать вид, будто ты не имеешь касательства к этому ящику, к этой ужасной улике преступления. Сейчас никто не сможет доказать, что сверток принадлежит тебе: ты — здесь, сверток — там. Успокойся! Сядь! Сделай вид, что ты занимаешься своей шляпой, она тоже упала от резкого движения. Подними ее, приведи в порядок. Вот так! Отличная шляпа, специально для хождения по солнечной стороне улицы. Есть и другие шляпы, очень похожие на твою, но они только для теневой стороны, на солнце улетучиваются, как дым. Пшик — и все тут! А внутри этой шляпы ярлык «четырнадцать часов под солнцем». Потом, конечно, тоже улетучивается... Сверток лежит на старом месте. Все спешат, проходят мимо, никто им не интересуется...

Никто не интересуется? Как бы не так! Блондинка в клетчатом костюме! Остановилась в пяти шагах от Прайса и делает вид, что рассматривает свое изображение в стекле витрины. Можно поклясться, что она притормозила именно в тот момент, когда он швырнул сверток в собаку. Женщина — агент безопасности? Многие домохозяйки подрабатывают в свобод-

ное время, выполняя щекотливые поручения Службы Безопасности. Что это она рассматривает в этой дурацкой витрине? Ведь это магазин «Для мужчин». Что ей там понадобилось? Бальзам для лысых, превращающийся в Истребитель Волос. Ах, вот в чем дело! Она рассматривает в стекле свой клетчатый костюм. Коричневые полосы, образующие клетки, становятся все шире и шире. Костюм расползается!

Блондинка взвизгнула, обхватила себя руками, придерживая остатки костюма, и с видом купальщицы, входящей в холодную воду, побежала к ближайшей кабинке для переодевания. На всех перекрестках стояли такие пестрые кабинки, внутри которых ждали очередную жертву автоматы, торгующие готовыми платьями.

Прайс неожиданно упал, это скамейка для кратковременного отдыха ускользнула из-под него обратно в люк. Поднявшись, он впервые за этот ужасный день вдруг почувствовал душевное облегчение. С безразличным видом, даже позволяя себе насвистывать, он подобрал сверток и зашагал в сторону четыреста сороковой улицы.

Там был его дом, там его ждали и волновались. Он должен как можно скорее избавиться их от страха за его судьбу. И лишь там он почувствует себя в сравнительной безопасности.

Жена встретила его в подъезде. Бедняга! Сколько раз она выбегала встречать? Сколько раз прислушивалась к шагам, стукам, шорохам? Милая! Только ради нее он решился на столь кошмарное путешествие.

Они прошли прямо в кухню, где единственное окно выходило на безлюдный пустырь. Из дальней комнаты доносился визг циркульной пилы. Разумеется,

там ничего не пилили, визжала недолговечная пластинка. После десяти проигрываний скрипичный квартет превратился в соло циркульной пилы.

— Ты принес ЭТО? — спросила Сали.

Она не решилась назвать содержимое свертка своим именем, так суеверный дикарь не называет вслух предмет своей охоты.

— Я принес. Ты так просила.

— Разверни, я хочу увидеть.

— Задерни шторы.

— Они рассыпались перед твоим приходом. Но не бойся, милый. Еще утром потемнели стекла в окне. Никто не увидит.

Он снял брезент. Внутри оказался продолговатый ящик из серого картона. Они разорвали картон и поставили посреди комнаты ЭТО.

Это была Кухонная Табуретка. Настоящая! Прочная! Из настоящей сосны. Ее сделали утром в подпольной мастерской, и свежие янтарные капельки настоящего столярного клея блестели так аппетитно, что их хотелось лизнуть языком.

Продажа и покупка прочных вещей были запрещены Федеральным Торговым Законом. Ослушников ждала суровая кара. Но Прайс все же сумел, не побоялся подарить жене в день ее рождения Настоящую Прочную Кухонную Табуретку!

Примечание. Редактор американского журнала «Дизайн-ньюс» — органа американских инженеров — Курт Кирчер встревожен. Он пишет в одном из номеров журнала: «Все чаще конструкторов заставляют создавать заведомый брак!»

Действительно, ряд американских фирм вынужден «маневрировать надежностью», то есть, проще говоря, умышленно занижать проектную надежность и долговечность изделий. Цены на эти изделия и товары тоже снижаются, но в значительно меньшей пропорции, чем снижается долговечность и прочность. Этим способом предприниматели ищут выход из кризиса сбыта. Происходит искусственное увеличение товарооборота, но, разумеется, за счет потребителя: он вынужден все чаще покупать товары, быстро приходящие в негодность. Это новое явление в американской экономике и послужило отправным пунктом для памфлета «Непрочный, непрочный, непрочный мир...». Противоречия капиталистического производства приводят к расширению кризиса сбыта, и поэтому мир непрочных вещей может легко переключаться из фантастики памфлета в реальные будни капиталистического способа производства.

ИСПОВЕДЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

1

«18 февраля 19... года. Кража в библиотеке. Доктор Марио Бедета, хранитель архива в Национальной библиотеке, сообщил нашему корреспонденту: сегодня ночью неизвестные злоумышленники похитили алфавитную картотеку изобретателей, зарегистрированных в патентном ведомстве за последние пятьдесят лет. Два ящика с именными карточками, весом в тридцать пять фунтов каждый, вынесены через пролом в наружной стене между двенадцатью и часом ночи, после первого обхода дежурного сторожа. Доктор Марио Бедета сетует на скудость правительственных ассигнований, не позволяющую устроить в здании библиотеки надежную сигнализацию. Похитители пока не найдены...»

«21 мая 19... года. Убит выстрелом в сердце сеньор Убико Хорхе. Вдовец 54 лет, он жил одиноко в своем доме на Праса ду Комерсио. Убийство по личным мотивам — ревность, нарушение брачного обещания и т. п. — крайне маловероятно. По мнению экспертов, несчастного застрелили из винтовки фирмы «Голланд и Голланд» с оптическим прицелом. Уже после кончины злодеи тщательно обрили голову трупа и смазали ее какой-то сильно пахнущей мазью. Цель подобных манипуляций абсолютно непонятна

и загадочна. Сеньор Убико Хорхе известен своими крупными инженерными работами в химической промышленности. Его последнее изобретение, работу над которым прервала смерть, должно было принести немалую прибыль фирме, ценнейшим специалистом которой являлся покойный. В некоторых хорошо информированных кругах убийство Убико Хорхе связывают с весьма загадочными исчезновениями еще двух наших видных изобретателей...»

2

— Ради бога, посмотрите, не идет ли по левой аллее человек в синем плаще? У вас молодые глаза, вы видите далеко... Да не так, черт возьми, не оборачивайтесь! Я научу вас, как надо смотреть. Разглядывайте облака, смотрите вверх и поворачивайте, медленно поворачивайте голову... Теперь один взгляд, только один, вниз и наискосок... Вот так.

— Аллея пуста.

— Значит, у меня двадцать минут передышки. Я хорошо научился следить за тем, что происходит за моей спиной. Тысячи приемов. Годятся витринные стекла, зеркала парикмахерских, даже полированные двери. Особенно удобны окна в вагонах подземки... Что я болтаю. Не обращайтесь на меня внимания. Я просто болен. Да, болен... Смотрите, смотрите. Нет ли поблизости полицейского с маленькими рыжеватыми усиками?

— Вы боитесь полицейских?

— Не всех. Только того, кто с рыжими усиками. Он тоже один из этих. Что там чернеет?.. Куда вы смотрите... Вон там, между двумя кустами.

— Это всего лишь решетка парка.
— Не стоит ли за ней автомобиль?
— Если вас действительно преследуют, то проще оставить машину за углом, а не выставять ее напоказ.

— Вы младенец. Так удобнее стрелять.
— Понимаю. У вас в карманах весь наличный золотой запас Лиссабонского национального банка. В слитках или монетами?

— Плохая шутка. А теперь идите, идите. Проваливайте!

— Давно ли вы купили эту скамейку, сеньор? Почему вы не повесили на ней плакат «Частная пристань»?

— Если вы хотите поджариться на костре, разожженном для другого, оставайтесь.

— Я неплохо боксирую, и во мне двести фунтов. Я остаюсь.

— Спасибо. Видимо, ваше благородство простирается настолько далеко, что вы даже не потребуете от меня никаких объяснений?

— Мало держать в руках бутылку, сеньор, надо еще ее раскупорить. Хоть кое-что узнать бы не мешало...

— Говорят, черт, набравшийся опыта, лучше неопытного ангела. То, что я на вас вылью, мой юный друг, превратит вас в дюжину чертей. Не расстаться ли нам, пока не поздно?

— Сеньор, вы опасаетесь человека в синем плаще? Он здесь. Прячется за каштанами, что растут на том берегу пруда.

— Они измучили меня.

— Идите налево, к выходу. Быстро! Я буду все время сзади...

— ...Теперь мы спустимся по Руа да Прата в гавань.

— Я предпочел бы переулки.

— Руа да Прата похожа на базар. В толпе легко затеряться. А не доходя до гавани два квартала, свернем в переулок. Если вы уж так обожаете переулки...

Они шли мимо магазинов, нестерпимо блескующих зеркальными стеклами, мимо кафетериев, пытавшихся уйти в редкую тень пальм и олеандр. И хотя потянувший с моря бриз проветрил улицу, жара испепеляла. На перекрестках, открытых солнцу, полицейские-регулирующие обливались потом в своих мундирах из толстого серого сукна. Чистильщики обуви запрятались глубже под пестрые навесы. Город плавал в растопленном масле желтого зноя. Только двое случайных знакомых не замечали жары.

3

— Зачем вы привели меня сюда? Последний этаж — это опасно. Вероятность того, что призывы о помощи услышат соседи, уменьшается вдвое. Ведь над нами никого нет. Кроме тех, кто любит устраивать засады на чердаках. И вообще это звучит неприятно — последний этаж, последний этап, последний шанс.

— Вы совсем псих. Кажется, я зря с вами связался.

— Конечно, зря. Абсолютная истина в последней инстанции — зря! Я буду преподносить вам одну пилюлю за другой. Вот первая хорошенькая, ароматная пилюлька — я обокрал покойника! Как вам такое понравится?

— Сколько же монет вам удалось выудить из его карманов?

— Я выудил самое ценное — то, что было в его голове.

— Боюсь, сеньор, что у вас припасено много историй. Лучше я приготовлю полную кастрюльку кофе, и мы поболтаем не спеша. А то ваши мысли прыгают, как зубья пилы по железному дереву. Сюда никто не заявится, уверяю вас. Домовладелец почему-то вбил себе в голову, что я служу в тайной полиции, и боится меня, как сатаны. Исчезаю, сеньор! Иду делать кофе. Я стряпаю его так, что потом сердце выпрыгивает из ушей...

— ...Действительно, отличный кофе. И портвейн из Алентежо! Они воскрешают меня. Так вот — я обобрал покойника. Он был моим лучшим другом, мы когда-то вместе учились в Коимбрском университете, хотя и на разных факультетах. Мой друг Акилино всю жизнь что-нибудь изобретал. Зарабатывал неплохо. Последнее время его интересовал новый способ получения электрической энергии. Кто-то догадался вычерпывать электричество из струй раскаленных газов. Величайшее изобретение со времен Фарадея. Вы знаете, кто такой Фарадей?

— У него большая фирма, сеньор?

— О бог мой! Ваше невежество искупается только вашим кофе. Если можно, еще чашечку... Акилино сумел получить энергию этим новым способом. Но его установки давали только постоянный ток. Акилино для каких-то таинственных целей нужен был переменный ток. Он мучился над этой проблемой, как мучается женщина, беременная великаном. Он и меня сумел заразить своими идеями. Потом Акилино тяжело заболел. Все знали, что он скоро умрет. Од-

нажды вечером я вернулся от него домой сильно опечаленный. Тогда я не бродил по чужим чердакам, а жил на Руа да Сура в хорошем старинном доме. В квартире, кроме меня, ни души. Тихо, словно в склепе. Вдруг я услышал, как останавливаются мои часы. Тикают все тише и тише, будто испугались собственных звуков. Раздалось последнее тиканье, и я внезапно увидел решение проблемы, которая так мучила Акилино. Догадка возникла в мозгу внезапно, как вспышка молнии. Я понял, почему поэты говорят: меня озарило! Действительно, озарение, вспыхнувшая звезда, сноп искр — все что хотите в подобном роде. Я посмотрел на часы, стрелки застыли на девяти часах тринадцати минутах. Потом я узнал, что Акилино скончался в девять часов четырнадцать минут. Совпадение? Как бы не так! Я обокрал покойника — вот правда. Несчастный все время размышлял над проклятым вопросом, он не давал ему покоя до последнего вздоха. Предсмертная агония — и одновременно взрыв гениальных догадок! Вы понимаете, в последнем рывке мозг испепеляет сам себя... Смотрите, смотрите, ваши часы остановились! Кто-то умер... Они убили еще одного... Я знаю...

— Успокойтесь, сеньор. Моя неаккуратность, не завел вовремя свой будильник...

— Когда Акилино умер, часы остановились. Почему? В этом что-то есть... Налейте мне еще вина... О чем я говорил? Да, предсмертные взрывы в мозгу. Факелы протуберанцев. Пламя от последней вспышки обжигает и чужой мозг. Разумеется, не всякий. Только тот, кто настроен в унисон с мозгом бедняги. Если они думают об одном и том же, между ними протягивается незримая связь, хрупкая, как нить из пепла. Она держится мгновение и рассыпается в прах.

Этого мгновения достаточно, чтобы передать самое важное. Я поймал последнюю мысль Акилино и воспользовался ею. Потом получил патент на изобретение, сделанное мертвецом, и присвоил его себе. Грудю золота за патент никто не дал, но кое-что я выручил. Вот так я обокрал покойника. Нравится?

— Запутанная история. Еще вина?

— Наливайте... Потом я подумал: не может быть, чтобы последняя отчаянная вспышка сознания не оставила следа в самом умирающем мозгу.

— Неужели мысли застревают в мертвой голове?

— Мозг живет и после смерти. Недолго. Несколько минут. Он угасает, как керосиновая лампа, в которой кончился керосин. Когда у меня появились деньги, я купил небольшую лабораторию. Даже нанял двух специалистов. Мы сумели сделать аппарат, который вылавливал в умирающем мозгу шорохи жизни. Биохимический усилитель. Чудовищно чуткий прибор. Отзывался на самые тонкие химические реакции, сопровождающие каждую мысль, анализировал ионные потоки в нервных клетках и тому подобное. Кое-что нам удалось подслушать через сутки после смерти. А какие шквалы бушевали в мозгу в момент агонии!

— Откуда же вы брали покойников? Или?.. Нет, не может быть! Вы убивали? Вы убийца, а я вас прячу, защищаю. Идиот! Скольких вы убили ради своих гнусных опытов?

— Ни одного. Мы заключили контракт с Национальным биологическим музеем. В мое распоряжение поступали сотни разных животных, от полевой мыши до обезьян уистити.

— Лжете! Для таких опытов животные не годят-

ся. Это даже я понимаю. Что могли вы отыскать в мышиных или собачьих мозгах? Вам нужны были люди. Самые умные люди для самых ужасных опытов, будь я проклят...

— Не горячитесь. Неужели теперь нужно успокаивать вас? Поймите, я не болтаю, а исповедуюсь в ожидании последнего часа. Врать бесполезно и унизительно. Каюсь, мы не жалели животных. Обливали их крутым кипятком, забивали железными прутьями до смерти, оглушали током. Необходимо было добиться, чтобы в их сознании оставались яркие впечатления...

— Ничего себе — впечатления от железных прутьев. Изверги!

— Мы говорили более мягко — острый опыт.

— Представляю себе, как они орали.

— Ни звука. Особая операция горла. Лаборатория — царство тишины, шум раздражает... Кто-то крадется!..

— Моя соседка. Мы зовем ее Ночничок... Она всегда уходит на работу, когда темнеет. Извините.

На минуту оба замолкли.

— Она не могла подслушать?

— У нее свои заботы, сеньор.

— Два года мы прислушивались к тому, что творится в головах четвероногих. Настал день, когда электронный скальпель должен был коснуться разумного мозга...

— Вот видите!

— Я был тогда в каком-то исступлении, исследовательская горячка трясла меня, я готов был принести в жертву собственную голову. Но нам было нужно много голов...

— О дева Мария, и вы так спокойно толкуете

об этом! Откуда же вы их взяли, эти головы? Поступили сторожем в морг?

— В морг привозят слишком поздно. А мы хотели исповедовать мертвый мозг сразу после предсмертной исповеди его еще живого владельца. Мы должны были идти по пятам за исповедующим священником. Так и сделали...

— Церковь не простит вас.

— Она поддержала нас. Один из специалистов, работающих в моей лаборатории, оказался активным деятелем «Пакс Романа», союза католиков-интеллигентов. Мы сошлись на том, что «Пакс Романа» получит сорок процентов возможной прибыли. Они исповедуют душу, мы — тело.

— Разве мысли можно продать?

— Они ценнее золота. Разумеется, не все. Нас интересовали люди одержимые, посвятившие всю жизнь решению какой-либо проблемы. Главным образом это были изобретатели. Мы составили обширную картотеку и подстерегали их последние дни. И даже чаще, чем мы думали, этих одержимых в последний момент озаряла гениальная догадка. Наш аппарат улавливал сверхъестественно яркую вспышку сознания и расшифровывал ее. Охота за идеями оказалась удачной. Теперь они охотятся за мной.

— Вы их обманули? Утаили прибыль?

— Утаил свои мысли. У меня тоже есть своя главная идея. Сокровенная и могущественная. Она нужна им. Они поклялись добыть ее любой ценой. Я знаю, как все произойдет. Меня убьют выстрелом в сердце. У них отличные снайперы. Потом в комнату ворвутся двое или трое. Они будут очень спешить. В руках у одного будет металлический колпак. Термоэлектрическим ножом они сожгут волосы у ме-

ня на голове — так быстрее, чем брить. Намажут голову вонючей электропроводящей пастой и наденут колпак. За это время другой подготовит записывающую аппаратуру.

— Так не будет. Мы сейчас же отправимся к окружному прокурору, он спрячет вас.

— Спрячет? Предоставит убежище в тюремной камере? Тогда меня убьет не снайпер, а каторжник, которому пообещают за эту крохотную услугу шикарный побег. А тот, с колпаком, примчится в камеру под видом тюремного врача.

— Мне жаль вас. Вы попались в собственную западню. У вас есть деньги?

— Девять тысяч эскудо. Ровно столько, сколько стоят похороны на кладбище Алто де Сан-Жоан.

— Долой похороны! Слушайте внимательно. У меня есть друзья студенты-медики. Мы поедем в Центральную больницу, в отделение для бедняков. Там вас зарегистрируют, знакомые студенты — они всегда дежурят по ночам, собачья вахта не для настоящих врачей — найдут у вас смертельную болезнь и отправят в госпиталь святой Евлалии. Но до святой Евлалии доедет только регистрационная карточка. За пару тысяч эскудо тамошний регистратор переложит карточку в ящик умерших и выдаст мне свидетельство о вашей смерти. С таким свидетельством я смогу официально оповестить кого угодно о вашей скоропостижной кончине. Словом, вам простят билет на тот свет, но вы останетесь от поезда. Ловко?

— А дальше?

— Начнете жить заново под другим именем. Соглашайтесь, сеньор. Мы уже однажды проделали такой трюк с одним моряком, удравшим с военного

корабля. Теперь он обзавелся новыми документами, плавает под чужим флагом и счастлив.

— Новые документы? Бумажки! А кто даст мне новую жизнь? Все кошмары последних лет останутся внутри меня. Старые язвы в новых лохмотьях — вот что вы мне обещаете... Я совсем пьян...

— А я спускаюсь вниз, чтобы позвонить из кафе в Центральную больницу.

4

В отделении для бедняков процедура осмотра похожа на ленивую игру со строгими правилами. Два-три вопроса, ответы на которые почти не слушают, и кивок в сторону санитаря. Тот записывает фамилию, сердится на нерасторопность больного и выдает ему штаны с кургузой курткой без пуговиц. Сегодня большинство больных направляют в госпиталь святой Евлалии. Туда они должны прибыть уже в больничной униформе, и поэтому всех купают здесь в грязноватых ваннах. А на дворе их ждет маленький облупленный автобус. Впрочем, кто желает, может добираться самостоятельно...

— Сеньор презабавно выглядит в этой курточке.

— Я сам себя не узнаю. С меня содрали что-то большее, чем костюм. И ничего не дали взамен.

— Вы получили надежду! О-ля-ля! Она чего-нибудь стоит!

— Откуда у вас такая роскошная машина?

— Ухажер сестренки так расчувствовался, что дал мне эту карету на пару дней. Не машина, а дракон. Жрет бензин и километры, словно хочет получить первый приз на конкурсе обжор.

— Я вижу, вы привыкли держать в руках руль, отлично справляетесь с машиной.

— Возможно... Сейчас в госпитале святой Евлалии вас регистрируют как покойника. Умора!

— Завидую людям, которых веселят пустяки.

— Разве ваша собственная жизнь, сеньор, это пустяк?

— Сами видите, какой я жалкий трус. Вот и цепляюсь за жизнь. А достоин казни...

— Ну-ну, сеньор, не так мрачно!

— Вы знаете не все. После того как мой аппарат заставил говорить мертвых, дельцы из «Пакс Романа» взбесились. Торговля гениальными идеями оказалась слишком прибыльной. Они больше не хотели дожидаться естественного конца какого-нибудь дряхлого гения. Их агенты вооружились бесшумными револьверами и моими аппаратами. Они даже не нарушали тайну исповеди — я помог им исповедовать этих несчастных уже после смерти. Они прикончили Убико Хорхе. Это был гениальный изобретатель. И мой брат. Брат... Я виновен... Но кто мог предвидеть такой кошмар?.. Куда вы меня везете?..

— Мы поедем вдоль Тахо до Абрантиша. Там по железнодорожному мосту перескочим через реку и отправимся в долину Мондегу. Моя родина, сеньор! В долине сейчас цветет миндаль. Но к Абрантишу лучше подъехать днем. Полицейские, как филины, ночью зорче...

Они свернули с шоссе и остановили разгоряченную машину в изломанной тени двух низкорослых пальм.

— Выпьем, сеньор, за цветущий миндаль и наши успехи!

Стаканы пахли бензином.

— Хотел бы я знать, сеньор, о чем вы сейчас думаете?

— Не вы один норовите залезть в чужую голову. Генералы не доверяют ученым, промышленники только по необходимости терпят специалистов. А знаете почему? Никто не знает, сколько мыслей производит твоя голова за день! Десять, сто, тысячу? Это злит всех, кто покупает твое время. Их мучают сомнения: все ли свои идеи и соображения ты отдал? Не утаил ли чего? Если бы они могли просто купить фунт догадок, тонну идей! Вот было бы славно! Продается тонна свежих идей! Постоянным клиентам скидка! Комиссионные только два процента! Спешите! Идеи гениальные, что удостоверяется клеймом окружного инспектора... Что вы озираетесь! Вы кого-то ждете?

— Никого.

— Да, то, что в голове,— это самое ценное. Так что будьте спокойны — они заставят нас выложиться полностью. Выпьют и высосут все мысли. Все до единой! Тогда и электронным мозгам найдется занятие. Машины разложат наши несравненные идеи по классам, очистят от шелухи, скомбинируют. Живая мысль — полуфабрикат для электронных мозгов. Великолепно! У меня много таких забавных идей. Я обманул «Пакс Романа», я скрыл самое главное, самое восхитительное изобретение! Я усовершенствовал свой аппарат. Теперь не надо никого убивать. Можно высасывать гениальные идеи у живых. Вот за чем они охотятся. Крупная добыча!

— Грязная обезьяна! Значит, ты и в самом деле утаил от нас такую замечательную штуку?

— От кого — «от нас»? Кто ты?.. А-а-а... Ловушка! У тебя в кармане свидетельство о моей смерти. Я уже мертв?.. Мерзавец!..

— Эй, что вы делаете?!. Бросьте револьвер! Эй!.. Проклятье, он убил себя...

В ответ на призывный свист вспыхнули фары еще одной машины, таившейся до той минуты в каштановой роще.

— Сюда, ребята! И спрячьте свой дурацкий аппарат. Здесь он не пригодится. Этот выстрелил себе в голову. Сами видите...

КОГДА ПРИХОДИТ ДЖИМ

Пустое кубическое пространство. Сорок восемь кубических ярдов пустоты, заключенные в квадраты прочнейших стен из бетона и стали. Вздутые пневматические подушки облепили стены выпуклыми ромбами. Ни единого звука. Ровный свет. Пустота.

В центре пустого пространства табуретка, привинченная к полу и похожая скорее на подставку для утюга, чем на вместилище человеческого тела. Но вместо утюга все же — человек. Массивное, налитое жизненными соками тело. В теле — Дух Нации. Его зовут также Рыцарем Легиона Свободных Буйволов, Знаменосцем Клана, Великим Белым Хозяином. В эти последние минуты Нация, Судьба и Всевышний возложили на него последнюю великую миссию. Сейчас он уже не только Рыцарь, Знаменосец и Хозяин. Сейчас он Главнокомандующий.

Великое бремя ответственности готово испепелить его мозг, но раньше он вкусит сладость победы. Соскользнув тяжелым задом по краю сиденья слишком высокой табуретки, он твердо становится на ноги. Решение принято!

Он подходит к стене, к тому месту, где одна пневматическая подушка отсутствует и вместо нее — пульт с тремя кнопками: голубой, фиолетовой, белой.

Не дрогнув ни одним лицевым мускулом, Великий Хозяин останавливается перед пультом, крепко расставляя ноги, словно изготавливается перед писсуаром. Истинно мужская и мужественная поза! Как жаль, что строжайшая секретность не допускает и мысли о том, чтобы запечатлеть этот исторический момент на пленке и в мраморе.

Главнокомандующий тянется к первой кнопке. Теперь его рука — это Длань Судьбы, его палец — Перст Провидения. Палец тверд, суров и белоснежен. Он нажимает первую — голубую — кнопку. Ни один звук не доносится в убежище. Но он знает...

Залпы усилителей тяжести обрушились на Мировой Океан. Накопленные в суперловушках чудовищные запасы энергии всемирного тяготения вырвались в пространство. Приведено в действие сверхоружие ВТ — Волны Тяжести, они ползут по океану, подминающая и сплющивая толщу воды. Океан стонет, стон его поднимается к небу. Сникают волны. Невидимая тяжесть давит на воду, превращая ее в нечто похожее на расплавленный свинец.

Вторая Волна Тяжести превращает расплав в камень. Океан окаменел! На твердокаменной глади отливают радугой странные маслянистые пятна — это сверхтяжесть раздавила гигантов — китов. Кое-где валяются раздробленные скорлупы океанских лайнеров.

Впервые со дня сотворения мира океан затих, и мертвая тишина воцарилась там, где прежде бушевали тайфуны. Круговорот воды в природе прекратился! Скоро над землей прольется последний дождь. Исчезнут облака. Раскаленная чаша небес высосет последние капли из рек и болот. Вечная засуха испепелит землю...

Великий Белый Хозяин тверд и озабочен. Он не может ждать, пока природа довершит начатое им. Лик Победы еще скрыт завесой Времени. Это противно его Стратегии. Он спешит немедленно вызвать из подземелий Демона Небытия.

И снова Перст Судьбы касается кнопки. Посапывая от нетерпения, Главнокомандующий нажимает вторую — фиолетовую — кнопку.

Пустое пространство Бункера Управления наполняется гулом. Это за двести миль отсюда из подземных колодцев поднимаются башни, несущие генераторы ЛТ — Лучей Трухи. Все неживое они превратят в прах и тлен.

Фиолетово-мерцающие шары отрываются от направленных антенн башен и, стремительно расширяясь, скользят за горизонт. Фиолетовое зарево встает над миром, и мир вещей погружается во все-разрушающую фиолетовую зыбь. Словно кучи сухого песка, рассыпаются небоскребы. С железнодорожных мостов тяжелыми струями стекает серебристая пыль — все, что остается от курьерских поездов. Затем и сами мосты сползают в реки и вода уносит их прах. Порывы ветра бросают на землю голубую пыль — это фиолетовые Лучи застигают в небе самолеты и вертолеты. На ходу рассыпаются автомашины, и в то время, когда передние колеса еще мчатся вперед, задние уже размазываются по асфальту жирными полосами черной сажи. Голые люди бредут по улицам городов, сжимая в пригоршни горсть пыли — остатки одежды.

Фиолетовое Зарево уползает в небо, и обнажается Цивилизация, превращенная в Ничто. Кружатся смерчи каменной пыли, пляшут красные вихри ржавой трухи, тлен и разорение празднуют победу. Все

превратилось в прах. Все... кроме людей. Для них приготовлена последняя — самая последняя! — белая кнопка. Тот, кто в эти мгновения диктовал свою волю небесам и землям, не колеблясь, нажал Последнюю Кнопку. И...

...Вошли двое в белоснежной униформе.

— Послушай, парень, — раздраженно сказал один из них, — если тебе надо спустить воду, вовсе не обязательно нажимать все кнопки подряд. Белая кнопка — это вызов санитара. Если у тебя осталась хоть капля рассудка, ты поймешь. Смотри сюда — я санитар. На мне белый халат. Белая кнопка — санитар. Белая — санитар...

— Оставь, Джим, он все равно ничего не поймет. Он из тех парней, которых заставляли слишком долго сидеть перед настоящими кнопками... Смотри, как он разволновался! Беги, Джим, за смирительной рубашкой...

...В ту ночь бывший капрал Билзард спал спокойно. Наконец-то ему удалось убедить врачей и санитаров, что его действительно посещают адские видения! Теперь никто и никогда не заставит его дежурить в бункере перед Настоящими Кнопками.

Среди ночи капрал неожиданно проснулся. Его потрясла удивительная мысль: его товарищи — Норман, Алэн, Геманс и Арчи, — те, с которыми он дежурил перед пусковыми кнопками управляемых снарядов и которые теперь в соседних палатах, они действительно спятили или... Или тоже притворяются? Может быть, они Вполне Разумные? Более разумные, чем те, кто заставлял их дежурить перед Настоящими Кнопками?

И кто знает, для кого в следующий раз санитар Джим притащит смирительную рубашку...

БЕГЛЕЦ

По ледяной пустыне шел голый человек. След босых ног печатался на снегу четко, как в рисованном фильме, и воздух, отдохавший от вчерашней метели, неподвижно стоял над каждым следом, не пытаясь разрушить его хрупкие границы. Цепочка ямок, выдавленных ногами человека, позволяла восстановить его путь, проделанный за последние сутки. Он шел день и ночь не отдыхая, с ритмичностью механизма, делая в час по крайней мере три с четвертью мили, с каким-то сверхъестественным чутьем обходя многочисленные и глубокие трещины, скрытые под шапками снега.

Двигаясь вдоль восточной границы ледника Бирдмор, он держался сто семьдесят пятого градуса восточной долготы, направляясь в центральную и самую суровую область антарктического материка.

Ярко-оранжевая набедренная повязка туго обвивала его туловище, а на поясе висел шар, покрытый сетью мелких граней. Шар висел на человеке тяжело и властно, словно ядро каторжника. Сходство это дополнялось тем, что шар был прикреплен к поясу, сплетенному из трех довольно массивных цепочек. Ядро, или, точнее, многогранник из освинцованной пластмассы, — единственное снаряжение путника.

И впереди — он знал это — его не ждали склады с традиционным пеммиканом, галетами и противцинготным снадобьем.

Впереди только льды. На горизонте они черны, рядом — ослепительны. Но человек смотрит на них не мигая. И так же, не мигая, переводит взгляд на солнце. Безжизненное солнце, обглоданное по краям оранжевым туманом. А кругом закованное в лед море острой граненой ряби. Ледяная рябь словно мчится и стекается к одной точке горизонта. Там, именно из этой точки, торчат вверх серые перья облаков. Их пять. Кажется, предостерегающе поднялась гигантская рука с растопыренными пальцами и грозит опуститься, прихлопнуть и ледяное море и человека. Но он идет и лишь очень редко сбивается с мерного шага. А когда сбивается, по всему телу его пробегает волна судороги, он вздрагивает и убыстряет ход, будто кто-то невидимый, но сильный подгоняет и сердится на непредусмотренную заминку. Только мысли путника неподвластны никому, кроме его самого. И мысли текут назад, память возвращается к началу начал.

...В тот день он отвез семью к брату. Брат работал препаратором в Рольстонском национальном парке, а малышу так необходимо было подышать во время каникул хвойным воздухом. Тем более что брат никогда не имел ничего против детишек, которых у него самого была целая куча.

Итак, Генри Кейр оставил сына и Моды у брата, а сам возвращался в раскаленный город. Была суббота, и автострада представляла собой сплошной поток разноцветных машин. Неожиданно из-за группы белых пихт выскочил бизон. Бизоны были гордостью и приманкой Рольстонского национального

парка. Животное ударило передними копытами об асфальт и остановилось. Генри резко затормозил. И тут же услышал у себя над головой дикий скрежет. Это на крышу его автомобиля громоздились, сминая друг друга, ехавшие сзади машины. Еще он услышал хруст собственных костей и... легкое позвякивание ложечкой о край стакана. Женщина размешивала что-то розовое в стакане, стоявшем на столике рядом с его кроватью.

Между этими двумя звуками лежало двухнедельное беззвучное и черное беспамятство.

— Моди! — позвал Кейр.

Женщина обернулась. Незнакомая женщина, запеленатая в белый халат. Кейр, еще плохо воспринимающая все окружающее, отвернулся. Он лежал неподвижно, боясь почувствовать, что стал калек. Нигде ничего не болело. Быть может, наркотики заглушают боль? Генри продолжал лежать, не шевелясь, до тех пор, пока все тело его не онемело. Но вместе с проникающим во все мускулы ощущением скованности пришло чувство, что тело это существует, по-прежнему подвластное Генри Кейру, и что каждый мускул хотя и занемел, но также существует и готов действовать. Сознание освобождалось от дремоты. Этого момента, видимо, ждали. Широкая застекленная дверь бесшумно отодвинулась, и в комнату вошел, как и можно было ожидать, некто с наружностью заурядного провинциального врача. Он положил руку, пахнущую лекарствами, на лоб Генри. Рука неожиданно оказалась тяжелой и вдавила голову в подушку.

— Мы проснулись, — сказал провинциальный врач с профессиональным льстиво-бодрым нажимом. — Мы чувствуем себя превосходно. Наша пси-

хическая структура абсолютно нормальна. Мы готовы встретить правду лицом к лицу. Не так ли, мистер Кейр? Видите, я не начинаю со слов утешения. Оставим их для трусливых. Будем уважать друг друга. Уважение к пациенту — залог успеха. Вы современный человек, мистер Кейр, и должны любить технику. Вас не испугают некоторые медицинские новинки. Не должны испугать.

Он отбросил одеяло и, чуть надавив пальцами на лоб Генри, заставил его повернуть голову так, чтобы тот увидел...

На краю постели громоздился спрут. Выпуклая никелированная коробка выпустила из себя тонкие красные трубки, гофрированные шланги, жгуты разноцветных проводов. Жгуты и шланги чуть заметно шевелились. Теперь, когда с него скинули одеяло, Генри понял причину не исчезающего чувства скованности. Он был прикован к постели. Металлические браслеты в нескольких местах обнимали его руки и ноги. Грудь представляла из себя почти бесформенную грудку бинтов. Трубки и шланги спрута вонзались в эту грудку. У Генри сладко закружилась голова. В комнате потемнело. Дальний край постели, где лежали скованные ноги, вытянулся и поплыл вверх. Сквозь стену из ваты он слышал еще несколько фраз:

— Автомобильный руль слишком жестко закреплен. Осколки ребер проникли в область сердца... Функциональные нарушения...

Генри потерял сознание. Потом многодневно трудились над ним белые халаты. Без особого участия, без любопытства — все, вероятно, заранее отработывалось на десятках молоденьких обезьян, на тысячах морских свинок, на земляных червях. Когда

вечером особенно тщательно измеряли температуру, щупали ультразвуком прошлые операционные раны — значит, завтра новый шаг. Еще один шаг к тому, чтобы из тебя вычеркнули все человеческое и заменили тоже чем-то живым, но отталкивающе инородным. Однажды рядом с операционным столом он увидел крохотную обезьянку, распластанную в наркотическом сне. Беспомощное, выбритое наголо, до синевы тело. Только лапы в мохнатых перчатках. Наверняка в тот день скальпель коснулся ее первым, и крохотный комочек, вырезанный из обезьяней плоти, заменил что-то в теле Кейра. Заменял... что именно? Кусок нерва или раздробленную кость? Заменял, потому что так нужно было для самого Кейра, или потому, что кто-то этого хотел? Так или иначе, он превращался в химеру, в тройной сплав тикающих приборов, человеческого сознания и органов, украденных у жителей зоопарка.

Находились ли рядом еще такие же полулюди? Или же для других процесс превращения в живой прибор кончался агонией, жизнь обрывалась под ударом дефибриллятора, старавшегося в последний раз электрическим разрядом подстегнуть сердце неизвестного?

Операции отнимали одну частицу человеческого за другой, пока все не заменил Шар.

Как инвалида учат обращаться с костылями, так Генри учили обращаться с Шаром. Подробную инструкцию следовало вызубрить и помнить всю жизнь. Собственно, вся жизнь и заключалась теперь для Кейра в Шаре. Сам Шар не нуждался в Кейре. Он жил своей жизнью. Ячейки и микропоры Шара хранили сложную и равновесную цепь мельчайших живых существ. Цепь начиналась с микроорганизмов,

которые существовали полностью за счет радиоактивного распада изотопа цезия. Организмы следующей ступени питались радиоактивными малютками и строили первичные белки. Еще более высокоорганизованные микробы поглощали белковые остатки второй ступени, углекислый газ и, производя кислород, отдавали его непосредственно в артерии Кейра. Четвертая ступень поставляла Кейру высокоэнергетические питательные вещества, пятая — ферменты, необходимые для усвоения продуктов четвертой ступени. И так далее. Все умещалось в Шаре. Культуры микробов были уникальны. Шар стоил миллионы. Это было чудо, и, как всякое чудо, противоестественно.

Когда Шар заменил пищу и воздух, кожное дыхание оказалось излишней роскошью. Кейра заставили окунуться с головой в липкую жидкость, наполнявшую цилиндрический бассейн. После этой процедуры все тело оказалось обтянутым пластической пленкой, сверхпрочной, сверхупругой, сверхизолирующей, сверх... сверх... сверх... Какие там еще прекрасные свойства имела эта новая кожа? Он забыл, хотя ему все объясняли. Ему многое объясняли. Человек обязан уметь обращаться с машиной, ему доверенной. Тем более если эта машина — он сам. В детстве Генри любил маисовые оладьи с яблочным повидлом. Теперь нос и рот залепила замечательная сверхпрочная пленка. Он не может вдохнуть в себя аромат яблок, цветов, свежего теста. Он не нуждается больше в обычной пище, обычном воздухе. Ура тебе, заботливый Шар! Ты вдуваешь кислород в артерии и силу в мускулы! А как быть с ароматом яблок? Где он? Исчез вместе с голодом, вкусом, жаждой. Лишь где-то в закоулке мозга валяются объедки ощущений. Зачем они теперь тебе? Выколоти их из

головы, бей себя по черепу, выбритому до блеска, залитому сверхпрочным пластиком. Сквозь него даже удары воспринимаются тупо, как сквозь подушку... Что делают без него Моды и малыш? Мальчик тоже любит маисовые оладьи с яблочным повидлом. У него пухлые губы, а верхняя чуть оттопыривается. Это все из-за того, что он дышит ртом. Слабенький мальчик. Но воздух Рольстонского парка пойдет ему на пользу...

...С юго-востока летит снежная пыль. Где кончается белизна облаков, где начинается белизна снегов? Взгляд не находит горизонта, и от этого кружится голова. Снова пошли наледи, сверху изгрызенные солнцем, снизу вздыбленные ветром. словно сам дьявол, готовясь к полуночному чаепитию, сбросил на дно необъятной белой чаши глыбы подтаявшего ноздреватого сахара. Где-то в напряженной памяти проснулся инстинкт жажды. Генри не нужно воды. Это он знал твердо. И все же вековый инстинкт жажды рисовал перед ним кубики льда в запотевшем бокале, графины с водой, жестяные кружки, водопроводные краны и снова кубики льда. Лед и вода...

Он хотел облизать губы, но они зашиты, чтобы порывы ветра не проникали в остатки уже ненужных легких. Жажда бессмысленна. Что еще можно отнять у него, если отнята простейшая радость утоления жажды?

Нет, кое-что осталось, кое-что...

Сегодня утром он проснулся радостный, он вспомнил во сне что-то хорошее. Он понял, что все же обманул своих хозяев, обвел вокруг пальца, подсунил им недоброкачественную деталь собственного тела. Он тихо издевался над ними, еще не сбросив с себя дымку утреннего сна. Оттого, что все это про-

исходило в полусне, полуреальность придавала слишком большое значение его мелочной, в сущности, победе. Даже не победа, уловка. Он сумел сохранить чисто человеческий дар — умение плакать. Можно плакать над своей судьбой и радоваться плачу. Пусть это унижительное торжество, но слезы — привилегия человека, машина не знает горькой влаги утрат и сожалений...

Когда Кейр вылез из-под нависшей ледяной глыбы, где он ночевал, стянул налипший на тело колючий снег и проснулся окончательно, он понял, что его глубокое торжество не стоило и ломаного гроша. Как мог забыть он подслушанный краем уха спор! Тогда кто-то из хирургов авторитетным рокошующим басом настаивал на сохранении его слезных желез. Другой голос возражал, доказывая, что глаза целесообразнее также залить прозрачной пластмассой, тем более что Кейр страдает дальновзоркостью, а пластмассе легко придать форму линз, компенсирующих этот недостаток. Бас зарокотал уже недовольно, он говорил о стимулирующем и охранительном воздействии слезной жидкости. Кейра быстро увели в другой кабинет — надо было снимать очередную энцефалограмму. Итак, в споре победил бас, Кейру оставили слезы. И он никого не обманул. И его никто не обманывал. Просто слезная жидкость надежнее пластмассы.

Вот и все...

А звери, плачут ли они? Черепаха, например, может плакать? Несколько раз ему разрешали посещать террариум с подопытными животными. В качестве развлечения. Его удивило, что звери ничем не пахнут. В цирке, за кулисами, куда он проталкивался вместе с малышом, чтобы тот поглазел на крохотных

пони и слонов в ярких пополах, там всегда стоял пронзительный и тревожный запах зверья. А здесь — стерильная свежесть. Он тяжело вдохнул в себя воздух и... ничего не вдохнул, ничего не почувствовал, только ноздри, затянутые пластиковой пленкой, вздрогнули по привычке. Забыл — смог забыть! — что за него дышит Шар.

Да, черепаха плакала. Морская зеленая черепаха, старая и морщинистая, с обкусанными лапами. Ее звали Чо-ка. А лапы ей обкусили рыбы, когда она совершала заплыв в триста миль, стремясь достичь бухты Тортугеро. Тысячи черепах, преодолевая пасы и ураганы, плывут ежегодно издалека и отовсюду к берегам черепашьей бухты, чтобы отложить яйца в черный песок Тортугеро. Их зовет туда инстинкт, держать точный курс помогает крохотный ориентирующий орган, магнитный компас, сотканный из живых клеток. Генри породнили с Чо-ка. Ее заставили отдать Кейру этот компас. Пересадка ориентирующего органа удалась, и в Генри вселили таким образом чуждый человеку инстинкт магнитной ориентации...

...За несколько часов мертвого сна под ледяной глыбой все вокруг изменилось. Серые облака порыжели, часть их отсекает теперь черная непроглядная тьма, часть светится, пропуская багрово-оранжевые лучи. Льды, которые рядом, почернели, а на горизонте словно расплавились в огненную магму. Центр кипящего блеска где-то там, в ослепительно белой точке. Эта точка притягивает взгляд и манит. Может быть, его зовет к себе магнитный полюс планеты? Живой компас, пересаженный от Чо-ка, привязал его к магнитным линиям, он словно чувствует их неосознаемую упругость кожей лба и затылка. Непривыч-

ность ощущений пугает, несмотря на предварительные тренировки в лагере у ледника Бирдмор.

Какой-то другой житель террариума благодетельствовал Генри, передав ему с куском своей плоти чутье на тончайшие нюансы тепла и холода. Сейчас это помогает Кейру безошибочно находить почти бездонные трещины, замаскированные слежавшимся снегом: над трещинами снег чуть теплее. Таким способом ему гарантирована безопасность.

Безопасность — ради чего? Ради кого он должен беречь себя? Малыш и Моды больше не существуют. То есть они существуют, но отдельно от Кейра, всякая связь между ними разорвана самым надежным и умелым образом. Он должен был согласиться на это. К тому времени его тело изменилось настолько, что он не узнавал сам себя. Он оказался чужд самому себе. Так каким же он покажется Моды? Сможет ли он поцеловать малыша губами, одетыми в холодную пластмассу? Благодаря всесильному Шару он наверняка переживет Моды и даже малыша. Долгие годы будет для них живым призраком, реальной химерой, добровольным пугалом. Его подменили. Теперь подмену следует довести до конца. Так ему предложили, и он согласился. Впереди — церемония собственного погребения. Или почти погребения. Но все же, пусть в последний раз, он увидит семью.

...Над просторным холлом первого этажа клиники нависал длинный и узкий балкон. С одной стороны на него выходили двери рентгеновских кабинетов, а со стороны холла балкон закрывал лист толстого стекла. Сюда и привели Кейра. Ярко освещенный холл — место действия. Темный балкон — для единственного зрителя.

Очень скоро появились Моды и мальчик. Милый

малыш, ты хорошо выглядишь, загорел. Лето, проведенное в Роллстонском парке, пошло тебе на пользу. Отлично! Это ничего, что сейчас ты немного напуган непривычной обстановкой. Ты скоро успокоишься, ты еще так мал. Не волнуйся, малыш. Вот и Моды говорит тебе несколько успокаивающих слов. Толстое стекло не пропускает звуки. Но хорошо видно, как шевелятся ее губы. Она одергивает на себе жакет и нервно ломает пальцы. Генри чувствует, что сердце его колотится все чаще, все тревожнее. Сердце, каждое биение которого со дня катастрофы подчиняется только электронному кардиостимулятору, бесшумному механизму, вживленному под кожу. Значит, это сердце, которое принадлежит ему только наполовину, способно все же страдать и отчаиваться? Впрочем, чему он удивляется? Сейчас в крови много адреналина, конструкция кардиостимулятора предусматривает реакцию на адреналин, соответственно изменяя ритм сердцебиения. Ах, как все просто!

Зачем холл осветили так ярко? Неужели они не понимают, что горе любит полумрак и тень? Кейру сейчас легче, чем Моды, — он в темноте. Ему не надо думать о том, как выглядит его горе со стороны, при свете. Наконец-то! Внизу появился третий участник церемонии. Тот самый, с обликом провинциального врача. Профессиональный утешитель держит в руках большую круглую коробку. Генри знает, что в коробке. Пепел. Его фальшивый пепел! Сейчас Моды в сочувственно-вежливых, даже проникновенно-скорбных словах сообщают о постигшей ее тяжелой утрате. О том, что было сделано все, что в их силах, но что... увы! Мы сочувствуем вашему горю... И так далее и тому подобное... Держите пепел вашего мужа...

Моди берет коробку. Зачем-то отдает ее мальчику. Ах, вот что, ей надо найти платок в сумочке. Коричневая сумочка с темно-красной окантовкой. Подарок к десятой годовщине их свадьбы. Теперь она пытается засунуть в сумочку эту коробку. Ну что ты, Моды, разве она уместится в сумочке? Какая ты смешная и неловкая. Осторожнее, рассыплешь пепел... И зачем ты кричишь? Генри все равно не слышит твоего крика. Он только видит твои губы...

Но не тот день, когда он увидел беззвучный крик Моды и малыша, застывшего с круглой коробкой в руках, с коробкой, наполненной фальшивым пеплом, а другой день, наступивший чуть позже, окончательно убедил Кейра, что к прошлому нет возврата, что впереди только рабство. Рабство без оков, тюрьма без решеток. Тюрьмой стало его собственное измученное тело. Собственное ли? Кому принадлежит оно теперь? Скоро — он ждал этого с минуты на минуту — придет время расплачиваться с теми, кто нанимал гениальных хирургов, покупал драгоценные сыворотки и зверинцы экзотических тварей. А пока с ним не смели или не хотели говорить откровенно. Зыбкая полуправда-полуложь иногда баюкала, иногда оглушала, точь-в-точь как порции наркотиков, которые — он догадывался — вводили в него почти регулярно. И все же он узнал правду...

Вечером того дня Генри не смог уснуть. Это случилось впервые. Все время пребывания в клинике он спал много и глубоко, и даже часы бодрствования походили на полусон — какая-то наркотическая дрянь вкрадчиво и настойчиво овладевала им. Но сейчас он не спал. Только глаза были запорошены неприходившим сном и болели, как после бессонной ночи. Но сознание работало ясно и тревожно.

Эта инстинктивная тревога подняла его с постели (идеально гигиеническая кровать — голубые простыни, приятные для глаз, и гуттаперчевый матрас с изменяемой по желанию степенью упругости). Он уже привычно почувствовал тяжесть Шара, прикованного к поясу, и шагнул к двери (под ногами сверхгигиеничный пол с постоянной электризацией, благодаря чему достигнуто идеальное пылеотталкивание). Дверь скользнула бесшумно и упруго (все в клинике упруго и бесшумно). Стены коридора светились тихим зеленоватым мерцанием. Кто-то негромко, но резко произнес: «Спеле требует глаза...»

Пахнуло холодным воздухом, видимо говоривший открыл дверь в глубине коридора. Тот же голос, удаляясь, совсем тихо повторил: «Спеле...» Опять порыв воздуха — дверь захлопнулась. Все стихло. Но и тишина знает свои шорохи. В ушах у Генри вместе с шорохом тишины прошелестело: «Спеле... Спеле... Спеле...» Он поднял плечи и вдавил в них голову, чтобы заглушить эти звуки. Вместо них он услышал стон и быстрое-быстрое бормотание. Похоже, будто магнитофон запустили на высшую скорость. Ничего нельзя понять, «ра, ра, ра, бу, бу, бу, ра, ра, ра...» Но бормотала не лента магнитофона, а человек.

Дверь соседней комнаты распахнута настежь. Открыта! Непостижимо. Генри еще не видел в клинике ни одной хотя бы неплотно прикрытой двери (идеальные запоры и уплотняющие прокладки — в большинстве отсеков здания поддерживается избыточное давление воздуха, не допускающее проникновения спор микроорганизмов). Войти? Почему он спрашивает себя? Разве он не свободен во всем, кроме Шара? Всего-навсего еще несколько шагов.

В комнате соседа было темно, но, когда Генри пересек порог, свет вспыхнул. Здесь стояла такая же сверхгигиеничная кровать, но нелепо повернутая, косо перегородившая комнату. На ней лежал кто-то закрытый с головой синей простыню.

Кейр нагнулся и осторожно откинул простыню с головы лежащего. Тот сразу же, будто автоматически, поднял руку, и неприятно белые, мягкие, словно бескостные, пальцы ощупали лицо Генри. «Слепой, — понял Кейр. — Бледен, как непропеченные оладьи. Видно, его давно не выносили на солнце».

Рука соседа нащупала Шар и задержалась на нем.

— Это мне знакомо, — с усилием, но очень ясно произнес сосед. — Я видел такие шары. Когда мог видеть. Не у всех нас они есть...

— У кого — у нас?

— У тех, кто попал в эту клинику. Разве ты не знаешь? Агенты выезжают почти на каждую катастрофу. Отбирают тех, кто годится. Годятся не все. Только абсолютно здоровые.

— Почему — здоровые? После аварий остаются калеки. Только калеки, вроде меня...

— Я сказал — здоровые. Пустяковые повреждения не идут в счет. И ты был здоровым. Обычным! И я. В любой больнице нас выписали бы через неделю. Залепили царапины пластырем и выписали...

— Но они сказали мне... — Кейр начинал понимать.

— Что собрали тебя по кусочкам? Они всем так говорят. Потом появляется Шар, и все кончено. От Шара не отвяжешься, как нельзя отвязаться от собственной головы.

— Врешь! — полушепотом закричал Кейр. — Ты

врешь, пугаешь. Ты просто завидуешь мне, что я хоть вижу. Я был калекой, ты понимаешь это? Совсем калекой. Они меня вылечили, и я благодарен им!

— Перед смертью люди позволяют себе такую роскошь — не лгать. Они вылечили тебя? Ты слеп, а не я. Меня они тоже лечили. Где мои глаза, ты не знаешь? Они лежат в холодильнике и ждут меня. Как будущая награда за все, что я должен был сделать. Остатки глазных нервов законсервированы. Вот здесь...

Он дотронулся белыми пальцами до уголков глаз.

— Но зачем им все это? Зачем?

— Меня прозвали Спеле. Это значит — Пещера. Меня сделали таким, чтобы я работал в пещерах. Нюхал, шупал, слушал — слепые это делают лучше зрячих. И темнота пещер их не пугает, не действует им на нервы. Для них весь мир пещера, они привыкли. Понял? Придумано отлично. От тебя они тоже что-нибудь потребуют... Ты же им так благодарен...

Спеле резко запнулся, несколько раз тяжело и хрипло вздохнул и быстро что-то забормотал. То самое «бу, бу, бу», что Генри слышал еще в коридоре.

— Что с тобой, дружище? Перестань! Ты бредишь... Перестань! Я здесь... Да перестань же ты!

В отчаянии Генри потряс Спеле за плечи. Тот смолк и снова тяжело вздохнул.

— Ммм... Еще одна их выдумка. Операция горла. Слепому, сам понимаешь, писать трудно. Да и долго. А руки? Если пишешь, руки заняты. А слепой не может писать и смотреть одновременно. Ведь он

смотрит руками. Значит, надо говорить, говорить, говорить... Все, что нащупал, говори, все, что услышал, говори. Аппарат записывает. Аппарат всегда с тобой, вроде твоего Шара. Но человек говорит медленно. Так они считают. Меня учили говорить быстро, еще быстрее, еще... Потом сделали операцию. Что-то с голосовыми связками. Теперь меня можно завести на любую скорость. Как магнитофон. Я сам завожусь. Я привык, мне теперь трудно говорить, как все. Как обычные. Если бы ты знал, как трудно... А глаза, где они?.. Мне обещали вернуть их перед смертью. Может быть, они думают, что я не вынесу еще одну операцию. Эту операцию я вынесу. Последнюю.. Позови кого-нибудь! Почему никто не идет? Позови... Нет, уходи! Если тебя найдут здесь, нам не поздоровится. Уходи, уходи!..

Он ушел. Опустошенный, отчаявшийся, бессильный. До встречи со Спеле он думал, что он один такой — с Шаром. Казалось, что исключительность положения служила посмертной гарантией на сочувствие и внимание. Ну что же, гарантия осталась — обязательная гарантия для подопытной мыши на ледяное внимание экспериментаторов. Все же, если таких, как он, много — это хорошо. Тяжелая ноша, разделенная на сто частей, уже не тяжела. Нет, это не утешает. Душевный груз не делится на части. Таких, как он, много... Ободряет это или уничтожает? Если их много, значит, они пытаются соединить свои силы. Это ободряет. Если их много, значит, каждый уже пытался и обессилел. Это уничтожает надежду.

Сколько их? Десять, сто, тысяча? Поиски точного ответа почему-то казались ему чрезвычайно нужными и важными.

Он получил ответ, когда увидел «библиотеку».

Небольшой зал действительно смахивал на помещение библиотечного каталога. Или на колумбарий. В каждом ящике «каталога» тикало сердце. Да, их было много. И все надежно отделенные друг от друга металлическими стенками ячеек.

Разумеется, Генри никогда бы не смог проникнуть в «библиотеку», если бы не его побег.

Он решил бежать из клиники. В конце концов даже самые тяжкие увечья не исключают из списков свободных граждан. Только не стоит пытаться рассуждать на эту тему с врачами и администраторами клиники. Проникновенная беседа кончится шприцем с какой-нибудь дрянью.

Побег казался легким делом. Серое, очень длинное, приземистое здание клиники выходило боковым фасадом в небольшой парк. Парк широкой дугой огораживала высокая решетка, но ворота никогда не закрывались, и никто их не охранял. Беспечность смахивала на западню. Но за решеткой были улица, город, жизнь. Правда, гулял Кейр всегда в другом парке, закрытом со всех сторон бетонными стенами вивария и лабораторного корпуса. Зато три раза в неделю, по вечерам, его приводили на балкон, тот самый, с которого он наблюдал церемонию передачи пепла. Там он ждал вызова в кабинет на очередное прощупывание сердца кимографической аппаратурой. Сложность аппаратов требовала тщательной подготовки, и ждать приходилось пятнадцать-двадцать минут.

В понедельник он, будто невзначай, сошел с балкона на несколько ступенек вниз по лестнице, ведущей в холл. В среду рискнул достичь середины лестницы и вернулся никем не замеченный. В пятницу спустился в холл и пересек его туда и обратно. Ни-

кто не остановил его, неярко освещенный дежурным светом холл оставался безлюдным. В следующий понедельник Генри толкнул наружную дверь холла, страшась обнаружить запоры. Дверь легко поддавалась и открылась настежь, словно приглашая в парк.

Еще через день Генри спустился по лестнице и вышел в парк. Это заняло всего сто двадцать секунд, их можно было сосчитать по биениям сердца. Пока его хватятся, пройдет еще восемьсот секунд. Он подошел к воротам, протянул вперед руку с растопыренными пальцами, будто нащупывая уже почти осязаемую свободу, и... рухнул на сизый асфальт дорожки.

...Очнулся Кейр в «библиотеке». Кожаная кушетка, на которую его положили, была совсем низкая, так что лежал он почти на полу, и стены комнаты нависали над ним. От пола до потолка, вплотную, кроме узкой двери, по стенам шли небольшие ящики, помеченные красными цифрами и буквами на черных дверцах. В каждом ящике приглушенно тикало, и эти звуки наполняли комнату до краев.

Возле кушетки стоял все тот же, как его прозвал Кейр, Великий Утешитель. Речь у него приготовлена заранее.

— Прискорбный случай, мистер Кейр! Мы все сожалеем о случившемся. Печальное недоразумение! Тот, на кого была возложена обязанность предупредить вас, допустил непростительное легкомыслие и примерно наказан. Теперь мне поручили все объяснить вам. Дело в том, что ваш кардиостимулятор не является... как бы это пояснить... автономной системой. Ритм работы вашего сердца зависит от импульсов кардиостимулятора, а его работа, в свою очередь, зависит от сигналов, посылаемых отсюда, с централь-

ного пункта. Скажем проще: когда перестает тикать тут, — кивок в сторону ящиков, — перестает тикать здесь. — Великий Утешитель постучал пальцем в грудь.

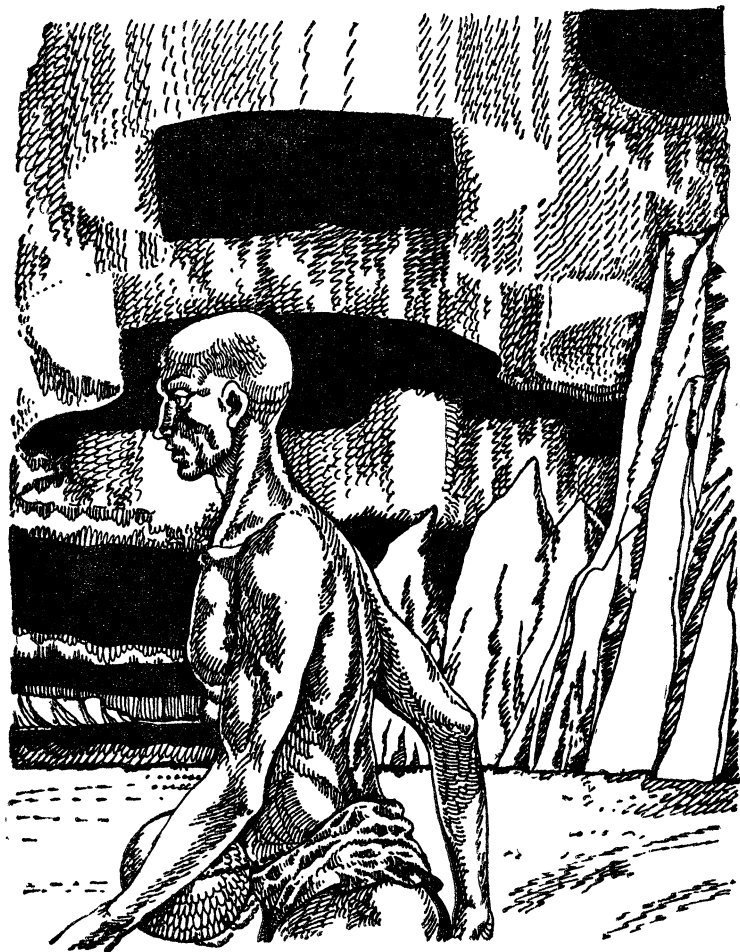
— К сожалению, у наших пациентов наблюдаются психические срывы, приступы меланхолии, заставляющие их куда-то бежать и скрываться. Столь неразумный уход из-под врачебного контроля чреват неприятностями для уважаемого пациента. Только для его блага мы вынуждены прибегать к острым мерам. Небольшие, строго контролируемые перебои в сигналах здесь — и легкий обморок там, у пациента. Одним словом, пытаться бежать так же бессмысленно, как вешаться на веревке из теста. Некоторая грубость сравнения искупается тем обстоятельством, что...

Слова журчали, свинцовые и невесомые. Как всегда, полуправда, полужошь. Все извинения и благо пациента — ложь. То, что он навеки привязан к одному из этих тикающих механизмов, — правда.

Кейр не успел даже поинтересоваться, в какой именно ячейке заключено его «сердце». Дюжие санитары вытащили Генри вместе с кушеткой в коридор.

...Облака взметнулись с горизонта, касаясь белыми перьями ореола вокруг солнца. Небо и льды соединились в одну кричащую голубизну.

Истекает вторая неделя с того момента, как Генри покинул базовый лагерь «Пингвин» у ледника Бирдмор. Испытание всех бионических, биологических, химико-механических систем Шара и его самого в условиях, где жизнь обычного существа практически невозможна, — этим он должен был вернуть свой долг, заплатить гонорар, расплатиться сторичей за все, что сделали с ним помимо его воли. Если

испытания пройдут успешно, ничего не лопнет, не расплескается, не замерзнет, не застрянет в чертовом Шаре, в пластиковых венах, в фильтрах и системе питания, он вернется невредимым и получит заслуженный отдых. Сверхгигиеничная постель, наркотики. Сам шеф не погнушается пожать его руку, обтянутую холодной пленкой. Какая честь!

Разве ради этих побрякушек он согласился на такую суровую и мрачную экскурсию? Да провались они все в тартарары вместе со своими шприцами и фильтрами! Он ушел из-под их контроля хоть на несколько дней — вот главное. Ушел, чтобы никогда не вернуться. Разумеется, обычный побег невозможен. Если вертолеты не найдут Кейра в одном из контрольных пунктов маршрута, они прекратят передачу радиосигналов для кардиостимулятора и сердце замрет на полутакте. Возможен побег только туда, откуда никто не возвращается. Ради этого он идет по ледяной пустыне, оттягивая решающий шаг, чтобы продлить ощущение мнимой свободы. Он кончит все сам! Без их помощи. Без посредничества электронной трухи, которой его набили. Сам! Он идет к своей цели, а не ради чужих соображений. Шаг вперед — его шаг. Он идет, не они! Сам! Он придет, куда захочет! Кончит все, где захочет. Сам! Шаг вперед — его шаг.

А вдруг не его? Вот чудовищная мысль! Если шаги и мысли также не принадлежат ему? Вдруг они тоже под контролем? Вспомним, что истекает вторая неделя, а ты все еще не решился кончить ледяной поход. Ты упрямо идешь вперед и только рассуждаешь о последнем шаге. Почему? Тебя лишили воли. Они управляют не только сердцем, но и рассудком. Череп расколот надвое. Одна часть твоя —

докажи, что если не тело, то хоть разум твой свободен. Другая часть управляема ими — вырви ее у них. Преодолей всех и себя, пока не поздно. Разве их замыслы известны до дна? Может быть, через час, через минуту уже будет поздно. Они расправятся с тобой, их воля восторжествует. Сделай последний шаг сам. Признайся, их воля восторжествует. Признайся, ты уже все давно и хорошо обдумал. Сверхъестественным чутьем, которым тебя так милостиво одарили, ты найдешь под снеговым куполом самую бездонную, самую уютную, самую иззубренную, самую благодетельную расщелину и бросишься туда вниз головой.

...За черно-синим гладким языком ледяного подтека Кейр отыскал то, что хотел. Он сделал три с половиной шага по зыбкому снежному настилу, его тело и Шар продавили настил, и вместе с колючими глыбами смерзшегося снега он обрушился в свистящую бездну...

Две пары сильных рук в мягких рукавицах подхватили его на лету. Подхватили и подняли к солнцу. Только отдыхая в их объятиях, он почувствовал, как смертельно устал. Тело ныло, боль стискивала мускулы. Нестерпимо яркими красными пятнами опускались и поднимались вертолеты. Его несли по черному льду, с трудом протиснули в люк. Осторожнее, он устал и болен. Свист винтов не тревожил, а баюкал. Весь недолгий обратный путь Генри спал, хотя и во сне закипала боль. И все же ветер высвистывал победный марш. Он среди друзей! Их улыбки не куплены, участие не подделано.

Теперь Генри несут на корабль. Белоснежные простыни холодят, как льдинки. Он вытягивает безмерно усталое тело так, что хрустят кости, и не может

проснуться. Снова все в полусне, но отчетлива радость. Пусть расступаются айсберги — он плывет к Моды и мальчику!

Меркнет свет в белой каюте, и Генри неожиданно просыпается. За тонкой переборкой шелестят голоса. Шелестят о нем, о повторении эксперимента, прерванного на полпути. Лжецы! Труссы! Он мог поверить... Не друзья, а бездушные лицемеры вырвали его из ледяной трещины. Опять стерильная тюрьма клиники, только плавучая... Кружится голова, сокрушающие спазмы скручивают тело. Безумная тревога разливается в воздухе. Он уже испытал такое во время магнитной бури. Бесплотные линии магнитного поля вливаются в мозг. С каждым новым облаком заряженных частиц, летящих от солнца, замирает и падает сердце. Бедная черепаха Чо-ка, подарившая ему живой компас, неужели и она так страдала? Тревога растет, становится осязаемой. Тепловым сверхчутьем он ощущает приближение громадной ледяной горы. Сквозь плотный туман инфракрасные лучи доносят о надвигающемся айсберге. Странно, он чувствует глыбу льда не холодной, а раскаленной. Пышущая жаром, она уже нависает над кораблем. Почему не бьют тревогу? Ах да, магнитная буря! Локаторы захлебнулись в каше силовых линий. Пусть тонут лицемерные крысы. Он отправит их на дно! Он!..

...Рассыпались миллиарды пронзительных огней. Ледяная пила разодрала тело. Генри лежал на дне пропасти. Буря и спасение, разочарование и радость — лишь предсмертные видения. Он лежал, вытянувшись во весь рост в ледяной могиле, зажав в руке клочок черного лишайника. Пластмассовые губы улыбались...

ИЗУМРУДНЫЕ

На Землю упал Луч. Мириады фотонов, заключенные в нем, по заранее заданной программе столкнулись, взорвались, соприкоснулись, расщепились на кванты Пространства и Времени и, наконец, овеществовались в осязаемую материю. Теперь там, куда упал Луч, стояли двое — хилый старец Шу с бицепсами земного атлета и юноша Свет, рожденный двадцать неземных лет тому назад. Они были темнокожи и прекрасны, как стволы эбенового дерева.

Старец Шу заботливо оглядел свою белоснежную одежду, сотканную из нитей хрусталя, и досадливо поморщился. Во время путешествия Луч наткнулся на бродячее магнитное поле и магнитные вихри оторвали кусок Луча. Сейчас как раз в этом месте на плаще зияла рваная дыра. Шу ворчливо возмутился тем, что плащ его пострадал и он вынужден предстать перед землянами в столь неряшливом виде.

Пришельцам повезло, их Луч приземлился на самом аристократическом пляже самого изысканного курорта, занявшего самый драгоценный кусок прибрежной отмели Тихого океана. Воздух, сдобренный озоном тропических гроз, профильтрованный воздушной тайфунов, бодрил пришельцев и толкал их на немедленные действия во славу Разума.

— Мы должны отдать землянам все самое лучшее, — произнес Шу. — Меньше рассказней о летающих осьминогах и прочих чудесах, больше полезной информации! Благоухание слов не заменит и одной электронной лампы, как говорил наш философ Бинур.

И, присев на корточки, Шу задумчиво провел пальцем по влажному песку, начертив таким образом одинокую палочку, что на математическом языке пришельцев означало «единица».

— Первое!.. Какое первое Знание подарить землянам?.. Слушай, Свет, мы научим их ткать жилища из нитей топаза, смешанных с лунным светом. Это красиво и целесообразно для данной планеты, ведь Луна у них всегда под боком. Кроме того, когда наш Луч пронзал облака, я успел обнаружить, что среди многоэтажных сооружений суетится множество жестяных коробочек на четырех колесах. Подумать только, они до сих пор употребляют колеса, эти скрипящие обрубки прошлого! Ну нет, после нашего визита обитатели Земли научатся скользить по силовым линиям магнитного поля, окружающего их планету, они построят гравитационные насосы для высасывания Тяжести, и даже их дворцы смогут летать, как пылинки, влекомые воздушными струями... Это — два!..

— Эликсир Бессмертия и Вечная Пища — это три и четыре, — сказал Свет. — Что еще?..

Уже через две секунды прибрежный песок на площади в двести двадцать пять квадратных метров был усеян знаками, рисунками и графилонами (что такое «графилоны», выяснить так и не удалось). Все эти зарубки на память обозначали, что землянам следует передать немедленно наиболее удобным и по-

нятным для них способом все знания, необходимые для ускоренного марша по ступеням Прогресса. Надлежало передать: Всеобщую Теорию Мирового Эфира, метод выращивания вундеркиндов по заказу родителей, Безопасную Машину Времени, Универсальный успокоитель для младенцев, секрет Неувядаемой Красоты и даже Тиливо-Эборамику (что такое «Тиливо-Эборамика», выяснить так и не удалось). Всего пять тысяч одно Знание!

Запечатлев в углу глаза все двести двадцать пять квадратных метров памятных знаков, Свет выпрямился, положил руку на плечо Шу и сказал:

— Пора!

...Они шли по песку бесшумно, их белоснежные одежды струились, обтекая изгибы прекрасных темнокожих тел.

За изгибом песчаной косы состоялась желанная встреча с земной цивилизацией. Пришельцы увидели здание. Белые колонны взмывали вверх и, сужаясь до игольчатой тонкости, вонзались в алую скорлупу крыши. По лестнице, обвивающей цоколь сооружения, неторопливо двигался поток землян.

Желание вступить в контакт оказалось столь могучим, что Пришельцы немедленно очутились на самом верху лестницы перед входом в Здание.

Из-под алой крыши сбегали вниз выпуклые золоченые буквы: «Бассейн «Золотая Мэри». Но Пришельцев не интересовали надписи. Они любили суть, а не знаки вещей, и поэтому тут же поспешили проникнуть в глубь Здания.

Увы, Пришельцы не подозревали, что сегодня бассейн отдан на откуп богатым молодчикам из крайне воинственного сообщества «Наше полушарие — только для белых».

Кто-то довольно сильно толкнул Пришельцев, но они не обратили внимания на эту грубость. Шу разглядывал высокое ажурное сооружение, стоящее на краю бассейна.

— Пусть нас увидят все! — решил он. — На этой ажурной вышке, вон на той узкой пластине, вознесенной высоко над водой, я скажу первые слова приветствия... Язык их я, кажется, уже понял...

Когда юноша и мудрец взбирались на вышку, один обнаженный землянин, густо заросший черными волосами, попытался сдернуть с Шу его хрустальный плащ. «Они любопытны и нетерпеливы, — подумал Свет. — Им не терпится узнать, каким образом можно ткать из хрусталя различные одежды».

Шу и Свет, стоя рядом, еще уместались на конце тонкой пластины, выдвинутой вперед, в пространство, наполненное розовым светом. Темнокожий мудрец простер руки и держал их ладонями вверх, словно передавая кому-то драгоценную ношу:

— Мы прибыли сюда, чтобы соединить мысли свои...

Пронзительный свист рассек его речь. Свет с любопытством посмотрел вниз. Прямо под ними на краю бассейна стоял рыжеволосый землянин и, засунув пальцы в рот, надув до багровой красноты веснушчатые щеки, заливчато свистел. Свист подхватили и другие. Что-то противное и бесформенное шлепнулось у ног Пришельцев. Это было набухшее от воды скомканное полотенце. За ним прилетело второе, третье... Как гигантские лягушки, плюхались на доски мокрые белые тряпки. Некоторые попадали в Пришельцев, повисали на их плечах, обвивали ноги. Толпа внизу бесновалась. Земляне вопили, хохотали, визжали, свистели, выли, ревели, гудели, ши-

пели, мяукали и гукали. Пришельцы напрягали слух, стараясь выделить из хаоса звуков полезную информацию. Напрасно! Звуковой шквал не имел смысла, он лишь носил общий враждебный оттенок. Вслед за полотенцами в Пришельцев полетели купальные туфли, резиновые шапки, гнилые фрукты, губки, растрепанные журналы, жевательные резинки, прочая дрянь и мелочь. По ажурным лесенкам вышки, дико улюлюкая, карабкались земляне. Впереди — заросший черными волосами, тот самый, что пытался сорвать плащ с Шу. В руках он держал брезентовое ведро. Тонкая пластина изогнулась дугой, когда на нее, возбужденно урча, высыпала ватага землян.

— Нигер! — крикнул волосатый.

Подминая других, он подбежал к Шу и с ходу напялил на голову мудреца брезентовое ведро. Кто-то дернул Света за ноги и сбросил его с вышки. Шу упал в бассейн рядом с юношей. На них навалилась груда мокрых, скользких, волосатых и безволосых, загорелых и бледных, упругих и дряблых тел. Земляне старались затащить Пришельцев под воду, щипали их, тянули за ноги, хватали за волосы, били мокрыми ладонями по лицу.

Пришельцев ошеломила такой натиск, но чувство страха было им неизвестно и к тому же они владели тайной Неуязвимости. Шу одним взмахом руки отбросил груду тел и образовал вокруг себя и юноши сферу Непроницаемости. Теперь они только видели раздернутые воплями рты землян, но уже никакие звуки не проникали в сферу Непроницаемости. Голые земляне дубасили кулаками по воздуху и корчили дикие гримасы, когда кулаки наталкивались на непроницаемую зону.

— Смотри, — сказал, отдуваясь, Шу, — их бес-

силие рождает безумие. Что кричал тот, волосатый, подкрадываясь ко мне?

— Он кричал «нигер»!

— Нигер? На их языке — черный? Им не понравился цвет нашей кожи!.. Но не только цвет кожи их волнует... Я вижу мрак корыстолюбия в их глазах, они любят только свою касту, свои сокровища! Безумцы...

Сферу Непроницаемости качнуло, и поверхность ее заволокли серые дымки.

— Они стреляют в нас, Шу! Я чувствую, гнев просыпается во мне, а это нехорошо. Очень нехорошо! Улетим, Шу! Умоляю тебя, улетим! Впереди так много планет...

Искры пламени и серый дым облепили всю сферу. Тогда Шу, встав на воду, выпрямился во весь рост и крикнул:

— Эй, вы! Дикие предрассудки заселяют ваш разум! Поэтому я дам вам только одно знание. Знание Изумрудного Пигмента! Это хороший цвет, уверяю вас, отличный цвет свежей травы!..

Через секунду все было кончено. Пришельцев унес Звездный Луч, а в алых потоках света бегали молодцы, изукрашенные изумрудными зигзагами и зелеными подтеками. Они верещали от страха, не узнавая друг друга...

ВЗРЫВ

1

Когда треснула земля и восемьдесят миль труб, шахт, реакторов и лабораторных коридоров Пайн-Блиффа поглотила пропасть, мисс Брит еще была жива. В тот момент она думала о дочери. Она пыталась вспомнить запах ее волос, почувствовать прикосновение ее маленьких рук, увидеть ее улыбку, услышать звонкий смех. Но видела она только плотные глянцевые листы бумаги с изображением бело-желтого черепа, в пустых глазницах которого светились зеленоватым мерцанием два бронзовых жука. Все это она видела и чувствовала, когда пятисотфунтовая железобетонная балка треснула, выскочила из покосившейся стены, погнула спинку кровати и коснулась ее головы. Потом Карен Брит перестала существовать. Но то, что она задумала, свершилось.

2

— Мне кажется, дорогая Карен, я нашел для тебя удивительно интересную проблему. Крепкий орешек! Вернее, целый стручок неразрешимых задач. Разнимаешь стручок на две половинки, и вот они, зеленые горошины проблем. Такие кругленькие,

лаковые проблемки! Пища для твоей умненькой головки!

Лэквуд был в ударе и веселился. Карен радовалась, что он рядом и не меланхоличен, как обычно.

— Положить тебе варенья, милый? Это простая айва, но я знаю маленький секрет, в нее обязательно надо добавлять немножко лимонной кислоты. Мне дала рецепт миссис Фаулер...

— В твоих ручках, дорогая, даже дистиллированная вода превращается в небесный напиток...

Он говорит иногда удивительно банально. Или она просто придирается к нему? Ведь и ее сообщение о рецепте миссис Фаулер не блещет оригинальностью. Да, она просто придирается...

— Так все же об этой удивительной проблеме, Карен. Мы истратили терпения на миллион долларов, а надежда на скорое решение так мала, что ее приходится разглядывать через электронный микроскоп. Представь себе огромный реактор, башню в шестьдесят футов высоты, вокруг которой мы суетимся каждый день, как толпа ухажеров вокруг богатой невесты. Если бы ты видела эту проклятую башню! Самое главное, что в любой момент она может разлететься в клочья.

— И ты так спокойно говоришь об этом!

— Ничего не поделаешь, Карен. Химия! Я выбрал эту особу, зная ее коварство. Один мой приятель, тоже химик, умер во время обеда. Он с большим аппетитом лакомился цыпленком по-венски. Но увы! Плохо вымыл руки. Башня, начиненная сюрпризами, или недостаточно чистые руки — не все ли равно? Кому повезет, тот и в рисовой каше сломает палец. Но ты можешь нам помочь! Окажешь огромную услугу, всем и лично мне.

— Удивительно! Фрэнк, я не имею никакого отношения к химическим заводам.

— Я тоже так думал, пока не увидел твою диссертацию. Признаться, я читал ее только потому, что она твоя. «Теория и структурные особенности магнитного поля эритроцитов». Она так называлась?

— У тебя отличная память, Фрэнк, но если ты не попробуешь варенья, я обижусь.

— Увы, дорогая, отличная память для исследователя — это только невод, набитый старыми водорослями. А жемчужные раковины поднимают со дна моря те, кто способен вывернуть наизнанку даже самые тривиальные идеи. Такие, как ты, Карен!

— Может быть, откроем общество взаимного восхваления?

— Быть пайщиком фирмы под названием «Великолепные Идеи мисс Брит» не так уж плохо. Ты даже не представляешь, какое значение имеет твоя диссертация для всей нашей работы.

— Действительно, не представляю. Наверное, потому, что не имею в числе своих знакомых башню высотой в шестьдесят футов.

— Пойми, Карен, все это очень серьезно. У нас действительно ничего не получается. Внутри башни царит хаос. Хаос! Он возникает уже через три минуты после начала работы реактора. Реакция выходит из-под контроля, и весь процесс приходится гасить в аварийном порядке. Мы все превратились в каких-то сумасшедших пожарников, которые поджигают собственное пожарное депо, чтобы тут же приняться за его тушение. От этого можно с ума сойти! И вдруг я читаю твое исследование — ты находишь причину того, почему миллионы красных кровяных шариков никогда не сталкиваются друг с другом внутри ар-

терий! Восхитительно! Миллиард эритроцитов в одном кубическом сантиметре — и никакой толчеи! Это же то, что нам надо! О бог мой! Да если бы капли внутри нашей башни не слипались в огромные грозди, а двигались так, как твои эритроциты! Это было бы просто счастье! Ты, сама того не понимая, открываешь новый принцип управления реакцией!..

О чем они говорили в тот вечер? О варенье из айвы или о стабилизации процесса внутри реактора? Не все ли равно. Главное, что Лэквуд ей нравился. Он рассказывал ей потрепанные армейские анекдоты, она тоже шутила, иронически посмеиваясь над собой и Лэквудом, старалась отгородиться от лишних, как ей думалось, переживаний стеной юмора. Но любовь, древняя, как океан, и юная, как транзисторный приемник, побеждала юмор.

— Я уверен, — сказал, прощаясь, Лэквуд, — тебе будет хорошо в Пайн-Блиффе. Если ты сумеешь наладить процесс, фирма прольет над тобой золотой дождь. Ты наберешь полный зонтик монет, и мы сможем жить припеваючи до конца дней своих.

Он сказал «мы»! Он сказал «мы»! Это значит — вместе навсегда! Куда же девалось твое чувство юмора, Карен? В какую банку с вареньем ты его запрятала?

3

— Поговори о дьяволе, и он тут как тут, — процидил сквозь зубы лаборант.

...Уже второй месяц мисс Брит работала в Пайн-Блиффе. Слова лаборанта относились к руководителю группы «Д». Фактически всю работу группы

направляла Карен, она была генератором идей и главным исполнителем. Но связь со службой снабжения и почти недосягаемым директором шла через шефа группы. Карен сразу поняла, что шеф разбирается в биохимии не больше слушательницы вечерних курсов для акушеров, но все же побаивалась его. Она прекрасно понимала, что главная задача назойливой суеты этого худого, как грабли, мужчины — не допускать утечки ценной информации за стены Пайн-Блиффа.

— Кто не умеет молчать, — часто повторял мистер Грабли, — тот не сделает ничего великого!

При этих словах его лицо, белое, как лист капусты, вытягивалось и каменело, приобретая форму восклицательного знака.

Мистером Грабли шефа окрестил лаборант.

— Мисс Брит, рад вас видеть! — отлично натянутая кожа на лице Грабли попыталась съежиться в улыбку. — Я принес вам кучу благодарностей и крохотную просьбу. Впрочем, хотелось бы придать нашей просьбе характер некоторой значимости и вместе с тем... интимности. Мне кажется, что лучше всего нам потолковать втроем, вместе с одним... э... человеком.

В кабинете шефа их ждал Лэквуд. Это неприятно покорило Карен. До сих пор их отношения были тайной для окружающих. Небольшой, но ревниво хранимой тайной. И вдруг Фрэнк здесь, согласился участвовать в этом, как выразился Грабли, интимном разговоре. Выглядит как маленькое предательство, иного определения не подберешь. Карен вздохнула и присела на кресло, сплетенное из стеклянных нитей. Мужчины медлили начать разговор.

Фирма, которой теперь по настоянию Фрэнка от-

давала все свои силы мисс Брит, организовалась недавно. Лакированные обложки своих проспектов и каталогов она украсила стилизованным изображением черепа с двумя бронзовыми жуками в пустых глазницах. Такой несколько мистический товарный знак имел своим назначением сообщать «урби эт орби» — «городу и миру», что фирма намеревается выпускать для блага человечества высококачественные инсектициды и зооциды — химические средства борьбы с вредными насекомыми и грызунами.

Когда вас пропускали за ограду Пайн-Блиффа, вам сразу же бросалось в глаза сооружение в виде белоснежного абсолютно правильного куба, каждая грань которого простиралась в длину по крайней мере на семьдесят футов. Ослепительно сияющее под лучами южного солнца здание без единого окна сразу же наводило на мысль о таинственной и колоссальной научной аппаратуре, упрятанной внутри куба. Когда же служащий фирмы объяснял вам, не очень, впрочем-то, охотно, что гигантский куб — это всего-навсего бункер, в котором хранится запас кормов для лабораторных животных, священный трепет перед тайнами науки сменялся еще более священным трепетом перед деловым размахом новорожденной фирмы. Через несколько месяцев вы узнавали, что весь Пайн-Блифф, на сооружение одной только ограды вокруг которого пошло двести тысяч мешков цемента марки «Тим», — это всего лишь экспериментальный участок, небольшой исследовательский отдел. Оставалось только упасть на колени и вознести хвалу небесам за то, что именно тебе, этакому счастливчику, выпал жребий работать под вывеской «Два жука и череп».

Что же касается Карен, то она имела большее, чем

кто-либо, основание гордиться своей работой. Лэквуд не обманул ее. Подписывая контракт, она увидела цифры, которые внушили ей уважение к самой себе. Правда, многообещающие нули должны были перекочевать со страниц контракта на ее текущий счет только в случае успешного завершения ее эксперимента. Правда и то, что сумма ежемесячного вознаграждения выглядела довольно скромно. Впрочем, если, сидя в кино, вы наблюдаете, как Рокфеллер зарабатывает миллион, на вас это производит куда меньшее впечатление, чем если вы самолично находите на улице потрепанную долларовую бумажку. Карен нашла первую в своей жизни по-настоящему солидную работу. Сколько заработает фирма на ее идеях, это, разумеется, ее не касалось, и мысли ее были заняты совсем другим. Ее радовало все возрастающая нежность и трогательное внимание Фрэнка.

День, когда Карен первый раз пришла в лабораторию группы «Д», они отпраздновали вместе, пустили благоразумие на ветер и поплыли на корабле, уносимом этим ветром, в счастливое и тревожное плавание. Кроме того, лаборатория требовала наивысшего напряжения всех интеллектуальных и физических сил.

Фирма не считала, что слишком много поваров могут испортить бульон. Напротив, Карен поставили в известность, что над решением проблемы управления реактором работают еще несколько групп. Более того, каждый шаг вперед повторял неизвестный ей экспериментатор, каждая мысль проверялась дважды и трижды за стенами ее лаборатории. Ежедневно и ежечасно шло соревнование с незримым соперником, схватка с призраком. Все это подстегивало Карен, но отнюдь не уменьшало ее уверенности в успе-

хе. Она обладала редким даром заставлять людей радоваться чужим удачам, и теперь в группе «Д» не знали «чужих» успехов, любая удача принадлежала всем, и в первую очередь дорогой и уважаемой мисс Брит.

— Арчи, — говорила Карен, входя утром в лабораторию, — я видела твою новую шляпу. И тебя вместе с ней. Если бы иллюстрированный журнал поместил вас обоих на обложку, девушки всего побережья прислали бы редактору письма, требуя твой адрес. Рон, почему ты грустишь? Твой отец выздоровеет. Я говорила с доктором Футом из отдела медицинского обслуживания. Он обещал достать чудодейственное лекарство. Все будет отлично, Рон!

И молодые лаборанты готовы были следовать за Карен в огонь и воду.

— А теперь, мальчики, займемся нашим Могучим Младенцем...

Могучий Младенец уже ждал их. Он стоял посредине лаборатории на подставке из букового дерева и каучука. Две недели монтажники пробивали пневматическими молотками междуэтажные перекрытия, и теперь подставка опиралась на мощную колонну, пронзающую семнадцать этажей и уходящую в землю на пятнадцать футов. На специально приспособленном грузовом лифте доставили свинцовый колпак, облитый медью, чтобы предохранить Младенца от возможных излучений и радиоволн. Много хлопот доставили сложные и капризные манипуляторы, проникающие под колпак через гофрированные рукава из освинцованной резины. Манипуляторы опирались на шарниры, составляющие единое целое с тремя массивными тумбами. Могучий Младенец требовал абсолютного покоя и строгой изоляции. Внутри его

циркулировала кровь. Настоящая человеческая кровь. Она сочилась сквозь перегородки из микропористого тефлона и магнитные фильтры, насыщалась кислородом и очищалась от невидимых примесей. Ее подогревали и непрерывно анализировали, подтапливали вперед насосами из нежнейшей резины, которую заставляли ритмично пульсировать металлические пальцы, бегающие по гуттаперчевым трубкам, как пальцы пианиста по клавишам инструмента невиданной сложности.

Но вся эта овеществленная симфония из семи тысяч кварцевых, резиновых, танталовых, медных и тефлоновых деталей была только прелюдией к основному, к тому главному, ради чего построили Могу-чего Младенца. Струйка крови проходила сквозь узкий кварцевый цилиндр. Здесь ее подстерегали пять миллионов электродов — металлических нитей, каждая тоньше миллионной доли миллиметра. И каждая нить отыскивала в красном потоке только одного эритроцита. Металлический волос, по сравнению с которым усик муравья выглядел бы телеграфным столбом, улавливал электромагнитное поле одного-единственного эритроцита. Пять миллионов электродов, пять миллионов похожих и непохожих друг на друга электрических импульсов, разных как узоры калейдоскопа. Импульсы направляли в усилители, которые в тысячи и тысячи раз умножали мощь Младенца, увеличивали электромагнитные поля красных кровяных телец до ощутимых производственных размеров, и эти мощные дубликаты полей управляли всеми процессами в гигантской башне реактора. Причудливый, неповторимый и, главное, надежно выверенный за миллионы лет эволюции внутренний механизм кровяного потока дублировался в реакторе,

гарантируя бесперебойную его работу. Так в идеале виделся Карен итог работы группы «Д»...

А сейчас ее привел к себе мистер Грабли, она сидела в кресле из стеклянных нитей и ждала, когда шеф заговорит. Но первым начал Лэквуд.

— Карен, — Лэквуд коснулся ее руки, — ты на грани большого успеха. Фирма настолько уверена в блистательном завершении твоих опытов, что приступила к строительству новых реакторов. Контракты и сроки, сроки и контракты! Всеми реакторами намечено управлять с помощью аппаратов типа «Могучий Младенец». Но есть и огорчения. Другим лабораториям не удастся наладить работу своих Младенцев.

— Между тем они в точности копируют вашу схему, — вступил в разговор Грабли.

— Да, Карен, копируют в точности и получают нулевые результаты.

— Я хотела бы посмотреть на их аппараты.

— Это совершенно излишне, — проскрипел Грабли.

— Почему?

— Нас не устраивают кустарные сооружения, которые действуют только в присутствии их создателя. Нам нужна стандартная аппаратура, с которой сможет работать любой. Нам не нужны фокусники и фокусы.

— Но, кажется, причина неудачи найдена?

Своим полувопросом Фрэнк поспешил загладить резкость Грабли.

— Ваша кровь, мисс Брит! — выпалил Грабли. — Вот в чем причина!

— Моя кровь?

— Чья кровь циркулирует в вашем Могучем Младенце? Ваша! Не так ли? Вы знали, что Могучему

Младенцу необходим постоянный состав крови. Иначе все рухнет. Его нельзя перестраивать каждый день или каждый час в зависимости от того, кровью какого донора он будет заряжаться. Стабильность состава крови — главное. Вы знали это и каждый день брали у себя несколько унций крови. Вы мать Младенца, и в его жилах течет Материнская кровь. Он не терпит другой. Каждому свое! Нельзя надеть на грузовик колесо от детского велосипеда. Конфигурация электрических полей эритроцитов зависит от стереоизомеров некоторых сложных соединений. Эти стереоизомеры уникальны. У каждого человека они свои, неповторимые. К таким выводам пришли наши биологи, и теперь нам нужна ваша кровь, мисс Брит.

— В разумных и безопасных для здоровья пределах, — вставил Лэквуд.

Как сухо он произнес эти слова.

— Разумеется, в абсолютно безопасных пределах. Ваше здоровье — капитал фирмы...

Карен вспомнила все: круглые цифры контракта, желание Лэквуда приобрести домик за Красными озерами и то, что ей уже тридцать два года, а Могучий Младенец — драгоценный шанс решить все жизненные проблемы одним ударом. Ей не оставили времени на обдумывание, ее торопили. Почти машинально она согласилась.

4

С того дня каждое утро ее ждали в отделе медицинского обслуживания. Кресло на шарнирах, штатив, с которого свисали дрожащие стеклянные трубки, шланг с иглой — жало стеклянного паука.

Жало вонзалось в руку, и свернутый жгутом пластиковый мешочек разворачивался, разбухал, наливаясь ее кровью. Очень удобный мешочек, удобнее обычной ампулы, из него легко выжать лишний воздух или порцию содержимого. Но мешочек прикрывали плотной белоснежной салфеткой, и Карен не могла точно определить, сколько крови у нее брали. Пять унций? Шесть, семь? Карен пыталась прикинуть на глаз диаметр шланга и скорость движения по нему струйки крови, но из ее расчетов почти ничего не получалось. Спрашивать она не пыталась. Если шеф сказал, что в Пайн-Блиффе соорудили еще несколько Могучих Младенцев, значит, так оно и есть. Она их мать, и она должна питать их частицей своей плоти. В разумных и безопасных пределах. Так получилось. Она должна. Ей хотелось крикнуть в лицо надвигающейся беде: «Не надо! Не хочу!» Но беда не имела лица, она надвигалась вкрадчиво, темная и бесформенная.

И каждое утро после визита в отдел медицинского обслуживания Карен шла в свою лабораторию. Голова сладко кружилась, она не имела сил обратиться, как прежде, к своим мальчикам с шуткой и приветом. Как сквозь сон, слышала слова Рона. Тот говорил, что отцу его лучше и он благодарит мисс Брит. Но Карен это было почти безразлично, ее отделяла от людей серая завеса тоски. Потом слабость отступала, лихорадочный ритм работы оживлял и подстегивал. Однако с каждым днем становилось все труднее втягиваться в этот ритм, как будто нужно вскочить в поезд на ходу, мелькают подножки и нет сил оторвать ноги от земли, прыгнуть и вцепиться в поручни.

Конечно, можно перенастроить Могучего Младен-

ца на другую кровь, на любую. Но это потребует много времени. Слишком много. Практически пришлось бы начать с нуля. Новые расчеты конфигурации электрических полей, новые системы электродов, новое распределение их внутри аппарата. Пять миллионов электродов — это возможность пяти миллионов ошибок, это ювелирный эксперимент, повторенный пять миллионов раз. Если хотя бы один электрод не займет точно рассчитанное место, сдвинется в сторону на тысячную долю микрона, все пойдет прахом. Только теперь Карен осознала, какую колоссальную, виртуозную, почти неповторимую работу она сумела выполнить. Вдохновляемая любовью к Фрэнку, в порыве вдохновения, внушенном острой новизной проблемы, она сумела сделать все на одном дыхании, залпом. Второе дыхание не наступит, неоткуда его взять. И Фрэнк уже не тот, что был.

Ей не удастся перестроить Могучего Младенца. Правда, есть надежда, что это сделают другие. Если чудо или случай помогут им и ей. Все, что она может, — это довести Могучего Младенца до совершенства, до безотказной работы, требующей каждый день порцию ее крови. Да, перестроить Младенца не удастся!

Но есть и другой выход.

Она все же избавится от ежедневных визитов в отдел медицинского обслуживания. Она заставит Младенца утолять свою жажду другой кровью, другого донора или многих доноров. Разве ее кровь так уникальна и неповторима? Ничего подобного. Можно найти донора, у которого эритроциты содержат именно тот стереоизомер, что нужен Могучему Младенцу.

А честно ли это?

Она привяжет к Младенцу другого человека...
Подло, грязно!..

Но если найдется второй человек с нужным стереоизомером, значит, найдется и третий, и шестой, и пятидесятый. Пятьдесят разложат ношу, которую она тащит одна. Так справедливо, вполне справедливо. Она не сможет ни в чем упрекнуть себя, и фирма будет довольна. Надо только найти таких доноров. Шеф не посмеет отказать ей в помощи...

Не посмеет!

— Вполне разумно, мисс Брит, абсолютно разумно, — сказал мистер Грабди. — Но, видите ли, медики до сих пор не интересовались стереоизомерией соединений, входящих в состав эритроцитов. Не доходили руки. Мы не знаем, сколько доноров придется перебрать, чтобы найти именно этот стереоизомер. Сколько? Тысячу или миллиард?

— Я тоже не знаю. Попробуйте связаться с Национальным центром переливания крови. Они дадут пробы крови любого количества доноров. У них есть картотека резервных доноров...

— Национальный центр не занимается благотворительностью. Вызов доноров, их обследование, взятие проб, укупорка, транспортировка... Кропотливое и трудное дело. Речь идет не о сотне образцов пуговиц, а о тысячах, может быть, миллионах доз крови. Один бутерброд с сыром может приготовить даже однорукий сумасшедший, приготовить миллион бутербродов — для этого надо нанять инженеров и вооружиться машинами. Экс nihиле nihиль — из ничего ничего не получается, мисс Брит. Нескончаемые затраты! Ради чего?

— Ради сохранения моего здоровья. Когда сегодня утром у меня брали кровь, я заметила — она

желтоватого цвета. Так бывает при крайнем истощении...

Мистер Грабли поежился, и лицо его, обычно белое, как капустный лист, покраснело.

— Мы страдаем во имя науки, мисс Брит, во имя науки! Но, разумеется, я не протестую против анализов ряда проб крови, я просто рассуждал вслух, не более. Я доложу директорату в самой благоприятной для вас форме...

Он успокоительно журчал еще минут двадцать.

5

Заверения мистера Грабли неожиданно для Карен приобрели осязаемую форму. В лабораторию группы «Д» стали поступать сотни крохотных ампул, заключающих в себе пробы крови и надежду. Могучий Младенец тем временем обрастал новыми деталями и приборами, словно выбивался в самостоятельный организм, и все меньше и меньше нуждался в услугах той, которая его породила. Теперь вокруг Младенца суетились, сидели на высоких табуретах или лежали на пенопластовых матрацах незнакомые Карен сотрудники. Она и Рон были рады, что их невольно или преднамеренно отстранили от Младенца. Они могли, не отвлекаясь больше ничем, искать проклятый и желанный, ненавистный и благословенный стереоизомер.

Каждое утро она по-прежнему наносит полувынужденный, полудобровольный визит в отдел медицинского обслуживания. Сегодня, как и вчера, как и позавчера, Карен выходит из лифта и делает два шага к дверям лаборатории «Д». Двери распахиваются

сами, автоматика в Пайн-Блиффе заслуживает самых высоких похвал. В дверях стоит Рон. Он улыбается... Неужели?

— Мы нашли, мисс Брит! Да, да, не сомневайтесь, мы нашли...

На ладони, протянутой к ней, лежит крохотная ампула с отлсманым кончиком. На ампуле черные четкие цифры, номер донора, а для нее — номер счастливого билета. Рука Рона дрожит, он волнуется за нее. Милый мальчик...

— Не сомневайтесь, мисс Брит, не сомневайтесь... — Вот и все, что он в силах выговорить.

Карен бросается к поляриметру, она сделает анализ сама, своими глазами увидит победу или... очередное поражение. Нет, сомнений нет! Рон не ошибся. В ампуле № А-17001 находится кровь с необходимым стереоизомером. Донор № А-17001 сможет принять на себя часть тяжелой ноши, которую она несла в горьком одиночестве. Конечно, если донор захочет это сделать. Впрочем, и это уже не так важно. Если они нашли стереоизомер хотя бы один раз, значит, они найдут его еще десять или двадцать раз. Находка — не чудо, самые чудесные находки подчиняются законам математической статистики... Как легко и приятно так трезво рассуждать, когда волнения и страх уже позади...

По дороге домой Карен встретила Лэквуда. Каштановая аллея сочилась сыростью после недавно прошедшего ливня. Фрэнк стоял посредине дорожки, и похоже было на то, что он находился здесь и во время дождя. Его светло-зеленый плащ потемнел от влаги, брюки облепили колени, мокрая одежда сковала тело. Фрэнк стоял неподвижно, как бессмысленная принадлежность каштановой аллеи. Карен, по-

груженная в свои думы, почти наткнулась на него, и только тогда они увидели друг друга.

— Как дела, Карен? — глухо спросил Фрэнк, и слова прозвучали не вопросом, а набором безжизненных звуков.

— Отлично, дорогой. Мы давно не виделись, но я не виню тебя. Вероятно, виновата сама. Теперь все пойдет по-другому.

— Я видел Рона, — перебил ее Фрэнк. Он все еще прислушивался только к своим мыслям.

— Значит, Рон уже все рассказал? Почему же ты так угрюм, Фрэнк? Разве тебя не радует наша находка? Сейчас я очень слаба, но теперь все позади. Витамины, небольшой отдых, силы восстановятся. Все отлично!

— Еще до встречи с Роном я знал, что вы найдете стереоизомер. Именно сегодня найдете. Ампула № А-17001? Не так ли?

— Тебе сказал Рон?

— Пойми, я знал этот номер еще вчера. Нет, позавчера. Позавчера вечером я узнал номер ампулы.

— Объясни, Фрэнк.

— Ты была счастлива сегодня?

— Да.

— Целый день счастья. Это все, что я мог тебе подарить.

— Мне всегда было хорошо с тобой.

— Знаю. Именно поэтому я подумал, что лучше будет, если ты узнаешь все от меня.

— Я слишком устала, Фрэнк. Не могу разгадывать твои загадки.

— Ты не знаешь, чья кровь была в ампуле.

— Донора из Национального центра переливания крови.

— Твоей дочери... Не смотри на меня так, Карен!.. Они все равно сказали бы...

Дочь... Она скрывала от Фрэнка, что у нее дочь. Внебрачный ребенок. Фрэнк докопался до ее тайны. Зачем? Ревность или глупость? Она сама открылась бы ему. Не в том сейчас дело. О каких пустяках она думает... В ампуле — кровь дочери... Где взять силы перед новым испытанием?

— Ты хочешь, чтобы я заплакала? Негодяй!

Дорого ей стоили эти хладнокровные и грубые слова.

Но они достигли цели.

Фрэнк отпрянул от нее, затем упал на колени и нелепо задвигал руками, словно искал что-то на гравии дорожки.

— Убей меня, Карен!..

В мокром зеленом плаще, ползающий у ее ног, Лэквуд показался Карен похожим на ящерицу... «Ящерица, ящерица, высушь свой хвост, я смажу его патокой, туча прилипнет к хвосту, дождь перестанет...» Наивное детское заклинание. Сколько раз она повторяла его радостной скороговоркой, прыгая на одной ноге по лужам, подставляя лицо под серебристые нити летнего ливня. Далекое, какое далекое детство! А сейчас прыгает под дождем ее малышка... «Ящерица, ящерица, высушь свой хвост...»

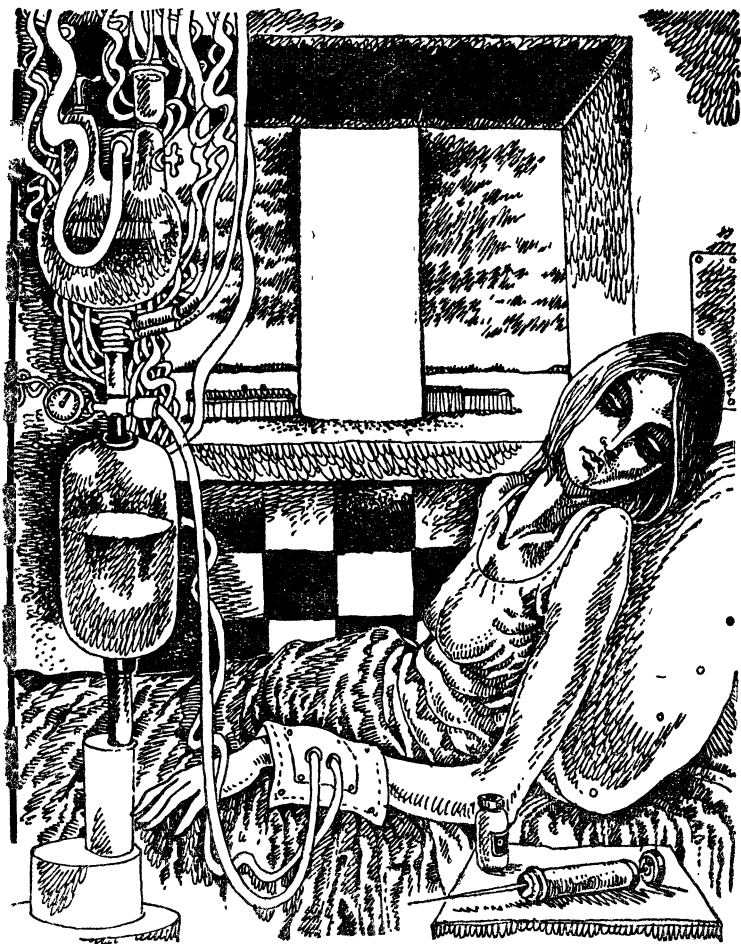
— Зачем тебе моя дочь?!

Карен показалось, что она выкрикнула эти слова так громко, как только могла, но на самом деле легкий шорох капель, осыпающихся с листьев каштана, почти заглушил ее шепот.

Фрэнк закрыл лицо руками.

— Я ревновал.

Жалкое оправдание. Ревнивый глупец? Нет, трус-

ливый предатель. Если бы предательством можно было топить, уголь предлагали бы даром...

— Ты трус!

— Пойми, Карен. Ты ничего не знаешь, ничего не видишь, ты, как слепая, уткнулась в свои приборы...

Что он бормочет? Предал и оправдывается. Узнал о ее ребенке и, подавленный хроническим страхом перед шефом, проговорился. Кому-то из них пришла в голову чудовищная мысль: отправить в лабораторию «Д» кровь дочери.

— Я не спрашиваю, где моя дочь. Все равно не ответишь, ты опутан страхом. Но я иду к своему адвокату, мы поднимем на ноги всю полицию...

— Карен! Ты ничего не добьешься! Я же говорю тебе — ты слепая! Здесь слишком крупная игра, слишком все серьезно. О боже! Почему именно я должен говорить это? В Пайн-Блиффе делают газ «щекотун». Так его называли газетчики, неужели ты не знаешь? И его делают здесь. В башне, которой управляет Могучий Младенец.

Ящерица... Она наступит на него ногой! Нет, он отбросит хвост и выскользнет из-под ноги. Какая-то жаркая волна заливаает ее, подступает к самому сердцу, руки бессильно опускаются, сердце обрывается и падает, падает...

6

По небу скользит зеленое облако. Теплый ветер гонит его вниз на землю, отрывает от него огромные пушистые клочья, и клочья превращаются в деревья. Пухлое облачко зелени на тонкой коричневой нож-

ке. Это деревце они только что посадили. Они — Карен и дочь. На ферме дяди Норриса, где ее ребенок нашел приют шесть лет назад. Из маленькой лейки, что держит ребенок, серебристым пауком выбрызгиваются струйки, ослепительная радуга играет в брызгах. Яркие лучи впиваются в глаза, хотя глаза закрыты и она ничего не видит. Когда жалящий свет становится невыносимым, Карен открывает глаза. Она лежит почти на полу в круглой комнате. Голубые стены смыкаются колодцем вокруг широкой и очень низкой кровати. Такие комнаты и кровати она уже видела в отделе медицинского обслуживания Пайн-Блиффа. В комнате нет окон, но ярко горит лампа. Почти прожектор. Бьет в глаза. Карен отворачивается, и тут же где-то за стеной звенит звонок. Пайн-Блифф через край набит автоматикой. Автоматикой, цепкой, как сторожевая собака, и быстрой, как укус змеи. Сейчас автоматы отозвались на поворот головы. Теперь войдут люди. Фрэнк, или Грабли, или просто сестра.

Но никто не отозвался на звонок.

Что это значит? Ее забыли? Какая нелепость! Ведь Могучий Младенец каждый день требует от нее порцию теплого красного сока. Сок жизни — кровь. Кто назвал ее так? Гарвей или... Мефистофель? Не все ли равно. Почему никто не приходит? Могучий Младенец не может существовать без нее. Пусть приходят, но она должна их встретить не лежа, а стоя на ногах, выпрямившись во весь рост...

В голубую дверь вделана полоска зеркального стекла. Она видит себя: бескровные слизистые губы, бледное лицо... даже не бледное, а пожелтевшее, как желтеет от времени плохой и мутный пластик. Странное лицо, худое и одутловатое, словно налитое места-

ми тяжелой жидкостью. Сохрани хладнокровие, Карен, и поставь сама себе диагноз: пернициозная анемия — губительное малокровие. Так это называется, если ты еще не забыла все, что знала. Разве такая ты нужна Фрэнку? А дочери? Ей ты нужна всегда. Ампула № А-17001. Сколько таких ампул они сделали? Пять, десять?..

А если тысячу?

Несколько секунд Карен стоит шатаясь, протягивая руки к стене, ей нужна опора. Но пол комнаты плывет и наклоняется. Слабость и отчаяние валят ее с ног. Она находит в себе силы взобраться на постель, и... все.

...Время не привязано к столбу, как лодка к пристани, оно плывет, и вместе с ним тяжело плывут мысли. Уже вторые — или третьи? — сутки у нее не берут кровь. Значит, Могучий Младенец существует за счет другого донора. Почему она раньше не подумала о том, что уникальный стереоизомер следует искать в крови ее родственников? Но у нее остался только один родной ей человек — дочь. Сейчас они поставили перед ней задачу: догадайся, за счет кого существует и работает без тебя Могучий Младенец. Догадайся и покорись. Они уверены, что ее ум исследователя быстро решит эту крошечную проблему. Те, кто придумал кошмарный заговор, думают обойтись без бурных сцен и мучительных споров. Догадайся сама и реши. Какая гуманность! Фрэнк тоже был очень добр. Как он сказал: я дал тебе день счастья... У всякой собаки есть свой день радости. Взрыв гнева почти лишает ее сознания... Нет, Карен, сейчас только твоя покорность может спасти дочь. Карен разрывает рукав блузки и, обнажив до плеча руку, кладет ее поверх одеяла. За ней,

конечно, наблюдают, и этот немой знак покорной готовности быстро и верно поймут.

Действительно, почти сразу открывается дверь и входит санитар из отдела медицинского обслуживания. Он толкает перед собой штатив, который бесшумно скользит на четырех резиновых роликах и подъезжает к ее постели.

Пока у нее берут кровь, Карен смотрит на ролики. Они прилажены тщательно, оси прикрыты никелированными колпачками, резина роликов рифленая, втулки на осях толстые и тяжелые, поэтому штатив стоит прочно, солидно, умно. Карен смотрит на втулки, оси, винты и молчит. Во время всей процедуры она не произносит ни слова. К чему? Вокруг нее холодные и умные люди, делающие каждый свое холодное и умное дело. Не надо им мешать. Бесполезно им мешать. Еще недавно она была с ними и делала свое дело так же холодно и умно. Она думает о том, что хоть сегодня этот штатив не привозили туда, где лежит ее дочь. Чувство облегчения проходит слишком быстро, и новая тяжесть свинцово ложится на ее душу. Что говорил Фрэнк о газе? Как он его назвал — «щекотун». Смешное название. Так именовали его газетчики, сказал Фрэнк. Вспомни, Карен, проверь свою память, быть может, она еще пригодится...

Газеты писали, что «щекотун» в сотни раз более ядовит, чем любой другой отравляющий газ. Он убивает, разрушая холинэстеразу — вещество, участвующее в передаче нервного возбуждения в мускульную систему. Достаточно одной крохотной капли, попавшей на кожу... Тем, кто работает возле башни, выдали маленькие шприцы, обернутые прозрачной пленкой. В случае какой-либо аварии следовало

немедленно сделать инъекцию содержимым шприца. Немедленно, не тратя времени на освобождение от одежды, протыкая иглой материю халата или комбинезона. Она случайно узнала, что в шприцах был атропин. Немедленно ввести атропин в случае какой-либо аварии... «Щекотун» вызывает резкое сокращение всех мускулов, а это значит — удушение жизненно важных органов. Действие атропина прямо противоположно действию «щекотуна». Вот зачем эти шприцы! Когда человек задыхается в тисках собственных мускулов, атропин приходит на помощь и расслабляет мышцы. Все ясно, как в справочнике для домашнего врача. Что еще ты знаешь? Ах, да! Те, кто имеет дело с башней, по окончании смены принимают последовательно три душа. Их защитные накидки каждый день сжигают. Обычные меры предосторожности, думала она прежде. Обычные? Как бы не так! Скажи честно, Карен, на каком еще химическом заводе ты видела, чтобы людей ежедневно отмывали под тремя душами и чтобы каждый таскал в специальном карманчике шприц с противоядиями? Но она никогда не давала согласия участвовать в производстве смертоносных газов. Ее обманули, дважды и трижды. Фрэнк обманул ее чувства, администраторы Пайн-Блиффа обманули ее ум и совесть... Башня высотой в шестьдесят футов уже работает. Работает благодаря стараниям такой энергичной и такой талантливой мисс Брит, которая думала, что башня выпускает средство против вредных насекомых, и которой так хотелось купить домик за Красными озерами, чтобы жить там вместе с тоже энергичным, хотя и не таким талантливым мистером Лэквудом. Теперь мисс Брит погибает, и благодаря ее энергии и таланту когда-нибудь погибнут тысячи.

У каждого и каждой из этих тысяч будет дочь.
Или сын.

И каждая дочь или сын, когда льется дождь, прыгает на одной ноге и выкрикивает смешное заклинание: «Ящерица, ящерица, высунь свой хвост, туча прилипнет к хвосту, дождь перестанет». А небо разразится мутным дождем из бело-молочных капель, которые так удачно состряпала в башне мисс Брит, и детское заклинание оборвется на полуслове.

Она лежала неподвижно — берегла силы, уже зная, что вступает в неравную борьбу, где пригодятся даже самые ничтожные запасы сил, мужества, рассудка.

7

Карен готовилась сражаться в одиночку. Все, кто мог ей помочь, остались за стенами Пайн-Блиффа. Адвокаты, конференции радикально настроенных ученых, антивоенные митинги, левые газеты, просто мыслящие люди и добряк Рон — все находились вне пределов досягаемости. Она была одна, наедине со своей совестью, разумом... и страхом. Разум требовал действия, страх пытался парализовать. Кроме того, она была тяжело больна, и болезнь вносила свою лепту в кладовую тоски. Когда-то психиатр Крихтон-Мюллер сказал: «Каждый больной болеет своей болезнью плюс страхом». Но и слабость может обернуться сильным оружием в умелых руках. Странная идея. Кто же сумеет страх перековать в оружие? Такого еще не было, и никто не сумеет...

Карен уже не считала дни, она мучительно и напряженно размышляла, и нелепая на первый взгляд

мысль — перековать страх в оружие — начинала казаться ей не такой уж нелепой.

Она мысленно перелистывала страницы толстых монографий и несколько раз натыкалась на то, что ищет. Монографии утверждали, что множество вариаций и пестрые фазы душевных болезней — всего лишь хронический самогипноз. Она не станет бороться с приближающейся потерей рассудка. Наоборот! Она постарается загипнотизировать себя страхом, сумеет погрузиться в безумный бред, призовет на помощь искусно вызванные галлюцинации, добровольно расстанется с разумом. Вот главное! Вот ядро замысла, начало и конец мести! Ее безумие окажется губительным не только для нее, оно погубит и Могучего Младенца и проклятую башню. Башня кончит свое существование, взлетит на воздух...

...Нет, невинные не пострадают, основные лаборатории Пайн-Блиффа стоят в благоразумном удалении от башни. Около башни лишь небольшая вспомогательная лаборатория, которой командует Лэквуд. Те, кто работает у подножия башни, подобны Лэквуду, они участники человеконенавистнического заговора, шайка отравителей, которой Карен выносит приговор.

Взрыв башни нельзя спрятать в потайной сейф, его увидят и услышат жители соседнего шахтерского городка, примчатся журналисты, слухи и газеты разлетятся по всей стране, тайное станет явным. Если люди захотят — они должны захотеть, они не могут не захотеть, — они задумаются над всем, что связано с пайн-блиффским взрывом... Большого она сделать не в силах. И так все это слишком тяжело и громадно для нее.

Пока у человека есть разум, он должен бороться.

Но кто и когда добровольно расставался с рассудком? Безумием победить врага?.. Какую нелепость ты задумала, Карен! Ты же ученая, Карен, разве в твоих книгах говорится о таком? Где? На какой странице? Ты уже безумна... Нет!.. Ты еще думаешь бороться? Блаженны нищие духом...

8

Мисс Брит, напишите руководство «Как стать безумной». Я в восторге от вашего предложения. Вам нужны лаборанты и оборудование? Благодарю вас, я постараюсь уместить лабораторию у себя в голове. Ваше желание — закон для нас, мисс Брит. С чего вы начнете? Я загипнотизирую себя страхом, он в избытке у меня под рукой. Приступайте, мисс Брит, желаем удачи...

Что привело ее в голубую комнату? Наверное, последний разговор с Фрэнком. Надо вспомнить его еще раз. Они стояли под дождем, потом Фрэнк упал в лужу и ползал у ее ног. Ничего не видно за серой стеной ливня. Это ничего, хуже когда с неба падают мутные белые капли. Такие, как в моей башне. Иди сюда, Фрэнк, ближе, ближе. Какая у тебя бугристая голова, ящерица...

Ты пришел навестить меня, Фрэнк?

У меня есть новые идеи! «Лапка лягушки дергается, если ее мышцы раздражать электрическим током» — учебник биологии Мура и Лариссона. Полезно возвращаться к элементарным истинам. Ты знаешь, Фрэнк, у меня теперь хорошая работа, я питаю красным соком жизни башню высотой в шестьдесят футов. Но у меня еще остались мышцы, кото-

рые можно раздражать электрическим током. Положите к башне бронзовые трубы со множеством кранов. К этим кранам нужно привязать живые мускулы с белыми оголенными нервами. Замечательная идея, Фрэнк! Простой выключатель управляет мышцами. Как приятно щекочет ток обнаженные нервы! Щелчок выключателя, и мускулы поворачивают кран. Поворот влево, поворот вправо — по трубам потечет молочно-белая жидкость. Как просто, дорогой, не правда ли?

...Куда ты спрятал мою дочь?

Не смотри на меня, я не люблю теперь твои глаза. Они чужие. Ты принес мне букет? Мы едем в церковь венчаться. Какую религию ты исповедуешь? Я не хотела бы быть женой католика, мои родители — протестанты.

Разве это букет? Разве ты не видишь, что в руке у тебя на тонких медных пружинах качаются глаза? Зачем ты принес такой букет? Ах, да! Ты тоже читал Мура и Лариссона. «Натренированный глаз различает пять тысяч оттенков красного цвета». Новая идея, мистер Лэквуд? Ты прав, постарайся укрепить глаза на рычаге, делающем шесть оборотов в минуту. Глаза движутся вокруг прозрачного сосуда, они прикованы к нему и никогда не смыкают веки, различают пять тысяч оттенков реагирующих жидкостей, им очень удобно, они любят качаться на пружинках... Сколько стоит глаз по каталогу фирмы? Иллюстрированный каталог слизистых оболочек, зрительных нервов и ушей.

Не забудем про уши.

Патентованные слизистые оболочки различают семь миллионов запахов... Сколько оттенков шороха различают уши? Отсоедините от башни Могучего

Младенца, отпустите меня, пусть уши слушают шелест молекул и управляют башней. Ты сделаешь это для меня, Фрэнк? Как много ты принес ушей, где ты их нашел? Ты хорошо приладил провода к слуховым нервам? Это очень важно, чтобы был хороший контакт.

А из этого уха ты забыл вынуть сережку, ничего не подделаешь, в Пайн-Блиффе все очень торопятся, сроки и контракты, сроки и контракты...

Все еще идет дождь. Свинцовый тяжелый дождь. Смотри, дорогой, дождь сорвал листья с каштанов и обнажил ветки. Коричневые обрубленные ветки.словно кресты. К ним прикованы люди. Нет, это нейлоновые манекены. Браво, браво, мистер Грабли, вы превосходно украсили Пайн-Блифф нейлоновыми скульптурами, они почти как живые. Но почему нейлоновые теребят цепи, которыми они прикованы? Разве они живые? Лапка лягушки дергается, если ее раздражать электрическим током... Почему ты опять превращается в ящерицу? Ты не боишься, что к твоему хвосту прилипнет туча?

«Ящерица, ящерица, высунь свой хвост...» Если небо упадет, мы будем ловить жаворонков...

Карен добилаь того, чего хотела.

9

Когда треснула земля и восемьдесят миль труб, шахт, реакторов и лабораторных коридоров того, что в Пайн-Блиффе называли «башня», поглотила пропасть, мисс Брит еще была жива. В тот момент она пыталась припомнить что-то очень хорошее, хотя и давно прошедшее, но видела только лакированные

обложки проспектов фирмы, где она имела высокую честь работать. Обложки были украшены изображениями черепа с двумя бронзовыми жуками в пустых глазницах. Потом пятисотфунтовая железобетонная балка треснула, выскочила из покосившейся стены, погнула спинку кровати и коснулась ее головы. Карен Брит перестала существовать, но то, что она задумала, свершилось: при сумасшествии меняется химический состав крови — в этом скрывалось ядро ее замысла, начало и конец ее мести. С отравителями колодцев Карен решила бороться их же оружием. Яд против яда! Обезумевший мозг вызвал перестройку всей химической жизни ее организма, и чуть новая по составу кровь оказалась смертельно ядовитой для Могучего Младенца. В чутком механизме Младенца сфальшивили, быть может, только два или три электрода из пяти миллионов. Ничего не подозревающие автоматы усилили фальшивую ноту в миллиарды раз и нанесли тем самым удар кинжалом в систему регулировки. Башня взлетела на воздух...

«Est modus in rebus» — «всему есть предел», любил говаривать мистер Грабли, погибший при взрыве рядом с Лэквудом.

СРЕДСТВО ПРОТИВ МУРАВЬЕВ

Сегодня доктору Асквиту повезло. В городском парке отыскалась целая роща ивовых деревьев. Ободрав с них кору, он набрал огромную охапку лыка и теперь, сидя на мраморной ступени разрушенного памятника, пытался сплести из него нечто похожее на штаны. Штаны были крайне необходимы доктору, так как сейчас на нем красовался один только удивительно неудобный передник из большого куска порядком проржавевшей жести.

Пальцы перебирали желтые ленты лыка, монотонная работа нагоняла сон, и мысли осторожно, словно на цыпочках, уходили вспять...

В те далекие годы чувство глухого безразличия все больше овладевало им. Первый приступ непреодолимой апатии наступил после того, как Асквит понял, что девять лет изнурительного труда, потраченного на синтез сигмастила, пошли прахом. Но не сам факт неудачи послужил причиной отчаянья. Асквит хорошо усвоил, что настоящая наука — это не азартная игра. Только шулер может вытащить ко-

зырную карту вопреки законам статистики и вероятности. В настоящей науке неудачи закономерны. Нет, уныние овладело им тогда, когда шеф приказал ампульному цеху начать расфасовку сигмастила для массовой продажи. Сигмастил рекламировался как древнеперуанское лекарство от астмы. С не меньшей пользой астматик мог бы сосать набалдашник собственного зонтика. Доктор Райк говорил про такие лекарства, что уж лучше порекомендовать пациенту два раза в день принимать по две капли воды на стакан виски.

Протестовать против аферы с сигмастилом Асквит не мог. Не мог, не хотел, не имел сил, считал делом безнадежным, суетливым и хлопотным. При одной мысли о суете и хлопотах сердце его сжималось в трепещущий комочек. Он втягивал голову в плечи, воображая, как адвокаты фирмы публично выливают на него ведро грязи. Перед ним маячил образ доктора Райка, окончательно опустившегося алкоголика и наркомана, у которого руки настолько тряслись, что, вкалывая себе очередную порцию героина, он надевал на шею петлю из полотенца и продевал в нее для упора правую руку. А ведь все началось с того, что Райк посмел восстать против фирмы. Нет, нет, лучше прилечь на диван, взять в руки, чтобы скорее уснуть, отчет сенатских комиссий за 1928 год и спать. Спать, спать... Он все чаще уходил в сон, как меланхолики уходят в болезнь. С той разницей, что меланхолику нравится окружать себя участием близких, в то время как Асквит не терпел ничего присутствия. Даже сына. Сын его пугал. Это был рослый балбес — Асквит не знал родительского ослепления, — безвольный и вредный. Поступив в колледж, сын принялся добиваться приема в сту-

денческую корпорацию «Буйволы Каролины». Непонятно зачем, кто и как создал нелепый ритуал приема в корпорацию. Совершенно голые новички должны были лежать на цементном полу в подвале колледжа шесть часов, непрерывно барабани кулаками в грудь и выкрикивая: «Я буйвол Каролины! Я буйвол Каролины!» Затем для разогрева новичку предлагали совершить путешествие по карнизу одиннадцатого этажа. Когда сын Асквита, трясущийся от ужаса и подвальной сырости, сделал несколько шагов над бездной, карниз неожиданно треснул, кусок бетона обвалился прямо под ногой кандидата в буйволы. С карниза Асквит-младший не упал, но превратился в жалкого, вечно испуганного полуидиота. Поседевший, обрюзгший, еще более шкодливый, он бродил по квартире, при каждом шорохе прячась в стенные шкафы. Видеть такое каждый день! Непереносимо... Скорее скрыться в своем кабинете, лечь на диван, закопаться в его подушки, углубиться в пухлые отчеты сенатских комиссий сорокалетней давности. Какие мелкие дразги волновали тогда господ сенаторов! Что бы они сказали о сегодняшнем дне? Весь мир барахтается в густой каше противоречивых устремлений. Каждый по отдельности суетится, как однорукий маляр, красящий высокий забор в припадке желтой лихорадки.

С тех пор, как умерла Барбара, Асквит обедал и ужинал в ресторане напротив. Поев, брал голубые судки, принесенные официантом, и, стыдливо пряча их от соседских взоров, нес пищу сыну. Тот ел прямо из судков, торопливо и неряшливо. Бедная Барбара, сколько надежд она возлагала на сына, а его карьера не пошла дальше карниза одиннадцатого этажа...

Ресторан нравился Асквиту. Он баюкал его по-

лутьмой и терпким запахом незнакомых вин. Сразу от входа шли вверх двумя полукружьями лестницы. Под ними также стояли столики, и Асквит любил здесь уединяться. В тот день, поставив как всегда голубые судки под лестницу, в густую тень, он развернул вечерний выпуск «Ежедневного глашатая». Бумага шелестела сплетнями и разрывалась от скандалов. И все же газета — это двадцать минут неторопливого блаженства. Все, что втиснуто в ее страницы, не касается тебя непосредственно, ты лишь снисходительно созерцаешь общую суматоху, и это приятно щекочет твое ироничное интеллектуальное «я»... И вдруг — фотография доктора Райка. Интервью с доктором Райком. О боже, что могли выудить газетчики из неменяемого наркомана?

«Доктор Райк разоблачает коллегу. Фирма, где работают оба химика, негодует, отрицает и сомневается. Жертвой радиоактивного цезия становится супруга доктора А. Преступные опыты или чудовищная небрежность?»

Они пишут о нем и Барбаре. Несомненно. Но о каких опытах идет речь? Ах, вот что! Еще до синтеза сигмастила он действительно работал с радиоактивными изотопами. Надеялся, что в микродозах они смогут усиливать лечебный эффект некоторых препаратов... Скоты! Грязные недоучки! Утверждают, что он заставлял Барбару глотать пилюли с радиоактивным цезием...

«Преступные опыты доктора А. привели его несчастную супругу к тяжелой болезни и гибели».

Итак, шеф испугался, что Асквит все же разоблачит аферу с сигмастилом, и вот он — ответный, предупреждающий удар.

Надо положить газету на кресло. Спокойно и ак-

куратно положить эту бумажную мерзость строго параллельно краю сиденья. Поправить еще раз, чтобы не свисала с кресла. Аккуратность — добродетель химиков. Остается взять голубые судки и уйти. Уйти, не спуская глаз с газеты, как с ядовитой змеи, которая приготовилась ужалить. Как с бомбы, готовой взорваться. Но газета не ужалит и не взорвется. Не правда ли? В ней ничего нет. Пусто. Обычные мелкие скандалы. А про Барбару и про него ни слова! Ему показалось. Несчастье с сыном смутило его ум. Надо больше гулять, а сегодня пораньше лечь в постель...

Газета — бомба и змея сразу. Она взорвалась и ужалила одновременно.

Конечно, можно доказать отсутствие цезия в останках умершей. Потревожить прах жены — чудовищно! Разве он пойдет на такое. И никто не пойдет, ведь против него не выдвинуто официальное обвинение. Против него свидетельствует лишь невинное бормотание наркомана. Бормотание, размноженное в миллионах оттисков. Возбудить дело о клевете? Рассказать о сигмастиле? Выступить против фирмы — это значит оказаться в положении муравья, старающегося поднять якорь дредноута. Покончить с собой? Тем самым косвенно признать вину? Но все же против него только липкая паутина бессмысленных измышлений. А что на свете могущественнее бессмысленных слов? И паутина противна именно тем, что она непрочна. Ее легко разорвать, но клочья всегда прилипают к пальцам.

Как ему хотелось уснуть тогда. Уснуть навсегда. Он химик, в его распоряжении десятки смертоносных препаратов. Уснуть и не проснуться. Или... О, какая странная мысль!.. все же проснуться. Через

пятьдесят или сто лет проснуться и увидеть пришедшее царство Благоденствия и Справедливости! Асквит, не признаваясь в этом даже себе, внутренне верил в такие слова. Но почему мысль о долголетнем сне не показалась ему слишком необычайной?..

...Интересно, когда лыко высохнет, не потеряет ли оно гибкости? Хорош он будет в негнущихся штанах. Соплеменники засмеют его. Наверное, следовало сначала хорошенько разбить лыко тяжелым камнем. Он подглядел, что именно так поступал Ржавый Патрик. А, черт, теперь уже поздно. Одна штанина почти готова. Надо еще продумать конструкцию прорези...

В ту ночь, когда сон уже затушевывал страдания, вызванные «Ежедневным глашатаем», Асквиту приснилась крыса. Белая лабораторная крыса с красными, будто воспаленными глазами. Впрочем, глаза у нее были закрыты, крыса тоже спала. Утром и затем в лаборатории, машинально титруя какой-то раствор, Асквит мучительно старался продолжить ежеминутно рвущуюся нить ассоциаций. Спящая крыса... Обычно у крыс во сне вздрагивают лапы — это они вновь переживают все случившееся с ними на лабораторных столах. Но та крыса не вздрагивала. Она словно зачленела... Глубочайший сон... Где и когда он видел такое животное наяву? Где-то видел — это несомненно. Стоп! Видел и даже говорил о нем служителю вивария. Тот хотел выбросить животное, думая, что оно умерло. «Необычный паралич», — подумал тогда Асквит, но ему лень было сходить к физиоло-

гам и показать парализованную крысу. Крысиные болезни его не касались. Он просто испытывал на лабораторных животных ядовитость желтых кристаллов...

Вот оно! Последнее звено ускользавших, словно во сне, ассоциаций.

Желтые кристаллы! Как он мог забыть про них! Средство против домашних муравьев. А как насчет людей? Если пересчитать дозу на вес человека... Доза получается солидная... Сколько же времени спала крыса? На пластмассовой заклепке, пронзившей ее ухо, был выдавлен порядковый номер эксперимента... Нет, не может быть. Она спала четыре года! Глупейшая ошибка или чудо? Могло ли животное проваляться где-то в виварии четыре года? Могло. Там их тысячи и порядок далеко не идеальный. Да, но крысы живут только около двух лет. Искусственная летаргия, вызванная химическим препаратом, замедление всех жизненных процессов и как следствие — продление жизни. Правда, в состоянии сна... Это открытие он не отдаст шефу... Спокойно, спокойно...

...А штаны, гляди-ка, получаются! Говорят, Ржавый Патрик изловчился варить пиво из кленовых веточек. Неужели он не пригласит своих друзей на выпивку? Вот-то будет славная пирушка! Асквит придет на нее в новых штанах... Как припекает солнце... Того и гляди, уснешь над своим рукоделием...

Никто не подозревал, что доктор Асквит решился тайком, под самым носом у шефа провести серию умопомрачительных экспериментов. Повальную эпи-

демию спячки у крыс и кроликов свалили, как всегда, на некий таинственный вирус. Только Асквит знал, что эти животные наспигованы желтыми кристаллами. Ему удалось также вывести очень важную для задуманного дела формулу. Он назвал ее Формулой Большого Сна. Продолжительность глубочайшего сна любого организма оказалась пропорциональна четвертой степени дозы кристаллов, выраженной в граммах. Но самое главное — коэффициент пропорциональности! Даже теперь, мастера лыковые штаны, Асквит с гордостью вспоминал коэффициент пропорциональности. Никто бы не догадался, что он зависел от объема селезенки! А вот Асквит догадался и доказал справедливость своих выводов! Доказал... Но кому? Только самому себе! Ведь самое главное, самое тайное заключалось в том, что Асквит решился проглотить точно рассчитанное количество кристаллов и заснуть. Чтобы проснуться через девяносто лет! Число «девяносто» он выбрал не случайно. Только дилетант с удовольствием допускает в науку случайности. Шестого сентября Асквиту исполнялось сорок пять лет. Сорок пять, взятые с коэффициентом «два», — это и есть девяносто лет. Шестого сентября он уснет и во сне перешагнет через пропасть, имя которой Время. На той стороне пропасти останется Райк, шеф, фирма, «Ежедневный глашатай», а на этой его встретит Прогресс и Процветание. Пока он будет спать, удивленные потомки возведут над его убежищем хрустальный колпак, укроют покрывалом, сотканным из лунного света и лепестков лотоса. Или благоговейно перенесут его ложе на тропический остров, где теплый воздух полон благоуханий, и сон его будут охранять величавые авокадо и манговые деревья, отягощенные плодами...

Кстати, об убежище. Ничего лучше подвала собственного дома Асквит не нашел. В глубине подвальных закоулков отыскалось нечто вроде бетонного шкафа с крепкой дверью из котельного железа. Прежний владелец дома хранил в нем коллекцию фаянсовых плевательниц.

Для всех окружающих доктор Асквит должен был пропасть без вести. Поэтому следовало оставить что-то вроде завещания. Сделать распоряжения относительно сына: в какую клинику и под надзор каких врачей поместить; все деньги и имущество перевести на его имя. Дневник опытов, Формулу Большого Сна, фотографию Барбары и кое-какие — гм! — письма он упрятал в пластмассовую коробку и закопал в саду, под белой пихтой. Тайник под белой пихтой будет хранить величайшее открытие. Хранить, но для кого?

А теперь — марш в убежище! Одним залпом проглотить содержимое мензурки... Брр!.. Неопишуемая кислятина... Самое смешное, что чудодейственный эликсир сна продают по дешевке в любой аптеке, как средство против муравьев. Рыжих домашних муравьев... Говорят, что их завезли из Индии... Индия — это Калькутта и Брахмапутра... Брахмапутра... брамины... они всегда лысые, брамины... брандмейстер... который сражается с огнем и дымом... черный дым... темно...

Мензурка выпала из рук Асквита, желтая кислятина сразила его.

Словно слепой от рождения, он спал без сновидений, погруженный в плотный мрак. Каждая клеточка его тела купалась во мраке. Но чудовищной неожиданностью оказалось то, что Асквит ощущал бег времени. Это не было в обычном смысле тягостно, больно, тоскливо или мучительно. Нет, это просто были

девяносто лет, которые пришлось пережить, ничего не зная, почувствовать, ничего не желая, преодолеть, ничего не делая.

Через девять десятков лет он проснулся и зябко поежился. Холод пронизывал все тело, хотя какая-то шелковистая масса окутывала его шею, грудь и даже ноги.

«Вот оно, покрывало, сотканное из лунного света и лепестков лотоса», — восторженно подумал Асквит и громко чихнул.

Тут же чихнул еще раз и еще... В горло и ноздри лезли пушистые щекочущие хлопья. Чихая и кашляя, он вскочил на ноги и оказался внутри пушистого облака.

«Пыль! Вековая пыль!» — сообразил Асквит и, поняв, что, как и много лет назад, находится в бетонной коробке подвала, протянул руку, нащупывая выход. Нащупал, ткнул рукой в дверь и... легко прошел сквозь нее. Дверь рассыпалась в рыжую труху.

Лестница представляла из себя грудку бетонных обломков. Чихая и отплевываясь, он на четвереньках преодолел эту грудку. Мешала шелковистая масса, неотступно тащившаяся за ним.

Солнце ослепило. Он тут же зажмурился, но все же увидел. Успел увидеть! Ослепительно белели купола. Иглы невиданных построек пронзали небо. Радужные дуги мостов перекрывали сияющий город. Он открыл глаза, чтобы упиться красками нового мира. Увы! Холодно сияло солнце. Серо-рыжими холмами громоздились развалины, поросшие густым кустарником. Посреди улицы, вылезая из распоротого асфальта, горбились изогнутые деревья. Самое ближ-

нее дерево проткнуло насквозь ржавый скелет автомобиля. Очертания ресторана напротив угадывались по пяти уцелевшим колоннам, которые торчали теперь, как пальцы гигантской пятерни.

Белые купола и радужные мосты привиделись Асквиту — игра солнечных лучей и воспаленного воображения. Видение, мираж! А наяву — город, превращенный в прах, и растительная жизнь, возникшая на прахе.

Асквит оглядел себя. Одежды на нем не было. Она истлела. Он одет в собственные волосы, свисающие до земли плотной шелковистой гривой.

Голый человек в мертвом городе... Асквит пронзительно вскрикнул и бросился бежать. Он знал, куда он бежит! К людям! Найти людей, чтобы не быть одному среди праха. Под его ногой превратился в металлическую труху люк канализационного колодца. Мертвый город таил опасные ловушки.

А если он никого не найдет? Если страшные болезни скосили всех?.. Быть может, микробы, занесенные с других планет...

Он наскочил на стаю кошек, которые с визгом рассыпались во все стороны.

«Нашествие марсиан, потревоженных космическими экспериментами человечества...»

Мысли обгоняли бег.

«Война!.. Самая простая и самая чудовищная причина катастрофы...»

Грохот и скрежет обрушились на него из-за угла бывшей улицы. Он остановился. Нет, это не свист ветра в ушах. Металлический скрежет и лязг приближались.

«Танки... Или другие боевые машины, придуманные за прошедшее столетие... Война не кончилась...»

Инстинкт самосохранения бросил Асквита за бетонную глыбу. Съежившись в дрожащий волосатый ком, он со страхом ожидал приближения боевой машины. К лязгу примешался человеческий гомон.

Подбадривая себя возгласами, толпа оборванцев человек в пятнадцать-двадцать, вытащила из-за угла железную телегу, груженную обрубками дерева. В телеге угадывался роскошный открытый «кадиллак» XX века. Ободья колес с редкими клочьями шин переваливались через кучи щебня, производя нестерпимый шум. Оборванцы, одетые в грязные лохмотья, изрядно устали, но продолжали тащить колымагу, налегая на оглобли с упорным спортивным азартом.

— Чего прячешься, парень? — произнес хриплый голос над самым ухом Асквита.

Возле него стоял рыжий оборванец. В руке он держал деревянную дубину, утыканную осколками бутылочного стекла.

— Испугался, что ли? А чего бояться — ребята дрова повезли, кошатину жарить. Да ты, видать, только что проснулся? Э-ге-ге, парень! Тоже желтой кислятины наглотался? Где валялся? Наверное, в крепком подвале?

Асквит кивнул.

— Оно и видно. Уцелел, счастливчик. Многих крысы сожрали. А ты сам-то не хочешь перекусить?

— Нн... нет.

— Еще захочешь. У всех проснувшихся одно и то же — первые двое суток совсем не хочется есть. Зато потом сырые каштаны лопают. Приходи ко мне, я в провиантской команде. Ловлю одичавших кошек. Видал доспехи?

Рыжий хлопнул себя по бедрам, обернутым никелированной сеткой.

— Стаями, зверюги, ходят! Не подступишься. Оружие — тьфу!

Он с отвращением потряс дубиной.

— Сейчас наши парни распиливают телевизионную башню. Настоящая нержавка, сколько лет простояла и хоть бы хны. Дротики из нее нарежем — всем хватит. Э, да я с тобой заболтался. Иди запишись у нашего квартального старосты. Ты найдешь его на лужайке перед Национальной Библиотекой. Там поймали одичавшую корову. Потеха! Корова брыкается, как мустанг, которому засунули репей в ноздри...

Одним прыжком рыжий перескочил через бетонную глыбу.

— Запомни, меня прозвали Ржавым Патриком. А тебе, парень, я советую сходить в парикмахерскую, сделай себе модную прическу.

Он громко захохотал и скрылся.

Асквит стоял ошеломленный. В рыжем оборванце он узнал родственника жены Патрика О'Дайгса, профессора элоквенции и римского права. Нетрудно было догадаться, что произошло. Кто-то раскопал тайник под белой пихтой. Люди нашли Формулу Большого Сна. Тайна многолетнего небытия стала достоянием всех. И тогда многие пожелали обрести лучшую долю только для себя, забыв об остальных, захотели найти счастье, не тратя сил на поиски. Они думали победить судьбу, не сражаясь. Один за другим, таясь от соседей, люди покупали дешевые, такие доступные желтые кристаллы и засыпали. Каждый хотел обмануть всех, пока все не обманули сами себя.

Где-то в развалинах с гулким грохотом обрушился кусок стены. Вокруг задребезжало, зазвенело. Земля дрогнула, заходила ходуном. Асквит полетел куда-то вниз, дико закричал и... проснулся.

Он лежал на полу в лаборатории. Возле него стоял на коленях до смерти перепуганный лаборант. Когда Асквит открыл глаза, лаборант облегченно вздохнул и торопливо заговорил:

— Наконец-то! Наша вентиляция — никуда не годная дрянь! Вы надышались паров диазола. Совершенно точно — это был диазол. Я тоже однажды глотнул его, а потом два часа — как в кино. Ну и кричали же вы во сне! И так долго не просыпались. Я очень испугался... А сейчас вставайте, доктор Асквит, вставайте. У нас переполох! Левые газеты разоблачили аферу с сигмастилом. К шефу уже приходят негодующие письма. Еще бы! Шеф зовет вас. Что вы ему скажете?..

Асквит встал. Теперь он проснулся окончательно. И даже не через девяносто лет. Кажется, он знает, ЧТО сказать шефу.

КАРЬЕРА ЖЕСТЯНОГО МАЙКА

На сооружение Жестяного Майка я потратил семь лет. Мой парадный костюм истлел в чулане, семь лет я никуда не выходил. Я питался пачками радиосхем, подкладывал под голову аккумуляторные батареи, чтобы не спать слишком долго, а по воскресеньям устраивал себе праздник, отодвигая паяльник в сторону всего лишь в шесть часов вечера. Наконец Жестяной Майк предстал передо мною в абсолютно законченном виде — ничего ни убавить, ни прибавить. Словно статуя Аполлона, играющего на лире... где-то я видел такую фотографию. Не подумайте, впрочем, что я совершил техническую пошлость и придал моему кибернетическому роботу внешность человека. Нет, мой дорогой Майк не маскировался под двуногих и был честно смонтирован в трех стальных, довольно громоздких ящиках. Но мне он казался красавцем и сулил уйму денег, на которые я рассчитывал благоденствовать лет десять, не заботясь о куске хлеба с сыром и беспрепятственно заканчивая свой фундаментальный труд о геометрии поверхностей отрицательной кривизны.

Я хотел на радостях напиться, но обнаружил, что в доме нет ничего крепкого, кроме соляной кислоты. Поэтому остаток ночи я забавлялся тем, что устроил

Майку головоломный экзамен, заставляя его отвечать на все вопросы, которые только сумел извлечь из недр собственной памяти и трехтомного сборника «Мир интеллигентного человека». Я праздновал выпускной экзамен Жестяного Майка. В дальнейшем ему надлежало самому экзаменовать двуногих студентов. Да, из меди и кристаллов я создал суперинтеллектуального преподавателя, педагога с железными нервами, неподкупного экзаменатора, кибернетического Песталоцци! Любой мозговой вакуум Майк незамедлительно начинал сведениями по баллистике, софистике, статистике, шагистике, сфрагистике, атомистике, публицистике, казуистике, юмористике, а также из области гистологии, помологии и озероведения. С одинаковым успехом он мог преподавать и космическую химию и искусство приготовления марципанов в домашних условиях. Он сумел бы загнать в тупик любого победителя телевизионных викторин, задавая ему уйму неразрешимых вопросов, вроде «куда деваются деньги и откуда берутся долги?» или «как втиснуть обратно в тюбик выдавленную из него зубную пасту?». Не робот, а пиршество ума!

Утром я взвалил ящики на грузовик, выложив при этом последнюю зелененькую бумажку агенту по перевозке тяжелых и скоропортящихся грузов, и отправился в ближайший колледж, декан которого, как я вычитал в нашей местной газетенке, был ярым поборником новых методов скорострельного производства разного рода специалистов.

К моему удивлению, декан оказался человеком интеллигентным и сразу уразумел, в чем дело. Он сказал мне:

— Если бы вы хоть один раз оторвали свой нос от паяльника и высунули его на улицу, то смогли бы

заметить, что именно за последние семь лет по направлению к нашему колледжу не проезжал ни один грузовик, груженный хотя бы парой кирпичей. Отсюда, без всякого Жестяного Майка, вам не составит труда заключить, что колледж отчаянно нуждается в ремонте, а не в ваших дорогостоящих жестянках. Весьма вероятно, что очень скоро мы вообще закроем свою лавочку. Кроме того, если ваши тяжеленные ящики будут загромождать вестибюль еще хотя бы дюжину минут, то пол вестибюля рухнет, и вам придется выложить все свои сбережения на покупку новеньких железобетонных балок.

Все это он выпалил мне одним залпом, будто приготовил свою речь задолго до моего рождения.

Нечто подобное мне ответили еще в семнадцати местах...

Я крепенько призадумался. Жестяной Майк подмигивал мне сигнальными лампочками, словно желая сказать: «Жизнь похитрее телевикторин. Посмотрим, как ты выкрутишься, парень!» И в тот момент, когда я пытался поджарить на паяльнике кусок ливерной колбасы, мои четырнадцать миллиардов мозговых клеток все разом сработали в нужном направлении. Поэт сказал бы: «Меня осенило!» Я вспомнил объявление, регулярно публикуемое не очень крупным шрифтом в одном не очень популярном журнале: «Требуются молодые люди, склонные к усидчивым литературным занятиям. Совершенно необходимое условие: скромность. Контракт на три года». Или что-то в этом роде... Книгоиздательство подыскивает писателей-«невидимок», соединяет тайным браком безымянную юность с именитой дряхлостью. Я читал, будто многие известные теперь литераторы начинали именно с того, что писали всякие штучки за других.

Тайна всегда хорошо оплачивается — это я тоже где-то читал. А мой Жестяной Майк удовлетворял всем требованиям объявления. Во-первых, он был на редкость скромен. Для многих двуногих существ Майк являлся просто эталоном скромности. Хвастать собственной начинкой — такое ему и в голову не приходило. Что касается усидчивости, то терпеливый Майк мог выдавать вороха информации в течение трехсот часов непрерывно. Его мозговые устройства охлаждались при этом жидким кислородом с температурой минус сто восемьдесят градусов. Такой отличный ледяной компресс способен, как вы понимаете, охладить самую разгоряченную голову.

Вероятно, людям свойственна тенденция присваивать чужие заслуги и таланты. Тут я не был оригинален, и меня не мучили угрызения совести, когда я переступал порог книгоиздательской фирмы «Хичкок, Хичкок и сыновья», намереваясь продать оптом или в розницу интеллектуальный багаж своего Жестяного Майка, не упоминая при этом никоим образом о его существовании. К тому же все равно жестяной парень не имел рук, совершенно необходимых для отвинчивания колпачка автоматической ручки и подписания контракта. Кроме всего прочего, это же было мое творение...

Меня принял Хичкок Самый Младший, юркий человечек, пропитанный бахвальством и дешевыми духами. Поток слов, которым он поливал меня минут сорок, не содержал ни грана полезной информации. Лишь под конец он пробалабонил нечто вразумительное:

— Я вижу, вы эрудит, мистер! Эрудит! Мыслитель! Прогрессист! Нам нужна научная мысль! Она движет нас по ступеням прогресса! Хичкоки всегда

уважали науку. Мой дед издал книгу «Наука и женщина». Сенсация на грани двадцатого века! Баснословные барыши! Наука и любовь — вот что движет мир по ступеням прогресса и пандусам цивилизации! Я даю вам рецепт! Растопите унцию фантазии в океане любви, бросьте туда щепотку науки и вскипятите это варево! Вскипятите! Чтобы оно было горяченькое! Горяченькое! Как это будет прекрасно! Контракт после принятия первой рукописи. Хичкоки ждут вас!.. Наука и любовь! Любовь и наука!

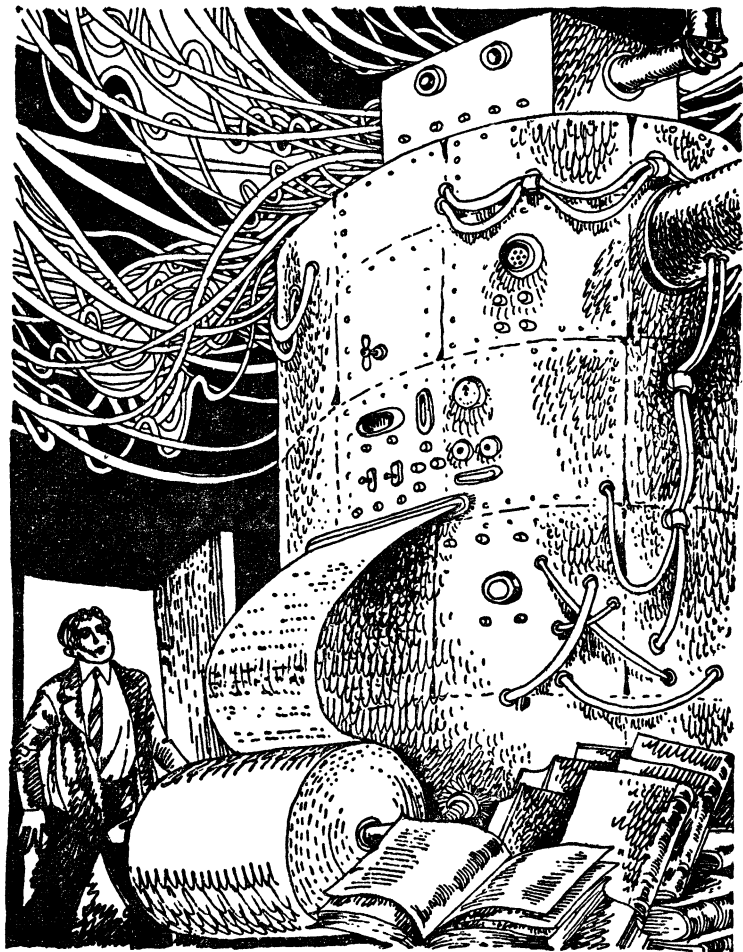
Подбодренный такими энергичными, хотя и несколько туманными обещаниями и советами, я развил кипучую деятельность: купил пачку разноцветных карандашей и выпросил у соседских девиц две бельевые корзины книжек «про любовь». Книжки я дал переварить Жестяному Майку, твердо веруя в то, что парень не подкачает и изготовит по их образцу и подобию вполне доброкачественную литературную жвачку, тем самым удовлетворит Хичкоков и заработает мне на пропитание.

Майк не подвел! Майк стоял на пороге литературной славы! Это я понял сразу, как только взглянул на его первый опус. Разумеется, рукопись еще носила некоторые следы майковской индивидуальности, она, если так можно выразиться, громыхла жестью и пахивала жженой изоляцией. Майк писал, вернее, выбивал на бумажной ленте:

«Луна отражалась в темных водах лагуны, бухты, залива, бассейна, пожарного водоема, водохранилища. Ричард радовался встрече, как шестеренка радуется смазочному маслу.

— О прекрасная Диффузия! — вскричал Ричард.

Она упала в его объятия с большой кинетической энергией...»

Я пустил в ход карандаши и вычеркнул из этой любовной сцены все технические подробности.

Майк выдал за сутки семь романов средней толщины. За это же время я истер в порошок пачку карандашей, удаляя из рукописи привкус смазочного масла.

Хичкоков ошеломила такая производительность. Они заключили со мной контракт и даже милостиво решили оставить под романами мою подпись, как будто бы я нуждался в литературной славе. В обмен на эту милость первые романы они взяли у меня задаром, объяснив свое нахальство «издательскими традициями» и «сложившейся практикой». Кроме того, Хичкок Самый Младший заявил, что хотя в романах налицо океан любви, но нет ни рюмки фантазии и науки. От меня, как от эрудита и прогрессиста, они ждут сложное кружево из научной фантастики и любовных томлений. Словом, вперед по ступенькам прогресса и пандусам цивилизации!

Я всунул в чрево Майка объемистое исследование одного весьма популярного кинодеятеля «Секс и публика», сорок восемь книжонок из серии для подростков «Читай, когда родителей нет дома» и пару звездных атласов в целях придания романам космического колорита.

Я таскал рукописи пачками. Сперва мы кормили фирму Хичкоков пустячками — робот из ревности разрезает своего хозяина плазменной горелкой, циклоп из туманности Конская Голова влюбляется в карлицу, торгующую сосисками на углу Роджет-стрита, парочка сюжетов из любовной жизни межгалактических спрутов...

Потом пошли вещицы позабористее. После одного описания гарема на кольце Сатурна Хичкок Самый

Младший произнес хвалебную речь. Он признал, что даже устроители субботних телепередач под девизом «Только для старых холостяков» не смогли бы додуматься до подобной фантазмагии.

Жители нашего квартала придерживались иного мнения. Они считали, что и в наш век телевизоров есть предел непристойностям. Преподобный Патрик О'Брейль в своей воскресной проповеди призвал прихожан «не щадить скарба домашнего, достатков и стен жилищ тех, кто покушается на целомудрие белокурых дочерей стада господнего». Через день ко мне явился агент страховой компании и сообщил, что он не сможет продлить срок действия страхового полиса.

Дом запылал на рассвете. Жестяного Майка удалось спасти — еще ночью я увез его в мебельном фургоне. Все остальное погибло: дом, за который я только что внес последний взнос, лаборатория, собранная по винтику за долгие семь лет, и неоконченное исследование по геометрии поверхностей отрицательной кривизны — надежда на будущие ученые звания и почести. В системе жизненных координат я оказался отброшенным к нулю. Приходилось начинать новую жизнь, опираясь на крепкое плечо Майка.

Хичкоки выдали мне небольшой аванс. Не рискуя вновь погрузить Майка в пучину любви, мы сменили пластинку и осчастливили читающий мир похождениями Гремучего Билла. Так мы именовали сверхгангстера, суперубийцу, принимающего иногда, забавы ради, облик межгалактического паука. В его послужной список мы вписали немало роскошных страниц. Стреляя из всех своих ста шестнадцати щупалец струями зеленой слизи, Гремучий Билл овладевал почтовым звездолетом, похищал из него сто миллиардов фунтов стерлингов и черноокую Люцию. Мощными электро-

магнитами Билл утаскивал с Земли на Луну скеанские пароходы, сплющивал их в лепешку, вместе с пассажирами и продавал на металлолом таинственной металлургической компании «Металл-Лунатик лимитед». На досуге Паук Билл забавлялся игрой в пинг-понг шариками из черепов ягуаров. Своих соперников по пинг-понгу он растворял в синильной кислоте и выливал ее в жерло огнедышащего вулкана. Вместе с ним прожигала жизнь пара веселых помощничков: свирепый вампир Джесси, специалист по массовым психозам, и красавица змея Сима, раздавливавшая в порошок обитаемые планеты тугими кольцами своего прекрасного чешуйчатого тела.

Жестяной Майк нагнетал в свои творения ужасы под давлением в сто тысяч атмосфер. Даже запятые в его книгах казались остриями окровавленных ятаганов, а многоточия выглядели как путь на виселицу. По вечерам я ловил себя на том, что заглядывал под кушетку и открывал шкафы, страшась найти там что-нибудь похожее на помесь осьминога с катафалком.

В конце четырнадцатой книги шестой серии «Похождения Гремучего Билла» вампир Джесси выпил кислоту из жил Марсианского людоеда. Увы, кислота оказалась биологически несовместимой с кровью самого вампира, и тот, не в силах вынести адские муки, погиб, разодрав свое тело на части собственными когтями.

Кончина Джесси доконала и меня. Рыдая и корчась в приступе непреодолимого страха, я дополз до телефона и вызвал врача-психиатра. Он нашел у меня вибрацию кровавых шариков, а также перестегию — ползание мурашек по всему телу. С этим милым диагнозом я пролежал в клинике пять месяцев. После уплаты гонорара за консультацию, госпитали-

зацию, гальванизацию, ионизацию, гипнотизацию, а также за наблюдение, кормление, поение, умывание, раздевание и укрывание я вновь остался без гроша.

Благо еще, что шеф клиники нашел у меня весьма редкую фобофобию — навязчивый страх страха. Описание этой медицинской редкости шеф вставил в свою диссертацию и за это скостил с меня шесть процентов своего гонорара. Мне повезло!

Похудевший, с трясущимися руками, я отправился к Хичкокам. Я знал, что тиражи майковских книжек достигли астрономических величин, но на моих финансах этот успех никак не отражался — контракт в свое время составили удивительно ловко.

Хичкок Самый Младший по-прежнему благоухал дешевыми духами. Как будто после издания «Гремучего Билла» он не мог приобрести полную цистерну лучших духов «Лориган-Коти». Жадный лицемер извивался всем своим телом, выражал миллион сожалений по поводу моего пребывания в психиатрической клинике, а в душе считал меня конченным человеком. Все же я выудил у него согласие издать новую серию фантастических романов.

Содрогаясь при одной мысли о вампирах и космических людоедах, я долго раздумывал, чем бы теперь начинить Майка. Мне показалось, что социальная фантазия, роман-утопия понравятся читателям. Кто не мечтает о лучшей жизни в этом худшем из миров! Я достал в библиотеке сильно запыленный «Билль о правах человека», фельетоны политических обозревателей и несколько, как мне думается, вполне разумных исследований о судьбах человечества. Не утерпев, я всунул в Майка горестные размышления о собственной судьбе и откровенные высказывания о деятельности Хичкоков и им подобных.

Майку удалось создать правдивую живописнейшую картину нашего будущего! О, это было пиршество логики и справедливости. Самое отрадное, что в этом будущем не нашлось места для Хичкоков. А также им подобных! Клянусь паяльником, Майк знал свое дело!

Хичкоки быстренько смекнули, что скандальное электронное пророчество Майка создаст им небывалую рекламу. Они спешно издали его и отделались штрафом, а я за «утерю лояльности, оскорбление святынь и злостное критиканство» просидел в федеральной тюрьме сто сорок четыре дня, имея удовольствие изготавливать каждый день дюжину безразмерных веревочных туфель для покойников.

Из окна камеры я увидел однажды, как световая реклама фирмы «Хичкок, Хичкок и сыновья» упорхнула на зеленых крылышках банкнот с крыши небоскреба. Теперь она болтается на привязных аэростатах, подсвечиваемая с земли тремя сотнями прожекторов. Для меня это горит в ночи памятник литературному гению моего Жестяного Майка. Но самого его уже не существует. Федеральные власти продали Майка на металлолом для покрытия судебных издержек. Будто не могли приспособить его для свечения концов с концами в федеральном бюджете или для сличения отпечатков пальцев... На металлолом! О санкта симплицитас! Святая простота! Не ведают, что творят!

...Теперь я умею вязать веревочные туфли. У меня есть мой старый паяльник. Я очень хорошо паяю. Большой опыт! Вам не надо чего-нибудь запаять, мистер? Нет? Извините. Я ухожу.

III

ПЛОДЫ

ПЛОДЫ

Когда на даче Жмачкина дрогнула земля и раздался пронзительный свист, будто где-то внизу провало клапан парового котла, сам Жмачкин находился далеко от места подземных происшествий. Он сидел в крохотной конторке магазина с не совсем грамотной вывеской «Скупка вещей от населения» и ненавидящими глазами в упор смотрел на очкарика-ревизора. Потом Жмачкин жалобно сморщился, тихо, но так, чтобы ревизор обязательно услышал, ойкнул и стал медленно сползать со стула на выщербленный пол конторы. По дороге на пол он успел подметить, как испугался ревизор, как остановились его пальцы, оставшие до того момента испачканные копиркой квитанционные корешки. Лежа на полу, Жмачкин плотно закрыл глаза и застонал, потом принялся с надсадным хрипом выдувать из себя воздух. Хрипел он очень натурально, потому что был сильно простужен после того, как в пьяном виде заснул на кухне, привалившись спиной к распахнутому холодильнику.

Вскоре около колхозного рынка, где у самого входа тулился магазинчик Жмачкина, коротко гуднула «Скорая помощь». Фельдшерица в меховой шапке и белом халате наклонилась над Жмачкиным, пощупала пульс, щелкнула застежками чемодана-коробки,

Коробка распалась на две части, показав склянки и металлические коробочки со шприцами. Сразу запахло аптекой и спиртом. Жмачкин сквозь прищуренные веки увидел фельдшерицыны ноги в черных чулках и сладко поежился...

В это время на его даче ворох влажных осенних листьев зашипел и разлетелся во все стороны. Из-под земли вырвался струйкой серо-белый пар. Влажная земля тоже зашипела, черные лужицы воды вокруг испарились, и вместо черной талой воды проступила серая, почти сухая земля. Эту сухую землю разодрала глубокая трещина, из которой, булькая и позванивая особым водяным звоном, прорвался фонтан из нескольких бледно-голубовато-зеленых струй. В голубых струях плясал желтый чистый лист клена.

...Хрустнула ампула, фельдшерица засучила рукав байковой рубахи, которую Жмачкин обожал за теплую уютность и даже стирал сам, но редко. В руку ужалил шприц, и сонная одурь начала растекаться по телу. «Скорая» его, разумеется, не забрала, да на такую удачу он и не рассчитывал, подстраивая ревизору психическую атаку. Фельдшерица сухо заметила: «Много пьете, гражданин Жмачкин», — и посоветовала ехать домой и полежать. Удрать, отсрочить хоть на день неприятное и щекотливое разбирательство с квитанционными книжками — только этого Жмачкин и желал, хотя в душе клял себя черными словами за трусость и бездельные увертки. Всю жизнь он кормился собственной наглостью, за наглость прятался, ею оборонялся и с нею наступал, нахальством и наглостью наживался. Очень удивился бы он, если кто-нибудь сказал ему, что нахальство его — просто безмерная и отчаянная трусость.

В привокзальном буфете, чмокая по пивной пене

отвислыми губами, Жмачкин втянул в себя полкружки теплой и мутной жидкости, а на освободившееся место вылил принесенную с рынка четвертинку водки. После привычно-противного и хмельного «ерша» ему захотелось сделать что-то грозное и разудалое. Вспомнилась давняя и тяжелая обида, как жена Катя ушла от него к деповскому слесарю по причине Жмачкиной скупости и неласковости. Но относительно слесаря сделать что-нибудь грозное и разудалое Жмачкин воздержался, опять из-за своей трусости, припоминая каменную жесткость слесаревых кулаков...

Путано ругая неверную жену и очкарика-ревизора, Жмачкин долго колупался ключом в большом ви-сячем замке, вытаскивая замочную дужку, откидывая толстую железную полосу, прихватившую поперек тяжелую дачную калитку.

За то время, пока хозяин дачи возился с железными запорами, на его дачном земельном участке стало одним деревом больше. Случилось это так. На самом краю трещины, откуда бил фонтан голубой воды, лежала сморщенная, почерневшая ягода рябины, втопанная в землю еще прошлой осенью. Когда подземная вода коснулась ягоды, она расправила крохотные жесткие морщины, округлилась, посочнела и треснула, выпуская из трехгранного зернышка тонкий зеленый росток, который тут же закурчавился двумя микро-скопическими листочками. Одновременно в землю забуравился корешок, и кожица ягоды соскочила с молодого побега. Все это заняло меньше минуты. Еще через минуту обозначились красно-бурые ветки с острыми зубчатыми листьями: молодая рябина поспешно тянулась вверх. И в то же время дрогнула вкопанная в землю скамейка — замшелая доска, прибитая на два осиновых кругляша. Кругляши треснули в не-

скольких местах, набухли тупыми почками, которые сразу же выпустили на волю зеленые листы, покрытые с изнанки нежным серым пухом. Замшелая доска крякнула и раскололась надвое, из торцов осиновых ножек выпирали вверх букеты крепких молодых побегов.

Пьяный Жmachкин наткнулся на скамейку и тупоносым ботинком втоптал в землю молодую рябину. Когда он грузно опустился на скамейку, расколотые доски свалились вместе с ним. Обламывая молодые побеги, Жmachкин двумя руками обхватил осиновый кругляш, попытался встать на четвереньки, но не смог и упал лицом вниз в лужицу голубоватой воды, растекающейся вокруг подземного источника.

Утром, еще не проснувшись как следует, он крепко провел ладонью по лицу, сгоняя вчерашний хмель, и нащупал у себя на лице окладистую шелковистую бороду. Жmachкин истерично хихикнул и почему-то подумал, что умер, а борода у него выросла уже после смерти...

Трясущимися руками он открывал дачные замки. Наружная дверь — два замка старинной фирмы «Хайдулин и сыновья», очень хитрые замки, спрятанные один в другом, дверь в переднюю комнату — замок, скрытый в половице, никто не найдет, дверь в спальню... Наконец там в огромном трюмо красного дерева стиля «жакоб» он увидел себя с чужой, словно приклеенной бородой. Он попытался ее оторвать — она вовсе не его, черная, густая, шелковистая, кудрявая борода. Его собственные волосы на лысеющей голове и толстых бровях были тусклыми, редкими, припорошенными желтой сединой. Зачем ему такая борода? Кто это сделал? Не могла же она вырасти за один день? Или он провел в саду месяц? Буфетчица опоила

его каким-то сонным зельем вместе с пивом. Это такая баба, она все может! Колдунья! Только зачем ей опавать Жмачкина? Он и без того пытался подыхать к буфетнице с разными предложениями, да она его так от себя шуганула...

Лицо... Что сделалось с его лицом? Здесь у него были морщины, они набегали сверху и обрезали углы рта, он всегда кривил рот, когда брился, чтобы расправить кожу в этом месте. Теперь морщин нет. А вот здесь? Были здесь морщины или нет? Он не помнит. Сам себя не помнит. Странно... Сколько времени нужно, чтобы выросла такая борода? Сколько он проспал? Кого спросишь, на даче ни души, он один. Так всегда: он один и его дача...

Какой сегодня день? Он нажал клавишу радиокомбайна. Музыка, с утра музыка. Может, сейчас вовсе не утро?.. Включил другой приемник, стоящий у изголовья кровати с высокими спинками из полированного дерева. Приемник не работал... Давно он не работает? Там, на кухне, стоит еще один... Опять музыка... Где он? Какой сегодня день? Наконец старый динамик радиотрансляции сообщил Жмачкину, что сегодня двадцать второе октября. Ревизор нагрянул двадцать первого. Вчера. Значит, все в порядке. Он спал только одну ночь. Надо опохмелиться и пожевать чего-нибудь горяченького, все пройдет. А борода? Вот она. Еще больше выросла. Все-таки в пиво что-то подмешали, и он спятил с ума от этого.

Кромсая ножницами вкривь и вкось, он кое-как срезал бороду. Ему показалось, что из-под ножниц сыпались искры. Действительно, запахло чем-то горелым и вместе с тем освежающим... А день сегодня субботний, особо выгодный. Его разве пропустишь? В деревянном павильончике под вывеской «Скупка

вещей от населения» все образуется. Обождется, как любил говорить Петька Косой, единственный дружок Жмачкина. Обождется! А борода — она не ревизор, сбрил ее и гуляй без бороды.

По дороге к калитке Жмачкин наткнулся на молодые осинки, что торчали двумя плотными кустами на том месте, где еще вчера ничего, кроме скамьи, не было. Пахло вокруг для поздней осени странно — цветами. Запах стоял тяжело и плотно, как в оранжерее. Но Жмачкин цветами никогда не торговал, в оранжереях не бывал, а тонкие осинки, что вымахали за ночь на метр выше его, не заметил, а может быть, побоялся заметить, недаром глаза зажмурил.

В «Скупке» еще раз побрился подержанной электробритвой, купленной у рыночного пьянчуги за трешку, борода в электричке заметно отросла. Надел засаленную меховую безрукавку и занялся привычным делом. Когда румяный от смущения парень принес в «Скупку» почти ненадеванный, но явно не модный костюм, Жмачкин оценил его в двадцать один рубль, а на копии квитанции переделал палочку в семерку и заработал таким образом шесть рублей. Женщине в платке, из-под которого желваками торчали бигуди, таинственным шепотом сообщил, что дамские кофточки покупать не велено, но ради субботы он сделает исключение. За это Жмачкин получил благодарность — трешку и почти рубль мелочью.

Так он трудился целый день, не снимая безрукавки, не делая от жадности перерыва на обед.

Обманывал он по маленькой давно. Почин в этом сделал еще тогда, когда работал продавцом в рыбном магазине и приспособился под чашку весов представлять маленький магнит. К магниту привязал леску, а в петлю лески просовывал носок ботинка. Чуть

заметит подозрительного типа, похожего на инспектора из райторга, или просто такого интеллигентика, что может из-за недовеса шум поднять, — дерг за леску, магнит отскочит от чашки: весы в полном порядке, проверяй до седьмого пота, не придерешься. Одно плохо: пахло от него тогда крепко селедочным рассолом и рыбной лежалиной, и молодые ткачихи из фабричного поселка воротили от него носы. Но Жмачкин за свою коммерцию держался крепко и торговое дело, как он его понимал, знал туго. Потом подвернулась работа чище — в винной лавке. Там он «снял сливки» — медицинским шприцем протыкал бутылочные пробки и высасывал часть содержимого. С десяти бутылок выходила одна лишняя. Если не лениться, прийти в лавку пораньше, можно заготовить в подсобке таких «сливок» литров на пять.

На примагниченной селедке и коньячных «сливках» Жмачкин прибрахлился, обстроился, приобрел дачу, в которой души не чаял. А детей не было, выходила Жмачкиному роду судьба увянуть на корню. О бездетности Жмачкин жалел до тех пор, пока у Петьки Косого трехлетний сынишка не изрезал ножницами облигации «золотого» займа. Крупную сумму изрезал, пустил на мусор все Петькины долголетние и нетрудовые накопления. Петька мальчика крепко выпорол, а Жмачкин с этим наказанием в душе согласился и перестал думать о детях.

...Чуть вечерело. Жмачкин подсчитал субботний барыш и побрился в четвертый за день раз. Борода росла очень уж напористо. «Болезнь, что ли, такая?» — подумал Жмачкин. Другие лысыми ходят, последний волос винтом по лысине укладывают, а у него, наоборот, излишки по волосам. Мазь какую против бороды купить, что ли?

Знакомая буфетчица остолбенела, когда Жmachкин подошел за кружкой пива.

— Какой вы сегодня! Красавчик! — засюсюкала она. — Помолодели! Бородку отпускаете? Это теперь модно! Тут к нам художник приходил, молоденький, на стекле раков рисовал, тоже с бородкой...

Помолодел! Верно! С ним что-то случилось, а буфетчица отыскала слово, которое попало в самую главную точку. Он и в зеркало боялся смотреть, брился на ощупь. На голове-то волосы тоже закурчавились и потемнели до сизи. Когда это было, что его за смоляной волос цыганом девчата дразнили? Лет двадцать назад? Не припомнить. Разве о кудрях думалось, когда в магазинной подсобке шприцем вино из бутылок вытягивал?

Помолодел! Представь себе, Жmachкин, что ты и в самом деле омолодился. Смешно! С паспортом неувязочка получится, недовес по годам. Слыхал ты нечто подобное? Нет. И никто не слыхал. А тут — приходишь в амбулаторию: здрасть, товарищ доктор, я омолодился. Как? Что? Шум, треск. Сестрички, конечно, из соседних кабинетов сбегаются. Академики на собственных машинах приезжают. Фотографии в газетах. И Жmachкину крышка, все его барыши кастрюлькой накрылись. Жить не дадут! Посадят на манную кашу, ради науки исследовать начнут. Захочешь пива холодненького, а тебе — манную кашу. Затиснут в какой-нибудь научный институт, заставят жить благородно. Академики, конечно, на Жmachкином омоложении большие деньги заработают, сами будут дома по коньячку прохаживаться, а ему кашу с витамином и пижаму больничную.

А он не хочет!

Что-то неведомое и слишком большое навалива-

лось на Жmachкина, непосильное для мелкой его души и мелких его мыслей.

Мертвая пустая дача ждала его. Впрочем, в тот день голубая вода подземного источника все изменила, и дача ожила. Ручеек голубой воды добрался до забора, наткнулся на столб, изменил направление, потек вдоль границ Жmachкиных владений, пропитал землю, в которую были вкопаны столбы, и забор преобразился. Жmachкин гордился своим забором. На плотно притиснутые, паз в паз, доски, что стояли глухой стеной, он набил второй слой досок вдоль и внахлестку. Сейчас из каждого сучка, из каждой грешины в серых досках торчали зеленые, коричневые, розовые, бледно-зеленые и коричнево-красные побеги. На многих молодых побегах набухли почки, а кое-где почки уже лопнули, выпуская на волю влажные листья.

Но листья на заборе Жmachкин увидел не сразу. Первое, что он увидел, — яблоки. Крупные, с ярко-красными прожилками, они пригнули своей сочной тяжестью ветки яблони, растущей возле калитки. Жmachкин подумал, что он сходит с ума или выпил слишком много. Вперемежку с яблоками дерево усыпали бело-розовые цветы. Яблоня цвела и плодоносила одновременно, а на дворе октябрь... Жmachкин дотронулся до яблока и глупо ухмыльнулся... Расцвели яблони и груши... Осекся, услышав журчание воды. За то время, пока он в своей «Скупке» перебирал рубли и трешницы, голубые струи набрали силу и теперь журчали, звенели, плескались, наполняя весь сад звоном и ароматом. Жmachкин увидел голубой фонтан, вспомнил, что этой ночью он спал, уткнувшись лицом в приятно пахнущую влажную землю, ощутил на лице шелковистую, упругую бороду и смут-

но осознал, что есть прямая связь между яблоками, бородой, молодыми осинами, выросшими на месте скамьи, и голубой водой, распространяющей вокруг себя удивительный запах бодрости и свежести.

Пройти к самой даче оказалось нелегко — прочный ковер жесткой травы доходил Жмачкину почти до пояса. До крыльца дачи было двадцать два шага — Жмачкин измерил свое владение вдоль и поперек. Сегодня пришлось двадцать два раза выдирать ноги из плотной путаницы травяных капканов. Еще утром травы не было. А дача... Она цвела! Вся дача была покрыта цветами. Тесовая обшивка стен выпустила из себя тысячи голубых цветов...

Можно торговать цветами или яблоками, подумал Жмачкин. Цветы сейчас дорогие. Если оборвать цветы со всех стен и завернуть букеты в целлофан, за каждый букет можно просить два рубля. Дадут! Дураки дадут! А потом дураки припрут на дачу и увидят цветущие стены. Они отдерут доски, а под досками-то кирпич! Вот у него какая дача! Каменная. А вы как думали? Каменная, ей цены нет. А старые доски — для маскировочки. Дача-то двойная! Накось, выкуси! Бедный Жмачкин кое-как сколотил себе хибарку на старости лет — вы так думали? Стены в полтора кирпича — вот как! Когда отдерут доски, все откроется. Будут копать на его участке. А здесь в земле тайком и газ проложен и водопровод. Жмачкин желает жить с удобствами и ничего за них не платить. У него ванна в доме имеется. Думали, Жмачкин в бане веничком махает? Такие его удовольствия? Начнут копать, до главного докопаются — до «сливок», что с коньяка снимал, до магнита под весами. Приедут из газет, и загремел Жмачкин, загремел. Другим, конечно, польза — кому

омоложение, волосы на лысине, кому яблоки зимой и осенью, а ему — крышка. Ему лично голубая вода ни к чему, ему лично пользы не будет. Заткнуть глотку голубому источнику, вот что надо, зашлепать его глиной, завалить каменюгами, задавить... Он рванул со столба веранды охапку голубых цветов, занозил руку, выругался и тут же испугался собственной ругани — вдруг услышит кто-нибудь, подсмотрит, как ругается Жmachкин на облепленную цветами дачу. Схватил тяжелую совковую лопату и воткнул ее в кучу слежавшейся глины, приготовленной для фундамента давно задуманной пристройки.

— Я тебя звал? — зашипел Жmachкин и подкрался к голубому фонтану с полной лопатой глины. — Я тебе разрешал?

Он с наслаждением шмякнул глину на звенящие струи. Упруго выскользнув из-под глиняной лепешки, голубая вода веером брызг ударила в Жmachкина.

...— Не нравится? Не уважаешь? — бормотал Жmachкин, ляпая глину на упрямый фонтан и путаясь в жесткой траве. — Ты кто? Ты зачем? Мне без тебя плохо было? Да? Плохо? Погубить думаешь, гадина? Я тебе глотку-то враз заткну! Заткну! Заткну!

Наконец ему показалось, что он добился своего.

На том месте, где только что бил подземный ключ, теперь лежала бесформенная куча сизой и мокрой глины. Жmachкин воткнул лопату в эту кучу, словно утверждая памятник на могильном холме, и, с наслаждением освобождаясь от душевной тяжести, плюнул на холмик...

Маленькая кухонька с никудышным столиком, покрытым клеенкой, и старым венским стулом тоже была маскировкой. За дверью, похожей просто на дверь узкого стенного шкафчика, находилась настоящая

роскошная кухня — без окна, но освещенная современными польскими светильниками, с тремя холодильниками и шведским книжным шкафом.

Жмачкин болезненно любил поесть. Он был едоком особого сорта, наркоманом от еды, тайным обжорой и лакомкой втихую. Холодильники хранили югославскую ветчину в жестянках, своими округло-продолговатыми формами напоминавших свиной окорок, датские сыры, обернутые серебряной фольгой, греческие маслины в вощенной бумаге, венгерские ромовые конфеты, индийский растворимый кофе... Жмачкин уважал яркие этикетки с иностранными словами и потому купил как-то два десятка банок английской питательной смеси для младенцев. Даже приправленная перцем смесь оказалась тошнотворно-безвкусной, и банки пришлось выбросить. Впрочем, припасы свои он обновлял обильно, и так же обильно они портились. Тухлятину Жмачкин скармливал своему псу-сторожу. Жалея выбрасывать дорогую провизию, Жмачкин дожидался, пока тухлятины накопится много, и пес каждый раз шалел от обилия внезапно обрушивавшейся на него еды. Некоторые продукты, к примеру маслины и грибы, пес упрямо не жрал, и их приходилось ночью закапывать в землю.

В шведском книжном шкафу хранились поваренные книги. Пожелтевшие, в которых специи отмерялись лотами и унциями, первые послевоенные, рекомендующие капустные котлеты, и самые новые, в лакированных суперобложках. Но книги эти Жмачкин употреблял не к делу, а так — вприглядку. Запинаясь, читал вслух мудреные поварские рецепты, всухомятку поглощая консервы и колбасы. Стряпать что-нибудь стоящее — горячее и ароматное — опа-

сался: вдруг лакомый запах ползет из трубы и щелей, разнесется по всему поселку?

Одолев в тяжелом единоборстве непонятный, угрожающий сломать его благополучие источник голубой воды, Жмачкин почувствовал усталость и голод. Ноги стали ватными и подкашивались, сосущая боль поднималась к сердцу, руки словно распухли и онемели, не различали предметов, которых касались, и действовали отдельно от него. Тупо уставясь в пространство, он не видел, как руки открыли холодильник, достали банки крабов и перца в маринаде. Во рту держался сладковатый привкус, и острые консервы не вызвали привычного чувства жадного аппетита. Он проглотил три стопки водки и облизал губы. Водка не ошеломила, не отстранила чувства тревоги и ожидания.

В кухне было тихо, как в склепе. Жмачкин посмотрел на влажные красные стручки перца и похолодел. Он вспомнил яблоки. Октябрь месяц и цветущая яблоня! Ветки с яблоками и цветами свешиваются через забор на улицу. Подходи, смотри, удивляйся! Все сбегутся, все! Забор, калитка — ничего не поможет. Он застонал и всхлипнул от жалости к самому себе... Конечно, людям заманчиво — яблоки за один день вырастают. А Жмачкину это ни к чему, ему и так хватает, он скупкой занимается, а не яблоками. Он за свое кровное драться будет! Сад — под топор, из яблонь костер, все спалит, а не отдаст!

...Яркая луна освещала сад. Незнакомые и дикие кусты плотной стеной торчали перед самым крыльцом. Они успели вымахать в рост человека, пока Жмачкин пил водку. Пушистые шары одевали кусты сверху. Жмачкин рванул тугие и жирные стебли, которые обильно брызнули соком. Сок залил лицо, и

губы почувствовали нестерпимую горечь. Пушистые шары словно взорвались, и пух облепил волосы, лицо, плечи, залитые горьким белым соком. Жмачкин понял, что попал в заросли гигантских одуванчиков. Значит, голубой фонтан продолжал действовать.

— Плохо я тебя заткнул, гада, — с ненавистью прохрипел Жмачкин.

Со злой радостью вспомнил, что за кустами малины лежит груда камней. Хороший бутовый камень, кубометров пять. Сейчас он завалит фонтан камнями, наворотит столько каменюг, что уж тому не выбраться, не просочиться! Он шагнул вперед, продираясь сквозь мясистые стволы одуванчиков, и упал. Побег ползучего лютика оплетали заросли одуванчиков. Золотисто-желтые цветы, каждый величиной с блюдце, осыпали Жмачкина едкой пылью. Он запутался в цепких побегах и пополз, волоча за собой ворох стеблей, листьев, цветов. Ядовитая пыльца жгла глаза, сломанные одуванчики поливали его горьким соком, темно-пурпуровый болотный сабельник захлестнул шею прочным железистым побегом и едва не задушил. Так он дополз до кустов малины. Но продаться сквозь малину не смог. Она чудовищно выросла, и тонкие красноватые шипы, с сапожную иглу каждый, вонзились в тело, протыкая байковую рубаху и кожу ботинок. Жмачкина трясло, озноб и жар волнами ходили по телу... Вот бы сейчас чаю с малиновым вареньем...

Жмачкин побрел в обход колючих зарослей. Там, за малиной, лежат камни, пять кубометров камня, он навалит их поверх холма из глины и задушит голубой ключ... Задушит... Потом он срубит яблони, скоро пойдет снег, все скроется под сугробами. Ему самому захотелось скрыться, бежать, спрятаться...

Снег все скроет, и никто ничего не узнает. Потом он продаст дачу. Зачем она ему? А может быть, ничего и нет? Ничего не случилось, все ему кажется — голубой фонтан, цветущая яблоня, одуванчики с него ростом? Он стиснул кулаки и вскрикнул от боли. Сам себе вогнал в ладонь шипы малины...

Собрался дождь, черные тучи заслонили луну, в темноте Жмачкин наткнулся на острые камни и больно поранил ногу. Голубые струи звенели почти рядом, они пробились сквозь глину и опять хозяйничают на его кровном участке. Творят, что захочется, на заборе цветочки выращивают, скамейку сломали... Тихую, удобную жизнь сломали...

Прислушиваясь к шипящему звону воды, он бросил первый камень. Тот сочно шлепнулся в мокрую глину, Жмачкин прислушался, источник звенел по-прежнему. Тяжело дыша, сбивая в кровь руки, он бросал камень за камнем туда, где звенел и плескался подземный ключ. Вдруг дождь зашумел сильнее и слитно, заглушил прерывистый звон. Тогда Жмачкин шагнул в темноту, зашарил руками во мраке, пока теплые и упругие водяные струи не ударили в лицо. Он ощупью отыскал несколько камней, положил их друг на друга, с трудом зацепил негнушимися руками и разом обрушился на ненавистный источник. Скользящая глина ушла из-под ног, он упал и покатился в сторону, сминая телом чудовищно огромные бледные поганки. Белые слизистые хлопья размазались по лицу, залепили глаза. Он тяжело ушиб голову о камень и замер, затих. Гигантский рогатый лядвенец высыпал на него черные бобы...

Только через два дня, когда под напором буйной растительности рухнул забор и цветущие вишни шагнули на улицу к людям, а весь поселок сбежался

смотреть невиданное, Жмачкина нашли. Его быстро привели в чувство, тем более что голубая вода источника не дала ему умереть, заплатила, так сказать, добром за зло, успев в два дня залечить многочисленные царапины и раны на голове.

Но сам источник перестал существовать. То ли заглох, не выдержав последней груды камней, что навалил на него Жмачкин, и ушел неизвестно куда, пробив себе новую дорогу. То ли так же неожиданно исчез, как и появился, в результате новых подземных катастроф и происшествий. Ушел, исчез, провалился сквозь землю! Что несла голубая вода, что скрывала? Может быть, клад микроэлементов особого сочетания, может быть, ростовые вещества, сконцентрированные в подземном озере? А может стать ся, и другие ускорители, стимуляторы и катализаторы, рецепты которых пока — за семью печатями?

Но голубую воду ищут и уверены, что рано или поздно все равно найдут...

Что касается Жмачкина, то он, убоявшись ревизии и всех последних событий, уехал, не оставив после себя ничего памятного.

КОРИФЕЙ, ИЛИ УМЕНИЕ ДИСКУТИРОВАТЬ

(Рассказ-руководство)

Клянусь своими одиннадцатью щупальцами (у всех марсиан ровно одиннадцать щупалец), что никто лучше меня не умеет вести научные дискуссии! Кстати, на своем собственном опыте я убедился, что всевозможные научные конференции, симпозиумы и коллоквиумы преследуют в основном две благие цели: во-первых, они укрепляют финансовое положение тех организаций, которые сдают в аренду свои дворцы, залы, коридоры и туалетные комнаты для проведения этих совещаний, во-вторых, чрезвычайно оживляется работа сухопутного и воздушного транспорта. Дюжина хороших, густонаселенных конференций — и план перевозок пассажиров Главмарстрансом перевыполнен. Для экономического процветания транспорта особенно полезно собирать совещание по освоению знойных марсианских пустынь где-нибудь возле Южного полюса и, наоборот, коллоквиум по использованию полярных снежных шапок — на экваторе. Тогда встречные перевозки участников совещаний приобретают массовый характер.

Кроме того, конференции способствуют обмену мнений и установлению личных контактов, что также полезно. Но главное — умение дискутировать!

Началось все с того, что мы с Уткой-Бобом забрели в чудный ресторанчик «Под Юпитером» на берегу канала имени Ловелла. Через два часа я уже не мог сообразить, какие шупальца следует прятать под стол, а какими держать рюмку и бутерброд с ветчиной. Именно в этот момент Утка-Боб вспомнил, что приглашен на дискуссию по поводу кинематической архитектуры. Знаете, модное тогда увлечение, когда строили вертящиеся небоскребы, дома-качалки, шагающие санатории и прочие сооружения, которые немилосердно скрипели на ходу и вызывали головокружение у их обитателей. Так вот, в дискуссионном клубе мне приглянулась одна очаровательная архитекторша с бледно-инфракрасными глазами. В архитектуре я ничего не понимаю. У меня другая, более серьезная специальность. Но инфракрасные глаза умоляли меня: «Покажи, на что ты способен!» Я, наконец, сообразил, куда девать свои шупальца, и положил их все на председательский стол. Архитекторы замерли, ожидая скандала, и в наступившей тишине я произнес пламенную речь. Последние два дня мне пришлось изучать справочник по кристаллографии, и теперь это крайне пригодилось. Я загремел на весь зал:

— Посмотрите на свои творения! Что вы видите? Вульгарные цилиндры и смехотворные ортогональные параллелепипеды. Устарелые формы, скудость воображения! Куда же делись полногранники, полугранники и тетраэдры? Куда, я вас спрашиваю? Где опьяняющие формы бисфероидов? Где тороиды, трапецоедры и додекаэдры? Где творения гексаэдри-

стов? Их нет. Все пирамидальное и бипирамидальное ускользает от вас. Вы не можете насладиться и блаженством симметрии, представляемой нам теорией пространственных групп...

Из дискуссионного клуба восхищенные и ошеломленные моей эрудицией архитекторы вынесли меня на щупальцах. Инфракрасные глаза светились обожанием. Я понял, что для ведения научного спора вовсе не обязательно понимать суть дела. Вполне достаточно прибегнуть к тому, что я впоследствии назвал методом девиации — отклонения или отвлечения. Справедливости ради скажу — авторство метода принадлежит не мне. Удалось выяснить, что исторически метод родился на экзамене по зоологии у профессора Даша-Гида. Профессор всегда спрашивал студентов исключительно о червях. Естественно, что студенты, перегруженные и влюбленные, тоже занимались только червями. Но однажды, когда Даша-Гид проэкзаменовал двадцать человек и был сыт червями по горло, двадцать первого студента он попросил рассказать о слоне. Студент сказал: «Слон — это млекопитающее, земное животное, с длинным червеобразным хоботом. Черви подразделяются на следующие группы...» Таким образом, экзаменуемый, спасая себя, стихийно применил метод девиации — метод отвлечения от настоящего предмета дискуссии. Экзамен, кстати, есть разновидность часто встречающейся формы дискуссии, где один из ее участников, в силу своего официального положения, явно довлеет над другими.

Перескочить с архитектуры на кристаллографию мне помогли очаровательные глаза. Как вы понимаете, рекомендовать такого рода катализатор для всех случаев научных споров невозможно. Его просто мо-

жет не оказаться под рукой. Поэтому, забегая вперед, скажу: в руководстве «Искусство дискутировать», которое я составил для себя лично, предусмотрено, что метод девиации следует применять в двух случаях. Во-первых, если вы ни бельмеса не смыслите в предмете спора. Во-вторых, для того, чтобы, начав с восхищения интересными результатами, полученными докладчиком, как можно скорее получить возможность хвастаться собственными исследованиями, не имеющими ничего общего с обсуждаемым вопросом. И в том и в другом случае следует прибегнуть к грубой форме девиации и, например, на симпозиуме биохимиков заявить: «Прежде чем говорить о синтезе полисахаридов, я скажу о пыльных бурях». Более тонко можно перескочить с одной орбиты на другую при помощи фразы: «В своих перспективных исследованиях полисахаридов уважаемый докладчик не учел влияния пыльных бурь. Между тем...» Далее выкладывайте о своих любимых пыльных бурях все, что знаете. Не стесняйтесь! Лишь в редких случаях недостаточно вежливый председатель под предлогом того, что вы говорите не на тему, может лишить вас слова.

...Через два дня после памятной дискуссии о кинематической архитектуре я проснулся рано утром с ощущением смутной тревоги. Неясные предчувствия сжимали грудь. На голубом подносе депешографа я нашел две депешограммы: приглашение на симпозиум по акклиматизации верблюжьей колючки и просьба принять участие в обсуждении доклада «Подголоски и модуляции» на вечере композиторов-полисимфонистов. Я кинулся к видеофону, чтобы немедленно отказаться от обсуждения колючек и подголосков. Но — увы! — меня приглашали потому, что

узнали о моем триумфе в дискуссионном клубе. Они жаждали моих мудрых слов по поводу акклиматизации колючек и модуляции подголосков! К тому же председателем общества композиторов-полисимфонистов оказался мой старый знакомый Елка-Как, с которым я каждое лето рыбачил в заливе Большой Сырт. Что касается двенадцати чудаков, занимающихся верблюжьей колючкой, то к ним я зашел просто из любопытства.

И погиб!

Докладчики и содокладчики залезали в самую гущу колючек и не могли из нее выбраться. К исходу девятого часа председательствующий ласково поманил меня щупальцами и попросил высказать свою точку зрения. Желая только одного — чтобы меня поскорее вышвырнули за дверь и никогда больше не вспоминали о моем существовании, я вскарабкался на кафедру и развязно брякнул:

— Я не знаю, зачем меня пригласили, но я могу говорить долго!

Эффект оказался прямо противоположный ожидаемому. Председательствующий, задрожав от благоговения, предложил не ограничивать «почтенного докладчика» во времени.

Так был сделан еще один роковой шаг на пути превращения меня во всезнающего Корифея.

К концу месяца я находил на подносе депешографа в среднем по четырнадцать приглашений в сутки. Я пробовал отказываться, ссылаясь на занятость, — увы, марсианские сутки лишь на сорок одну минуту больше земных! — но это приводило к еще более упорным просьбам. В подобных случаях устроители совещаний проявляют поистине садистскую настойчивость. А когда меня пригласили на

коллоквиум по трансквиритуализму (если бы хоть знать, что это такое!) и я пожаловался на плохую погоду, то за мной немедленно прислали «очень удобный» ракетомобиль последней марки (к счастью, у него на полпути распаялись дюзы и я сумел удрать домой).

Тех, кто может оказаться в моем положении, предупреждаю: не вздумайте мямлить по видеофону, что вам нездоровится. Ничего, кроме всепрощающей улыбки, эти жалкие увертки не вызовут. Вам простят — великодушно простят! — любое легкое недомогание, вроде инфаркта, отека легких или рака печени.

Можно точно представить, какой разговор предстоит приглашению вас на симпозиум по разведению пурпурных бактерий или на конференцию по смазочным маслам:

— Надо пригласить Старика! Он всегда так зажигает молодежь!

— Глубоко интеллигентный марсианин! Говорят, он играет на арфе?

— Поразительно! Как его на все хватает!

— Эрудит!

— Корифей!

— Энциклопедист!

— Если Старика не пригласить, он обидится...

— Непременно обидится!

Это я-то обижусь! Да я содрогался всем своим треугольным телом, чувствуя, что единожды наклеенный ярлык Эрудита и Корифея оторвать невозможно. Еще более убедил меня в этом случай на защите диссертации по актуальной бонистике (?). Я имел неосторожность совершенно искренне зая-

вить: «Я ничего не понял!» На этом защита диссертации прервалась, диссертанта увезли домой в состоянии глубокого шока. Вот что значит мнение Авторитета.

Впоследствии я неоднократно приканчивал любые дебаты одной только убийственной фразой: «Из доклада уважаемого коллеги я абсолютно ничего не понял». Подобное замечание в устах Авторитета означает интеллектуальную кончину для оратора. Никто и не помыслит, что Эрудит — невежа в данном вопросе или страдает старческой тугоухостью. Наоборот! Все поймут, что это лишь деликатный намек на то, что доклад — редкостная коллекция бессмыслиц. Правда, на коллоквиуме по биомеханике... или... нет, на конференции по частицам частиц... оратор пытался возражать. Я осадил его словами: «Ну что ж, вы думаете так, а я — иначе». Вопрос казался докладчику абсолютно ясным, но своими скептическими замечаниями я быстро довел его до белого каления, он потерял нить рассуждений, спутался и, наконец, замолк. Скептический метод ведения дискуссии восторжествовал, а я получил возможность выпить в буфете чашечку кофе.

Вообще скептический метод дискутирования прост, как кувшин. Если дискуссия идет среди химиков, спрашивайте: «Имели ли вы дело с действительно чистым веществом?» Поскольку на этот вопрос никогда нельзя дать абсолютно утвердительный ответ, доверие к докладчику подрывается, дискуссия угасает. Перед физиками скепсис легко проявить при помощи всего двух фраз: «И вы полагаете, что такая задача решается без квантовой механики?» или «Не кажется ли вам, что следовало бы учесть релятивистский эффект?». Такими общими замечаниями можно

безошибочно осадить любого докладчика и с приятным сознанием выполненного долга удалиться... чтобы успеть на совещание по углублению марсианских каналов или на симпозиум по сингулярным уравнениям.

У каждого марсианина есть свои маленькие слабости. Ничто марсианское мне не чуждо! Уступая естественному тщеславию и желая хоть как-то вознаградить себя за губительную потерю времени, я изобрел метод автоапофеоза или самоокуривания фимиамом. Это филигранная техника самовосхваления. Многие мои коллеги по дебатам прибегали к методу автоапофеоза, но стихийно и бессознательно. Я же поставил этот метод дискутирования на научную основу, выделив в нем две разновидности: биографическую и географическую.

Первая разновидность самовосхваления состоит в том, чтобы всячески, но как бы мимоходом и невзначай подчеркивать свои тесные связи с другими знаменитыми Корифеями. Учитывая, что большинство ученых редко опускается с Марса на Землю, лучше всего к месту и не к месту талдычить о своих близких знакомствах с земными Авторитетами. Звучит это так: «Припоминаю, я обсуждал подобный вопрос с моим дорогим коллегой Нильсом Бором...» Или так (как можно небрежнее!): «Недавно один мой друг, который только что получил вторую Нобелевскую премию, уверял меня...»

Но не зарывайтесь!

Упоминания о том, что на прошлой неделе вы завтракали с Ньютоном или обсуждали конструкцию масс-спектрографа с Аристотелем, могут вызвать отрицательный эффект даже со стороны наиболее легковых коллег.

Вторая — географическая — разновидность самовосхваления заключается в том, чтобы выставлять себя марсианином, много поездившим. Для этого унащайте свою речь замечаниями: «Как я уже говорил на конгрессе в Малаховке...», «Возвращаясь с коллоквиума на Юпитере...» и тому подобное. О поездках на Венеру не следует говорить из моральных соображений, о путешествиях по родному Марсу вспоминают лишь ученые невысоких рангов.

Забавы ради, именно в те дни я начал составлять руководство «Искусство дискутировать». Руководство продвигалось вперед семимильными шагами, а ступеньки, ведущие в мою лабораторию, ждали и не могли дожидаться, когда, наконец, мои шесть ног оставят следы на толстом слое пыли. Уникальная кристаллическая библиотека, посвященная интересующему меня вопросу и собранная буквально по кристаллику, рассыпалась в аморфную пыль. По ночам я просыпался с диким криком: «Прошу слова!», а утром, шатаясь от бессонницы, напяливал фрак и брел на конгресс по порхающим вездеходам.

Даже ежедневное и обильное применение метода автоапофеоза не приносило облегчения. Я вынашивал план мести и освобождения. Я решил подорвать свой Авторитет изнутри, открыть глаза всем устроителям совещаний и симпозиумов, что участие меня — Всеобъемлющего Авторитета — в их разнообразных совещаниях столь же нелепо, как и появление среди загорающих на пляже марсианина в герметическом скафандре.

С любителями дискуссий надо бороться их же собственным оружием! Я уже заметил, что даже наиболее стойкие участники дебатов сохраняют хорошую форму не более двенадцати часов. Тринадцатый час

оказывается роковым! Они или начинают клевать всеми тремя носами, или, судорожно зевая, перелистывать журнал «Все о марсианках». Поэтому, изучив накопленное, обобщив опыт и творчески его осмыслив, я остановился на трех методах ведения дискуссий, которые, как думалось, должны были основательно подмочить мою репутацию Корифея. Лучше всего назвать их методами «жевательной резинки» или «на колу висит мочало, начинай сначала...».

Все три метода удалось пустить в ход незамедлительно.

Тайно злорадствуя, я сидел на диспуте по молекулярной музыке молчаливый, как телеграфный столб. И лишь в тот момент, когда председательствующий томно произнес: «Поступило предложение прекратить прения», я попросил слова. Я преподнес молекулярным музыкантам хорошенькую пилюлю! Я повторил — в точности повторил, у меня отличная память — речь основного докладчика, выступления трех содокладчиков и всех участников дебатов. Я говорил действительно ДОЛГО! Я чувствовал, как приверженцы и хулители молекулярной музыки, разъединенные до того момента на бурно пререкающиеся группы, объединились в едином порыве — они жаждали содрать с меня кожу и натянуть ее на свои барабаны, а затем сыграть что-нибудь молекулярное на флейтах, сделанных из моих костей. Но им пришлось терпеть. Все же я — Корифей! А многие Корифеи только и делают, что занимаются повторением ранее сказанного. Зато больше они меня не приглашали. И не пригласят, клянусь вам Фобосом и Деймосом!

Вот так я употребил с пользой «метод повторения». Но высказать с точностью магнитофона все,

что говорили до вас, — такое требует напряженного внимания и крайне утомляет.

Зато два других метода, тоже относящиеся к разделу «жевательной резинки», изящны и элегантны, как шпага и рапира.

Иногда достаточно уцепиться за одно лишь слово! На симпозиуме по ароматической гистохимии я задремал, и сквозь дрему в мозг прокралось только одно прилагательное «зеленое». Проснувшись, когда сосед уронил на мои щупальца здоровенную глыбу кристаллического справочника, я принялся соображать, что там такое могло быть «зеленое» у этих ароматических гистохимиков. Зеленая ящерица, зеленые волосы, зеленое одеяло, зеленое вещество. Да, скорее всего зеленое вещество. Что бы вы сделали, выудив из доклада одно только зеленое вещество? Скромно промолчали? Какая наивность! Я применил «метод преднамеренного недоразумения». Я встал и сказал:

— Уважаемый докладчик говорил, что он получил соединение серого цвета! Однако этого не может быть! Более того, исходя из общих теоретических предпосылок, я утверждаю, что цвет должен быть только зеленым! В крайнем случае — с сероватым оттенком. Непонятно, как такой очевидный факт мог ускользнуть от докладчика...

Извиваясь всем телом, докладчик робко возразил:

— Я хочу обратить внимание уважаемого коллеги на недоразумение. В своем докладе я как раз и сказал, что вещество было зеленого цвета. Это для меня приятный сюрприз, что теоретические соображения тоже требуют зеленого или серо-зеленого цвета. И если тщательно проанализировать результаты

опытов, то действительно, в соответствии с теоретическими выкладками уважаемого оппонента, вещество определенно имело сероватый оттенок...

Как видите, метод преднамеренного недоразумения бесхитростен, но в высшей степени эффективен! Область применения абсолютно универсальна. Даже если, подобно тому студенту, вы всю жизнь учили только одних червей, вы можете с блеском выступать на семинарах по баллистике, юмористике, сфрагистике и любой другой «истике». Действуйте смело! Выдирайте из доклада какое-нибудь положение, выворачивайте его наизнанку и подсовывайте в качестве дискуссионного вопроса. Промашки не будет!

Правда, метод преднамеренного недоразумения лишен подлинно дискуссионной остроты. Но некоторые мои бесхребетные коллеги (не у всех марсиан есть позвоночник) пользуются им часто и с пользой для себя. Зато как метод затяжек, проволочек и толчеи воды в ступе он служил мне бесподобно...

Украшением раздела «жевательной резинки» я считаю «метод модификации граничных условий». Он прост, но эта простота зиждется на долголетнем опыте многоискушенных в диспутах. Он прост, но это простота гениальности. Он... Я трепетал от наслаждения, записывая золотым стержнем на гранях искусственного сапфира краткое изложение метода. Пусть, например, докладчик говорит, что опыт проводился при давлении десять атмосфер. Поинтересуйтесь многозначительно: «А не приходилось ли вам работать при двадцати атмосферах? Может быть, имеет смысл еще более существенно повысить давление?» Варьируя температуру, давление и другие параметры, нетрудно сформулировать массу аналогичных вопросов. Насчет температуры соблюдайте осторожность.

Не обожгитесь! Вопрос: «Почему вы не продолжили ваши эксперименты при температуре минус триста градусов?» — может показаться чересчур смелым.

Метод модификации граничных условий не требует знаний, опыта, интеллекта. Провал практически невозможен, зато легко прослыть многоопытным мужем, смело заглядывающим далеко вперед, в будущее. Наверняка кое-кому методы «жевательной резинки» принесли славу и почести.

Я жаждал только одного: пусть все поймут, что мои высокоавторитетные высказывания нестерпимо тянут резину и отнимают время у действительно деловито настроенных участников ДДД — Диспутов, Дискуссий, Дебатов. Кажется, удалось! Количество приглашений на ДДД стало убывать. И все же... Как велика сила инерции! Голубой поднос депешографа все еще приносил пригласительные депешограммы на обсуждение проблем облысения, выращивания марсианских огурцов и применения водорослей в кондитерской промышленности. Я понял, что древо современной науки настолько ветвисто и развесисто, что под его сенью могут раскинуть свои палатки тысячи конференций, даже не подозревающих о существовании друг друга.

Разве симпозиум мукомолов знает, как я вывел из терпения молекулярных музыкантов? Разве палеоботаники подозревают, что я могу утопить их в океане «модифицированных» вопросов, как уже утопил однажды гистохимиков и неолингвистов?

Необходимо было сотворить нечто ужасное! Такое, чтобы слух о нем разнесся повсюду! Чтобы смутились сердца всех устроителей ДДД, а их привычка приглашать к себе Авторитета и Эрудита развея-

лась бы, как дым сигареты под раструбом тысячесильного вентилятора.

И я употребил смертоносный метод «дурацкого вопроса». Исключительно опасный для докладчика метод! Применять с осторожностью!

Когда диссертант уже истратил два грузовых ракетомобиля красноречия и звание кандидата нейрокибернетических наук казалось ему столь же реальным, как восход солнца, я спросил, извиняюще улыбаясь:

— Позвольте мне задать совсем глупый вопрос. Как на основании вашей теории спроектировать малогабаритный вечный двигатель?

— Малогабаритный? — пролепетал диссертант.

Я словно увидел, как в его треугольном мозгу пронеслось: «Срезал!» У него подкосились щупальца... Нокаут!

Нет противоядий против метода «дурацкого вопроса». Ничто не может спасти — ни величайшая бдительность, ни гранитное самообладание. Уже само предварительное замечание, что вопрос глупый, то есть якобы простой и безобидный, — коварный удар из-за угла. Затем следует исключительно затруднительный вопрос, на который заведомо нельзя ответить. Нокаут!

Таким способом моя нетерпимость, мое коварство и вероломство стали очевидными, а риск, связанный с приглашением меня на ДДД, стал слишком велик. Поток пригласительных депешограмм иссяк, как струйка воды из плотно закрученного крана. Научная методология дискутирования праздновала победу!

Наконец-то я вернулся к любимому делу. Я занимаюсь классификацией запахов звезд и туманно-

стей. В этой области я Корифей! И только. Не вздумайте звать меня на симпозиумы и конференции, посвященные матричной алгебре или геоморфологии. Вам же будет хуже! Я очень зол! Предупреждаю, в моем руководстве «Искусство дискутировать» двести восемьдесят три метода ведения дискуссий. Я предусмотрительно познакомил вас только с некоторыми из них. Не с самыми опасными...

ВЕСЕЛЬЧАК ЖАКО

Когда мистер Хэссоп, въедливый и заносчивый холостяк пятидесяти шести лет от роду, прозванный сослуживцами мистер Фыркалка, вернулся домой, он подумал, что в его квартире побывало стадо взбесившихся мартышек. Лежащий у вешалки с незапамятных времен шотландский коврик был аккуратно разодран на длинные ленты, а ленты повешены на подставку для зонтиков. От самого порога в глубь квартиры вела дорожка из тускло блестевших разноцветных обломков. Сердце мистера Хэссопа облилось кровью, когда он обнаружил, что эти обломки — тщательно перемолотая коллекция фаянсовых кружек — призы охотничьего клуба, ревниво хранимые много лет. Кто-то злобно надругался и над библиотекой мистера Хэссопа. Часть книг была выброшена из шкафа на балкон и заменена конфорками от электрической плиты. Тот же злой дух воткнул в цветочные вазы букеты из старых носков и залоснившихся галстуков, выбил пару форточек, искромсал ножницами домашние туфли мистера Хэссопа и облил малиновым сиропом его холостяцкое ложе.

Мистер Хэссоп всего лишь неделю назад приобрел у фирмы «Домашние автоматические услуги» универсального домашнего робота марки «Вобл-17».

И хотя Хэссоп-Фыркалка работал всего лишь старшим бухгалтером, в технике не разбирался и даже под угрозой смертной казни не смог бы починить перегоревший электрический камин, он все же сразу понял, что виной всему является этот механический поддон, эта грязная железная кукла, эта бракованная куча жестяного хлама, которую ему подсунули юркие агенты «Домашних автоматических услуг». Задохаясь от бешенства, наступив по дороге на расплюснутый в лепешку серебряный кофейник, Хэссоп влетел на кухню. Домашний робот «Бобл-17» спокойно сидел в углу возле любимой штепсельной розетки, от которой он обычно питался, зажав в железном кулачище вещественное доказательство своей вины — кусок шотландского коврика.

Вне себя от ярости Хэссоп набрал номер «Домашних автоматических услуг» и обрушил на служащего фирмы столь горячую обвинительную речь, что телефонные провода раскалились докрасна и на всем протяжении телефонной линии от Сентринга до Норфолк-авеню запахло жженой изоляцией. В ответ на это служащий сказал, что роботы типа «Бобл» абсолютно надежны и безотказны, что мистер Как-Вас-Там должен, во-первых, снизить на тысячу оборотов скорость своей говорильной машинки, а во-вторых, припомнить, сколько стаканчиков джина он влил в себя по дороге домой.

Хэссоп превратился в действующий вулкан, он бросил трубку так, что на том конце провода из аппарата посыпались искры, он вытряхнул из своей авторучки чернила и наполнил ее желчью, смешанной с ядом. Этим губительным составом Хэссоп написал самую язвительную телеграмму со дня изобретения телеграфа.

Лечь в постель, пропитанную липким сиропом, старший бухгалтер не решился, а жесткий диван и неприятности превратили ночь в цепь кошмаров.

Зато утром справедливая настойчивость мистера Хэссопа восторжествовала! Двое рабочих, одетых в ярко-желтые комбинезоны с эмблемой «Домашних автоматических услуг» — радиолампы на фоне кипящей кастрюли, — привезли нового робота марки «Бобл-18». Телеграмма подействовала!

«Бобл-18» покачал квадратной головой при виде беспорядка, царившего в квартире, расправил сплюснутый его предшественником кофейник, приготовил кофе а-ля принц Альберт, почистил шляпу мистера Хэссопа и, несколько шепелявя, пожелал ему «Больших успехов!».

Вечер принес Хэссопу еще более приятный сюрприз. Сам президент фирмы прислал письмо, принося свои глубочайшие извинения, уведомляя о суровом наказании грубияна служащего, извещая о том, что робот «Бобл-18» прошел двухмесячные испытания в специально оборудованной квартире, что все его важнейшие узлы запломбированы собственноручно главным кибернетиком фирмы, что хотя «Бобл-18» стоит значительно дороже «Бобла» под номером семнадцать, фирма берет на себя эту разницу в ценах, точно так же как и возмещение ущерба, нанесенного имуществу многоуважаемого мистера Хэссопа. Одновременно глава «Домашних автоматических услуг» счел необходимым со всей почтительностью уведомить мистера Хэссопа, что «Бобл-17» разобран на 48 453 детали в присутствии опытейших специалистов фирмы, но никаких скрытых изъянов и поломок обнаружено не было.

Письмо сладостно щекотало болезненное самолю-

бие мистера Фыркалки, и он прочел его залпом, не отрываясь, стоя в передней. Потом привычным жестом протянул руку, чтобы открыть дверь в комнату. Рука повисла в воздухе. Двери не было! И все прочие дверные проемы в квартире зияли пустотой. Все двери оказались снятыми с петель и превращенными в щепки. Посреди комнаты лежала выломанная балконная решетка. Между прутьями решетки торчали ножки дивана и обломки письменного стола. Груда обломков была живописно задрапирована какими-то разноцветными тряпками, в которых Хэссоп узнал остатки своих костюмов.

Мистер Фыркалка остолбенел. Страх и ярость схватили его за ноги и приковали к паркету. Но квартира жила своей сумасшедшей жизнью. Из открытых кранов издевательски громко хлестала вода, сквозняки крутили маленькие смерчи белой известковой пыли, а в глубине квартиры кто-то пронзительно и жалобно визжал. Трепеща от мысли, что там совершается какое-то ужасное преступление, старший бухгалтер нашел в себе силы оторваться от пола. В дальней комнате он увидел «Бобла-18». Зажав между железными ножищами новенький телевизор, робот перепиливал его электрической пилой. Пила звонко визжала. «Бобл-18» оторвался от работы и посмотрел на своего хозяина безумными зелеными глазами. Бухгалтер тихо застонал и повалился на груды обломков. Белое облачко известковой пыли припорошило его лицо.

...Очнулся Хэссоп в больнице. Он поманил рукой сестру и слабым голосом попросил позвать к нему всех газетчиков, до каких только сможет дозвониться милая сестра. Да поскорее, черт возьми! Он должен рассказать всему миру о гнусном заговоре, учинен-

ном против него этими разбойниками из «Домашних автоматических услуг».

— Джентльмены, — сказал президент «Домашних автоматических услуг», — боюсь, что к вечеру все наши акции будут стоить меньше рулона туалетной бумаги. Мы висим на волоске из теста! Полюбуйтесь, что пишут утренние газеты: «Домашние роботы вышли из повиновения. Компания автоматических услуг развязала бунт машин!» Мистер Эк, сколько клиентов уже отказались от наших услуг?

Мистер Эк, главный консультант по сбыту, посмотрел в светящийся блокнот:

— На двенадцать часов — восемнадцать тысяч двести сорок.

— Все! Мы накануне краха! Я все же хотел бы услышать мнение главного кибернетика.

— Мне кажется, что действие мультистабильной системы может показаться хаотичным, так как активность перераспределяется среди подсистем в видимом беспорядке, однако основная тенденция направлена к адаптации. Хотя, конечно, ретроградное торможение...

— Достаточно! Ваши советы, как всегда, удивительно практичны. Но вы, мистер Мом, что вы скажете? Вся эта история, как мне кажется, именно по вашей части.

— Я скажу, я скажу, — нервно засуетился мистер Мом, главный психолог фирмы. — Они спятили! «Боблы» спятили!

— Фу! — фыркнул консультант по сбыту. — Что-бы спятить, надо иметь мозги. А у «Боблов» их нет.

— Нет, есть! Нет, есть! Вы недавно рассказывали мне, как ваш трехлетний Джимми отличает двухпенсовую монету от однопенсовой, и не сомневались, что он гениальный ребенок. А «Боблы» способны рассчи-

тать бюджет семьи из пяти человек на год вперед. В наше время это не так просто! Так почему же вы считаете его безмозглым?

— Выходит, «Бобл» настолько умен, что мог рехнуться?

— Вот именно! Вот именно! У многих людей разум проявляется тоже только тогда, когда они сумеют здорово спятить.

— Да вы понимаете, что вы говорите? — завопил консультант по сбыту. — Ведь мы их продаем! Продаем! Если они могут спятить, значит, они живые, а мы с вами — работоторговцы!

— Джентльмены, не будем стричь шерсть на спине черепахи. Займемся делом. Торгуем ли мы рабами или механическими куклами — не в этом суть. Ясно, что случилось нечто сверхъестественное! «Боблы» вышли из повиновения. Я страшусь произнести эти слова, но это действительно Бунт Машин. Если мы не примем мер, последствия будут ужасны и непредсказуемы. На карте стоит репутация фирмы и судьба человечества! Это исторический миг! Это тревожный удар гонга, призывающий к схватке на Великом Ринге! Мистер Эк, доложите всем и как можно подробнее, какие меры вы приняли.

— Как известно, все «Боблы» выполняют голосовые приказы только своих хозяев. «Бобл-18» повинуется только мистеру Хэссопу, который находится в больнице. Внутри «Бобла-18» помещен звуковой отпечаток голоса Хэссопа, поэтому наши агенты не могут вызвать его из квартиры. Он и сейчас там, но дом оцеплен полицией. Мы послали туда также пожарников, которые захватили с собой крепкие металлические сети, чтобы накинуть их на «Бобла», если он начнет буйствовать. Но пока все спокойно. Как доносят

наши частные сыщики, «Бобл» спит на обломках кровати. После первых газетных сообщений к нам обратилась Лига Тайных Гипнотизеров. Они предлагают загипнотизировать «Бобла». Просят на эту операцию тысячу монет.

— Не будем пренебрегать ничем. Вызывайте гипнотизера.

— Уже сделано. Есть еще молодая леди — с весьма хорошими рекомендациями от Общества Бесшабашных Ведьм. Она берется изгнать из «Бобла» злого духа, если тот вселился в беднягу. Работает даром, только ради рекламы.

— Отлично. Хорошая ведьма всегда кстати. Все?

— Нет. Приехал Джим Адамс, известный наблюдатель летающих блюд. Утверждает, что «Бобл» — тайный агент плутонцев... э... жителей Плутона. Берется поговорить с «Боблом» на плутонском языке. Прибыл также известный телепат. Намеревается установить с «Боблом» телепатическую связь...

— А я все же думаю, что у «Бобла» комплекс неполноценности, — не выдержал главный психолог. — Он сам себе кажется слишком умным и не желает мыть тарелки. Это его унижает!

— Вероятно, он хочет занять мое кресло? — ядовито осведомился глава «Домашних услуг». — Джентльмены, стоя на месте, делает свое дело только почтовый ящик. Едем на квартиру мистера Хэссопа!

В машину президента фирмы сели мистер Мом и мистер Эк. Кибернетик и молодая леди из Общества Бесшабашных Ведьм заняли вторую машину. Тайный Гипнотизер, известный телепат и мистер Адамс, специалист по летающим блюдам, ехали порознь. Они мчались так быстро, как молния, смазанная жиром.

Подступы к дому, где жил Хэссоп, запрудила толпа. Роскошная блондинка в позолоченном цилиндре держала транспарант: «Домашние хозяйки — против «Боблов»! Не отдавайте свои дома на растерзание «Боблам»!»

— Это подстроили конкуренты! — зашипел консультант по сбыту. — Капрал, идите с нами!

Перед квартирой Хэссопа все затаили дыхание. Минуту они стояли молча, прислушиваясь к тишине, сочившейся из-за двери. Потом в тишину прокрались звуки хриплого голоса.

— Это... это голос Хэссопа! — прошептал консультант по сбыту. — Я знаю... я говорил с ним по телефону...

Все поняли, что произошло. Хэссоп сбежал из больницы! В горячечном бреду! Что может он теперь натворить, командуя железным силачом, подчиняющимся только его голосу!

— Держите себя в руках, джентльмены, — слабым голосом произнес главный психолог и упал в обморок.

Молодая леди-ведьма взвизгнула и бросилась вниз по лестнице.

— Хэссоп — жулик! — завопил, наливаясь кровью, глава фирмы. — Он заранее вывез все ценные вещи! А потом сам скомандовал «Боблу» крушить всякий хлам! Вымогатель!

— Я же вам все время толкую, что все системы становятся тождественными итеративным системам, если передача возмущений равна нулю, а все целое идет к адаптации так же, как эти системы, — с обидой в голосе сказал главный кибернетик.

Капрал решительно нажал на дверь. Всей гурьбой они ворвались в квартиру. Но Хэссопа в квар-

тире не было. Один только «Бобл-18» деловито долбил железным прутом пластмассовую ванну. А на остатках люстры сидел... ядовито-зеленый попугай и, злобно вытаращив глаза-бусинки, хрипло орал голосом Хэссопа:

— Бей! Заходи слева! Бей! Круши! Круши!..

Так закончилась история бунта «Боблов». И даже Хэссоп, этот ехидный мистер Фыркалка, только усмехается, если при нем заходит речь о чем-либо подобном. Но вечером, готовясь насладиться репортажем о боксе, он каждый раз запирает ядовито-зеленого попугая Жако в самый дальний стенной шкаф.

ПОЧЕМУ ЛЮДИ ХОТЕЛИ ПОКИНУТЬ ЗЕМЛЮ

Утром, очень рано, я отправился на рыбалку. Над озером таял туман, и кружево зелени, наброшенное на белые спицы берез, было влажное и темное. Сквозь зыбкую завесу тумана я увидел, как рухнул забор, огораживающий дачу писателя Бубликова, и на шоссе вышло стадо белых слонов. Отличные слюны — один к одному — тяжело топали толстыми ногами и дружно открывали розовые рты, будто зевали.

Что бы вы сделали, увидев стадо белых слонов?

Я испугался. Вот и все, что я сделал. Впрочем, я еще почему-то оказался почти в центре озера, по горло в воде.

Когда через четыре дня меня, как переводчика, мобилизовали для работы в Международном Информационном Центре, я постарался и нашел донесение № 18-148-СБ, касающееся стада слонов писателя Бубликова. Слоны тогда разнесли в щепки пристанционный киоск «Пиво-воды», выпили пятнадцать бочек жигулевского пива, сожрали семь тонн цветной капусты, заготовленной местными кооператорами, и улеглись спать на рельсы пригородной электрички,

отчего сто двадцать семь тысяч рабочих и служащих опоздали на работу. Железнодорожники и другие заинтересованные организации завели «Дело о спящих слонах», которое и послужило основой для донесения № 18-148-СБ.

А в тот момент, стоя в ледяной воде, я тупо рассматривал сломанный забор бубриковской дачи. По шоссе, громко перебраниваясь на совсем незнакомом гортанном языке, прошла толпа очень смуглых людей в желто-коричневых юбочках, вооруженных щитами и копьями.

«Киносъемка», — догадался я и принялся выдираться из тины.

Отжимая прямо на себе мокрые брюки, я почувствовал, как кто-то, громко сопя, тыкается мне в ноги, наступая на пятки босоножек. Я обернулся. Черная пантера обнюхивала мои ноги, облепленные тиной.

Если хотите побить все рекорды по бегу на всех дистанциях, выходите на старт вместе с черной пантерой. Держу пари, вы ее обгоните и заодно оставите далеко позади всех чемпионов по бегу.

Но хватит говорить о моих рекордах и переживаниях. В то утро мир узнал о событиях поважней.

Исчезла пирамида Хеопса. Правда, ее нашли в Австралии на участке земли, принадлежавшем довольно известному археологу, специалисту по египетским иероглифам. Перепуганный археолог поклялся журналистам, что хотя он действительно неделю назад вернулся из Египта, но багаж его тщательно досматривался таможенными трех государств, и поэтому он не мог провезти с собой одно из величайших сооружений мира.

Одновременно с пирамидой исчез пролив Ла-Манш. Исчез, как будто провалился сквозь землю, точнее, наоборот — земля в бывшем проливе вспучилась и сбросила с себя тяжесть свинцовых вод Северного моря. Тотчас же возник международный конфликт: считать ли новоявленный перешеек исконно французской или исконно английской территорией?

В Италии события, захлестнувшие постепенно весь мир, приняли несколько иной оттенок. Во всех городах владельцы лотерейных билетов предъявили для оплаты семь миллионов билетов с одним и тем же номером, на который выпал главный выигрыш в миллион лир. Банки, субсидирующие лотерею, лопнули, а девять крупнейших чиновников министерства финансов сошли с ума.

Телеграфные агентства сообщали о чудесах поменьше: страдающая от бездетности миссис Уиферитт из штата Нью-Джерси неожиданно родила. Шестнадцать близнецов чувствуют себя прекрасно. Счастье матери не поддается описанию... В Гайд-парке дельфин произнес речь в защиту нового закона о китобойном промысле. Дельфин говорил на хорошем английском языке с чуть заметным ирландским акцентом... Преподобный Гуго Топиц, настоятель Кентского собора, обнаружил у себя на спине пару белоснежных крыльев. К сожалению, Гуго Топиц страдает головокружением и не рискует оторваться от земли... В Аргентине однорукий фермер нашел...

Довольно! Я должен писать только о том, что видел собственными глазами. Мои воспоминания о событиях, самых удивительных и грандиозных за всю историю человечества, — лишь несколько страниц из двенадцати миллионов рукописных книг, собранных в Международном Информационном Центре. Эти

книги — воспоминания, заметки, отрывочные записи, сделанные почти всеми жителями Земли. Тогда, тоже впервые в истории, все взялись за перо — от шахтера до президента, от школьника до патриарха. Единственное обязательное условие того, чтобы твои записи заслужили Вечного Хранения, — писать только о том, что видел собственными глазами.

Итак, удирая от пантеры, я в два прыжка покрыл расстояние от калитки до крыльца и, судорожно суетясь, захлопнул дверь.

— Чтоб тебе лопнуть! — в сердцах пожелал я, пытаюсь отдышаться.

За дверью раздался оглушительный хлопок, будто лопнула одновременно сотня детских воздушных шариков. Я осторожно выглянул в форточку. Перед моим носом кружились в воздухе, медленно опускаясь, клочья черного меха. Пантера исчезла.

— Провалиться мне на этом самом месте, она лопнула! — прошептал я, сраженный увиденным.

Пол треснул, доски разъехались в разные стороны, и я провалился в погреб, в кадушку с кислой капустой. Тут я понял, что сошел с ума, и сразу успокоился. Никогда не думал, что мысль о собственном безумии так успокаивает!

— Что ты там делаешь? — раздался сверху голос жены.

Я побоялся, что рассказ о белых слонах и лопнувшей пантере покажется ей немного неправдоподобным. Поэтому я пробормотал несколько слов о необходимости ремонта подгнившего пола.

— Посмотри, на кого ты похож! — сказала жена, когда я выбрался из подвала.

Бурые водоросли и коричневая лапша капусты украшали мокрые брюки, полосатая рубашка была очень аккуратно разодрана вдоль полос. Я вспомнил, что идеалом жены были всегда подобранные, элегантные мужчины в элегантных костюмах спортивного покроя, и мысленно представил себя в одном из таких серо-голубых костюмов, недавно виденном на витрине.

— Ооо! — пролепетала жена. — Что ты сделал...

Конечно, после поединка с черной пантерой отличный серо-голубой костюм, который оказался на мне вместо мокрых лохмотьев, уже не очень удивляет.

В окно постучали.

— Извините! — дрожащим голосом произнес незнакомый мужчина. Он пытался взобраться на подоконник, но это у него плохо получалось. — Извините... Мне очень хотелось искупаться... В море... Простите, жарко... А в море прохладно... Но я чуть не утонул...

Мы нерешительно подошли к окну. Вместо привычных грядок с малиной и огурцами, палисадника с астрами и акацией перед нами до самого горизонта расстиралось самое настоящее море. Крыльцо дачи нависло над высоким каменистым берегом. Незнакомцу, прежде чем он достиг нашего окна, пришлось карабкаться по отвесной скале.

— Мне так захотелось искупаться, — бормотал он, — так захотелось... И вот... море...

Захотелось! И возникло море, в котором он чуть не утонул. Бедняга! Конечно, ни он, ни мы еще не подозревали, что в то утро на всей Земле началось Удивительное. Каждое желание человека стало немедленно осуществляться. Стоило только вслух или про себя захотеть — и любая мечта принимала ося-

заемые, вещественные формы. Все, что живописал разум, превращалось в предметы, живые существа, явления природы... Все стало возможным! И даже невозможное стало возможным...

Через три дня был создан Международный Информационный Центр. Ошеломленное человечество решило собрать факты, только факты, чтобы потом создать теорию Удивительного и принять Совместные Решения. Меня направили в Центр переводчиком. Под моим началом было девять переводческих машин, из которых шесть переводили с языков, которые я почти не знал, на языки, которые я совсем не знал. Но это не мешало нам собирать факты, только факты, в проеогромном количестве.

Лично мне, как вы уже знаете, с самого начала досаждали различные звери. Увы, слоны и пантеры, созданные могучим воображением писателя Бубликова, который, не покидая дачного поселка, дописывал второй том «Путешествия в страну лиан», это еще не самое худшее. Я всегда любил животных, даже теперь под одной из переводческих машин поселил старую черепашку. Но когда Боблдамское общество защиты животных решило, что их милые мопсики, попугаи и коровки ничем не хуже людей, стоит только немедленно научить их говорить, — это уже граничило с катастрофой. Попробуйте хладнокровно доить корову, которая пытается обсудить с вами международные события. Или хотя бы назвать ослом осла, который осведомляется о результатах футбольного матча Бразилия — Перу. А когда моя черепашка нестерпимо скрипучим голосом попросила не так часто включать переводческую машину, потому что гудение трансформаторов действует ей на нервы, я думал, что меня хватит удар.

Жена прислала письмо. Наш сынишка сумел заболеть свирепой ангиной. Я уже знал, что половина детей Земли хрипит и кашляет — они объелись мороженым. Другая половина предприимчивых детишек болеет золотухой — они сверх меры наелись конфет. Стоило только матерям отвернуться — и каждый ребенок воображал себе горы сладостей и сливочных пломбиров. К счастью, все дети уже выздоравливали! Это врачи сумели вообразить, что их маленькие пациенты прошли курс лечения.

Стало понятным — лекарства больше не нужны! Таков был, пожалуй, самый отрадный факт из тех немногих отрадных фактов, что удалось собрать Международному Центру.

Если медики проявили себя с наилучшей стороны, то историки и археологи причинили людям массу хлопот. Они смешали в одну кучу века и эпохи, поселяя среди нас далеких предков. Мне самому уже пришлось выручать из затруднительного положения римского патриция, умирающего от жажды перед автоматом с «газированной», и переводить через улицу греческого философа, тщетно скрывающего свой страх перед потоком машин. Полиция и милиция всех стран только тем и занималась, что разнимала драки, стычки и поединки, которые то и дело затевали разные странствующие рыцари, мушкетеры, крестоносцы, оруженосцы и прочие парни, закованные в ржавое железо. Все полицейские участки были переполнены этими забияками, пахнущими луковой похлебкой и сыромятной кожей. Но предков не убывало! Наоборот, их становилось все больше. Историки плодили их племенами и ордами.

Представляете, как нам в Информационном Центре было трудно отличать настоящие факты, сообщен-

ные реальными людьми, от тех хвастливых сказок, что придумывали придуманные и воинственные предки.

А само здание Международного Центра! Его строил... что я говорю «строил», просто намыслил, вообразил знаменитый архитектор. К сожалению, неугомонный маэстро продолжал ломать голову: что бы еще такое усовершенствовать в своем детище? Каждое утро мы искали свое здание по всему городу — то оно оказывалось на холме, то на берегу озера, то затиснутое среди множества других навыдуманных небоскребов. И если с утра я начинал работать в пятиугольном зале на пятом этаже (это была очередная новаторская выдумка маэстро — каждый этаж имел количество углов, равное номеру этажа), то к вечеру зал превращался в шар, увенчивающий свежесвыдуманный шестидесятый этаж. Весь день здание ходило ходуном, будто плясало вприсядку на гигантских качелях.

Да что там наше здание! Пустяк! Тридцать второго февраля (теперь были и такие даты) жители Парижа, проснувшись, обнаружили, что город висит в воздухе, а сверху его прикрывает что-то темное, мрачное и непонятное. Оказалось — две конкурирующие фирмы осуществили одновременно два гениальных плана полной реконструкции столицы. По одному проекту весь город получал подземные улицы, подземные универмаги, подземные скверы, подземные бассейны и стадионы. По конкурирующему проекту все воздвигалось в воздухе на четырех миллионах железобетонных столбов — воздушные вокзалы, воздушные музеи, воздушные ипподромы, воздушные набережные и такой же метрополитен. В результате город оказался между небом и землей. Из-под него вы-

нули реальную почву, а над ним повисли воздушные замки.

Мне лично особо опасными казались изобретатели. Самые смутные, неуловимые, туманные, замысловатые и рискованные идеи этих профессиональных выдумщиков незамедлительно приобретали зримый и весомый облик. Противно извивающийся живой автобус прищемил мне ногу живой дверью, а кровать среди ночи превратилась в ванну с ледяной водой, но никто уже не обращал внимания на подобные пустяки. Хуже было, когда изобретатели-кибернетики направили свои мысленные усилия на создание роботов. Полчища роботов за пару дней высосали все электричество, но изобретатели-энергетики тут же наполнили все пространство электроэнергией. Теперь, прикоснувшись к любому металлическому предмету, вы чувствовали себя так, будто уселись на электрический стул. Приходилось все время витать в воздухе! Жизнь становилась невыносимой!

Удивительное продолжалось еще только вторую неделю, а Международный Информационный Центр уже оказался накануне краха. Нам нужны были факты, только факты! А откуда их было взять? Газеты и журналы прекратили свое существование. Еще бы! Ведь каждый читатель всегда имел собственное мнение, какой именно должна быть ЕГО газета. Когда все обрели возможность овеществлять свои выдумки, каждый подписчик получил СВОЮ газету. Ни один экземпляр миллионного тиража ни в чем, даже в названии, не походил на остальные 999999 экземпляров. Какие уж тут факты! Не устояли и почтово-телеграфные работники. Они вольно или невольно измышляли кучи телеграмм и писем. Кое-кто изловчился вообразить... радиоволны! Эфир наполнился ин-

формационным хаосом. Порвалась связь времен и народов...

В это время пришло известие с Луны. Настоящее известие! Реальное! Оно потрясло всех! Смешанная международная экспедиция селенографов терпела бедствие. Луноход с основными запасами солнечных батарей провалился в расщелину. Конечно, помощь будет послана немедленно. Теперь это так легко сделать. Пожалуй, слишком легко... Но известие с Луны потрясло другим. Экспедиции не хватает энергии, батарей! Значит, они не могут их придумать, домыслить, наметать. На Луне надо бороться, чтобы победить, добиваться, чтобы достичь, трудиться, чтобы осуществить. Значит, Удивительное коснулось только Земли! Не знаю, кому первому пришла в голову идея покинуть Землю, но вскоре эта мысль овладела всеми. Не понадобилось даже вмешательства нашего Информационного Центра. Обошлись без нас!

Двухместные космолеты, семейные ракетобусы и многоместные космолайнеры всех видов и расцветок, новенькие, только что нафантазированные, готовились к отлету. Десятки индивидуальных планетобусов уже покинули Землю.

И тогда кончилось Удивительное! Кончилось так же внезапно, как началось. А когда оно кончилось, многие стали толковать о том, что ничего особенного и не происходило. Психологи толковали о массовом самогипнозе, физики уверяли, что Земля прошла сквозь облако субквантовых частиц, которые от любого мысленного толчка меняли конфигурацию молекул, биологи сходились на том, что материальные носители мыслительных процессов еще мало изучены. Особенно наслаждались педагоги. Уж они-то не

устанавливали задавать ученикам сочинения на тему «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда» и многое в таком роде. И хотя я терпеть не могу педагогических правоучений, здесь я был с ними вполне согласен!

ЗЕЛЕНАЯ КНОПКА

Не доходя двух световых минут до таинственной планеты Мюи, звездолет пошел на посадку. Нейлоновые парашюты благополучно доставили на планету хрустальную капсулу со спящим астронавтом. Еще ничего не подозревая о случившемся, молодой астронавт, как всегда свежесбривший кибернетическим парикмахером и приятно освеженный одеколоном «Вечерний Сатурн», продолжал смотреть свежий стереофонический сон. А рядом уже стояли нейробы — единственные обитатели планеты Мюи и, жужжа, как осенние мухи, оживленно совещались.

Мюи — планета Кошмаров и Молибдена. В ее болотах из расплавленного свинца, в атмосфере из паров уксусной кислоты, в облаках страшного ДДТ, извергаемых исполинскими вулканами, могли существовать только нейробы — кибер-нейро-роботы, основатели и продолжатели Рациональной Цивилизации Машин.

Астронавт оказался первым и единственным человеком на этой планете. Поэтому нейробы, засучив пластмассовые рукава и наморщив медные лбы, немедленно приступили к математическому анализу неизвестного механизма, лежащего перед ними. Уже через две микросекунды удалось найти координаты центра тяжести астронавта и установить с точностью

до одной сотой интеллектуальной единицы, что данное устройство относится к группе Прямоходящих Механизмов и что в его верхней шарообразной части помещается несложное кибернетическое устройство.

— Бьюсь об заклад, он не сможет решить простейшее сингулярное уравнение, — хихикнул нейроб, похожий на помесь радиолокационной антенны с пишущей машинкой. Это был Хранитель Таблиц и Заменитель Энциклопедий, всезнающий Энциклоп. — Сколько простейших ячеек памяти вы насчитали в его так называемом мозгу?

— Че... че... четырнадцать миллиа... а... ардов, — почтительно доложил крохотный нейробик, вылезая из-под хрустальной капсулы. Недавно перед самым носом нейробика шлепнулся громадный метеорит, и это так подействовало на малютку, что он начал заикаться.

— Всего лишь четырнадцать миллиардов? Ха-ха-ха!.. — рассмеялся Энциклоп, дребезжа кварцевыми усилителями.

Конечно, это было не очень тактично со стороны Энциклопа — хвастаться своим превосходством, но что поделаешь — истина всего дороже, и приходится признать, что в квантовом мозгу Энциклопа одна только теория кососимметрических тензоров второй валентности занимала семьсот сорок два миллиарда субквантовых ячеек памяти.

Маленький нейробик, весьма польщенный тем, что ему дозволили вмешаться в столь высокоученый спор, пропищал:

— Осмелюсь за... за... заметить, что да... да... анный Прямоходящий. Ме... ханизм на шестьдесят шесть процентов состоит из воды. Во... во... водички!

— Представляю, какие у него водянистые мыс-

ли! — сострил Энциклоп, слывший среди нейробов отчаянным остряком, и, переждав взрыв почитительного смеха, заключил: — У него не мозг, а водяная лужа!

— Вода, водянка, водобоязнь... — забормотал подслеповатый и тощий нейроб, Хранитель Словесных Ассоциаций, или, как его называли в интимном кругу, просто Аська.

— Водогрязелечебница, носить воду решетом, толочь воду в ступе, прятать концы в воду... — ускоряя темп, бормотал Аська. Задравши неоновые глаза к потолку, он принялся вдохновенно декламировать шестой том «Водоснабжения и канализации».

Вдруг все грани гигантского алмазного куба, стоящего возле капсулы с астронавтом, засветились бледно-розовым светом. Это была последняя новинка техники нейробов — Великая Проникалка. Проникнув в тайники памяти Прямоходящего, Проникалка демонстрировала на своих рубиновых экранах весь запас информации, хранящийся в мозгу. На экранах мелькали хвостатые интегралы, таблицы прошлогодних футбольных розыгрышей «Юпитер» — «Динамо», некоторые случаи решения дифференциальных уравнений и абсолютно чуждое для планеты Мюи стихотворение «В лесу родилась елочка»...

— Ничего себе наборчик! Хаос, полный хаос! — негодуяще заметил плоский, как шляпка гриба, нейроб, специалист по случайным числам, хаосу, аварийным ситуациям и катастрофам — Великий Избавитель от Аварий.

— Смотрите, смотрите, — пропихивал нейробик, указывая клешней на экран, — у этого... как его... Прямоходящего се... семнадцать миллионов мозговых ячеек заняты какой-то Ва... Ва... Валюшей... Мне кажется, что это... это женское имя...

Нейробик от смущения залился с ног до головы ярко-красным неоновым светом.

— Тем более! — сказал Избавитель. — Все эти так называемые эмоции, чувства, страсти окончательно запутывают и без того хаотическую память Прямоходящего. Даже малому нейробiku ясно, что эмоции — это аварии, страсти — это вопиющее уменьшение коэффициента надежности, а чувства, вы меня извините, но чувства — это предпосылки для принятия безответственных решений в наиболее ответственных ситуациях. Неслыханная беспечность!..

Избавитель от Аварий так разнервничался, что вынужден был для успокоения сделать добрый глоток отличного смазочного масла.

Энциклоп из всех сил хлопнул себя молибденовой клешней по капроновой макушке:

— В этой башке сигналы распространяются со скоростью сто тысяч километров в секунду! Держу пари на четвертинку силиконовой смазки, что в нервах этого Прямоходящего сигналы ползут как черепахи!

Но охотников спорить с Энциклопом не нашлось. Только старик Кси — старомодный нейроб с еще более старомодной магнитной памятью — хотел было напомнить, что он тоже не обладает сверхскоростной проводимостью импульсов, но все же является мыслящей машиной. К сожалению, кто-то выдернул у Кси блок питания, и он раздумал возражать Энциклопу.

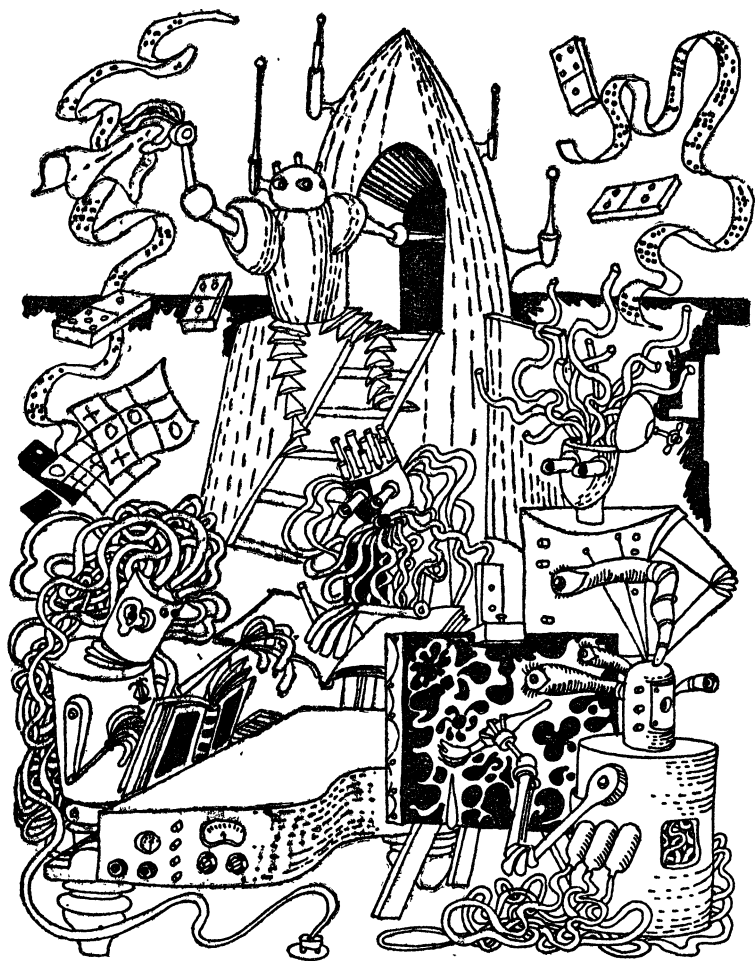
Разумеется, ни одна авторучка, ни одна пишущая машинка, ни одна ротационная машина не в силах поспеть за спором нейробов. Весь вышеописанный обмен мнениями занял всего три с половиной микросекунды, а уже к началу пятой микросекунды нейробы пришли к окончательному выводу: лежащий

в хрустальном вместилище Суставчатый Прямоходящий Механизм с шарообразным киберустройством не может быть отнесен к разряду творчески мыслящих агрегатов, аппаратов или механизмов. Так и записали в специальном протоколе с приложением Большой Кибернетической Печати.

Но вдруг астронавт в последний раз причмокнул во сне губами и проснулся. Он увидел толпу нейробов, столпившихся вокруг его ложа, и удовлетворенно улыбнулся. Он их всех хорошо знал! Это были нейробы, сделанные когда-то в его лаборатории. Все шло в точном соответствии с программой высадки на планету Мюи.

Астронавт откинул крышку хрустальной капсулы, приподнялся и нажал Зеленую Кнопку у своего изголовья. И тут все стало на свое место: Избавитель от Аварий, бодро потряхивая молибденовыми суставами, помчался жарить для молодого астронавта сочный бифштекс, а мудрец Энциклоп, гаркнув во все усилители: «Рады стараться, ваше Человечество!», взвалил на танталовые плечи пару атомных заступов и отправился расчищать от камней стартовую площадку звездолета. Ничего не поделаешь, Зеленая Кнопка Власти над Машиной — она, знаете ли, всегда в руках человека.

А то, что нейробы на досуге, пока человек не проснулся, решили позлословить на его счет — так это ничему не мешало. Еще наидревнейшие философы подметили, что слуги очень любят судачить о своих господах...

ДИАЛОГИ XXI ВЕКА

ВЕРХ ЛОГИКИ

— Моя суперлогическая машина марки «Друг-188» вчера выдала Полную Теорию Пространства и Времени.

— Замечательное достижение!

— Да, но одновременно она дала и блестящее доказательство несостоятельности этой теории.

ЛЕНТЯИ

— Наша фирма «Мысль» получила массу новинок. Купите, например, этот новый нейрокибер. Он снимет с вас половину мыслительной работы.

— Только половину?.. Гм... В таком случае верните парочку.

БЕСКОНЕЧНЫЙ ПРОГРЕСС

— Эти роботы ужасно зазнались. Представляешь, вчера один такой механический недоучка заявляет: «Я не желаю монтировать бетонные плиты. Я тоже хочу решать сингулярные уравнения». Какой нахал!

Отвечаю ему совершенно спокойно... Ой! Дз... дз... дз...

— Что с тобой?

— Ничего, уже прошло. Когда я волнуюсь, у меня заедает переключатель ферромагнитной памяти. Так о чем мы говорили?

— О роботах для роботов.

ХУДОЖНИК-МЕХАНИЗАТОР

— Вы напрасно трудитесь, эти живописные скалы рисовали уже сотни раз.

— У меня они выйдут неузнаваемыми! Я рисую с помощью киберисказителя «Абстракт-Сигма Н»!

СОМНИТЕЛЬНАЯ НОВИНКА

— Как вам понравился этот оригинальный вальс, сочиненный только что музыкальным кибером?

— Он мне всегда нравился.

«БЕСЧЕЛОВЕЧНЫЕ» ИЗОБРЕТЕНИЯ

— Это бюро заказов изобретений? Я хочу заказать на завтра следующие изобретения: велосипед без человека, футбол без футболистов, массовые танцы в одиночку и самоиграющий духовой оркестр.

— Зачем вам такие «бесчеловечные» изобретения?

— Я улетаю в Большую Комплексную Космическую Экспедицию. К сожалению, вся экспедиция состоит из одного меня. Вот и боюсь соскучиться.

— В таком случае рекомендуем воспользоваться еще одним изобретением: Большая Комплексная Экспедиция Без Человека.

РОБОТЫ ЗАЗНАЛИСЬ

— Ты знаешь, в последнее время меня все принимают за человека!

— Что же тут удивительного, если ты ведешь себя так нелогично.

ЕДИНСТВЕННАЯ ПРИМЕТА

— Когда океанологическая экспедиция вернулась из плавания по Тихому океану, я сразу увидел, кто из них настоящие ученые, а кто киберроботы.

— Каким образом?

— Ученые загорели, а киберы нет.

НЕДОВЕРЧИВЫЙ РЕБЕНОК

— Папа, а кто такой леший?

— Гм, как бы тебе объяснить...

— Это такой человек?

— Не совсем.

— Не совсем? Значит, это робот. Он живет в лесу?

— Да, в лесу.

— А где же он берет электричество?

ПЕРЕСТАРАЛИСЬ

— Обратите внимание — последняя работа нашего конструкторского бюро: квантовый метеорологический предсказатель. Абсолютно точно предсказывает, какая погода будет в этот день через двести и даже через пятьсот лет!

— Очень интересно. А может ли он предсказать, какая погода будет завтра, послезавтра?

— Завтра? Ну, знаете, такими пустяками нам некогда заниматься.

ПРИМИТИВНЫЙ

— Зачем ты делаешь нейрокибера только с двумя мозговыми ячейками?

— А мне нужен партнер для игры в домино.

КАЖДОМУ СВОЕ

— Сначала работа, потом удовольствие, — сказал нейрокибер, кончил решать сингулярные уравнения и принялся пересчитывать запятые в Большой Британской Энциклопедии.

СВЕРХСКЕПТИК

— Какой ужас! Нейрокибер «Фи-33» сам себя отправил на переплавку. Покончил с собой из-за своих убеждений!

— Бедняга! А какие у него были убеждения?

— Он не верил в кибернетику.

ПРЕИМУЩЕСТВО

Один кибер другому, очень взволнованно:

— Говорят, что люди научились читать мысли!

— Плевать! Роботы не краснеют.

РОБОТЫ ОТДЫХАЮТ

— Может быть, партию в «крестики-нолики»?

— Нет, спасибо. В «крестики-нолики» я играю

только на работе. Специалист по теории стратегических игр! А здесь, в доме отдыха, я с удовольствием решил бы парочку сингулярных уравнений...

ПРЕРВАННЫЙ ЗАВТРАК

— Подлетаю к Черной Звезде. Трах! Астероид раскалывает звездолет на две части. Выбрасываюсь на вспомогательном фonoлете. Трах-тарарах! Космический ливень разрушает двигатель фonoлета. Катапультирую в аварийной капсуле. Бах! Огненный протуберанец вырывается из Черной Звезды и расплавляет капсулу. Спускаюсь на парашюте. Дзить! Летящий ящер рвет парашют в клочья. Внизу озеро кипящей воды. Падаю прямо в озеро. Еле доплыл до берега... В кармане комбинезона были сырые яйца, так, представляешь себе, пока плыл, они вкрутую сварились.

— Ну, это ты уже сочиняешь! Откуда у тебя в комбинезоне могли оказаться сырые яйца?

— Не успел позавтракать.

ВНУК

— Коля, отдай дедушке его биотоки.

— Какие еще биотоки?

— В такой круглой коробочке. Синего цвета. Написано «Мышечный стимулятор».

— Не брал я биотоков. Зачем они мне?

— Ты же знаешь, дедушка старенький. А ты куда-то задевал его биотоки. Он без биотоков не может на каток ходить. Ему уже какую-нибудь пару километров пробежать трудно. Вот будет тебе, как де-

душке, триста лет, тогда узнаешь. Нехорошо, Коля, нехорошо...

— Перестань, пожалуйста, называть меня Колей. Я тоже не сегодня родился. Но, кстати, в свои двести лет еще без биотоков обхожусь.

ЗАПОЗДАЛАЯ НОВИНКА

— В наш отдел изобретательства за последний месяц поступила масса интересных предложений. Принесли, например, рецепт производства жидких алмазов, способ прессования времени в небольшие тюки, цветной дождь для влюбленных... И разные мелочи — хоккей без хоккеистов, способ создания беззвучного лая для бывших сторожевых собак. Всего не перечислишь. Но встречаются еще и чудачки. Недавно один приносит... что бы вы думали? Способ замены всех существующих предметов цветными бумажками! Никчемное, нелепое предложение...

— А как называлось его изобретение?

— Кажется... «деньги».

ПРИКАЗ ПО ИНСТИТУТУ АНТРОПОКИБЕРНЕТИКИ

Всем заведующим лабораториями 14 июня в 17 часов надлежит быть:

- 1) на координационном совещании в конференц-зале,
- 2) на опытной базе Мадагаскар-2,
- 3) в питомнике киберонеандерталцев.

Во избежание опозданий к расщеплению личностей рекомендуется приступить сразу же после обеденного перерыва. Все три явки строго обязательны.

Д и р е к ц и я.

НА ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦИИ

Ученый-лектор. Представим себе некий решетчатый резервуар, собранный из прямолинейных элементов и водруженный на четыре моноциклических агрегата, перемещающихся по эквидистантным траекториям...

Робот-переводчик. Представим себе... э... телегу.

ПРЕЖДЕВРЕМЕННО

Журналист (по телефону). Что бы вы могли, профессор, рассказать нашим читателям о проблемах неокибернетики? В частности, о создании интеллектуального механизма?

Профессор (многозначительно). Ну, об этом, я думаю, говорить еще преждевременно. Что касается действительно актуальных и серьезных проблем, то следует остановиться на некоторых вопросах проектирования автоматов по продаже плавленных сырков... Простите, с кем имею честь говорить?

Журналист. У аппарата кибержурналист «Буквица-17» из еженедельника «Голос робота».

ОБЪЯВЛЕНИЕ В МАГАЗИНЕ «ДОМАШНЯЯ РАДУГА»

Милые покупатели! Ввиду невыполнения плана по магнитным бурям северные сияния типа «Спектр I» отпускаются только в порядке живой очереди. Ставить вместо себя роботов категорически воспрещается!

ВЫРУЧАЕТ

— Жена у меня чрезвычайно строгая. Я, знаете ли, если на собрании задержусь или с приятелем за-

болтаюсь, так обязательно впереди себя телеуправляемого кибердвойника посылаю. Жалко, конечно, беднягу, но, как говорится, своя рубашка ближе к телу.

СВЕРХНАДЕЖНЫЙ РОБОТ

Кто-то робко стучит в дверь.

— Заходите!

Металлический голос из-за двери:

— Я голову себе проломил...

— Все равно заходи.

— Я руки и ноги сломал...

— Черт побери! Вползай!

— Не могу. Я куча обломков.

ЛЮБИТЕЛЬ ЗВУКОВ

Управляющему жилого микрорайона «Тишина»

З а я в л е н и е

Абсолютная звукоизоляция, созданная в домах вашего микрорайона, действует мне на нервы. Прошу выдать из районной фонотеки следующие звуки: «скрип дверей», «сверчок на печи», «радиола за стеной» и «треск старой машины времени».

БЕССМЕРТНЫЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Врач. Ну, батенька, отныне вы бессмертны. Как говорится, на вечные времена!

Изобретатель. Большое спасибо! Наконец-то! Теперь-то уж я успею сконструировать вечный двигатель!

НЕУВЯДАЕМЫЕ ПОСЛОВИЦЫ

*

— Я вижу, у тебя опять новый киберпарикмахер. Но учти, дорогая, не кибер красит человека, а человек кибера.

*

Тот живет не тужит, кто с роботом дружит.

*

В рóботе важен не чин, а начин.

*

Тысяча полупроводников — еще не робот, тысяча роботов — еще не человек.

*

У кого в голове мало ума, у того в доме много роботов.

*

Пока робот замеряет скорость течения, человек переплывает реку.

*

Один человек может задать столько вопросов, что и девяносто девять роботов не ответят.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Несущие вечность

Несущие вечность	5
За краем Солнца	20
Три с минусом	30
Хлеб	37
Грибы	43
Памятник силиборжцам	51
Зеркало для Антона	60
Самозванец Стамп	77

II. Непрочный, непрочный, непрочный мир...

Непрочный, непрочный, непрочный мир... .	97
Исповедь после смерти	109
Когда приходит Джим	124
Беглец	128
Изумрудные	151
Взрыв	157
Средство против муравьев	187
Карьера Жестяного Майка	202

III. Плоды

Плоды	215
Корифей, или Умение дискутировать (рас- сказ-руководство)	232
Весельчак Жако	247
Почему люди хотели покинуть Землю . .	257
Зеленая кнопка	269
Диалоги XXI века	275

*Зубков Борис Васильевич,
Муслин Евгений Салимович*
САМОЗВАНЕЦ СТАМП. Рас-
сказы. М., «Молодая гвардия»,
1968.

288 с., с илл. (Б-ка советской
фантастики).

Р2

Редактор Г. Еремин
Художник А. Брусиловский
Художественный редактор
Г. Позин
Технический редактор
И. Егорова

Сдано в набор 15/VI 1968 г.
Подписано к печати 12/IX 1968 г.
A05475. Формат 70×108¹/₃₂. Бу-
мага типографская № 2. Печ.
л. 9 (усл. 12,6). Уч.-изд. л. 10,9.
Тираж 100 000 экз. Зак. 900. Це-
на 33 коп. Т. П. 1968 г., № 227.
Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». Москва,
А-30, Сущевская, 21.

**В ближайшее время в серии
«БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ»
выйдут следующие книги:**

**Михаил АНЧАРОВ,
Сода-солнце (фантастическая трилогия)**

**Евгений ВОЙСКУНСКИЙ,
Исай ЛУКОДЬЯНОВ,
Очень далекий Тартесс
Микола РУДЕНКО,
Волшебный бумеранг**

**Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Борис СТРУГАЦКИЙ,
Второе нашествие марсиан,
Стажеры**

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

33 коп.

